

САЯТ-НОВА

Собрание
рукописей

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*Ф. Я. Прийма (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, А. Н. Болдырев,
А. С. Бушмин, Н. М. Грибачев, А. В. Западов,
К. Ш. Кулиев, Э. Б. Межелайтис, С. А. Рустам,
А. А. Сурков*

*Большая серия
Второе издание*

СОВЕТСКИЙ

ПИСАТЕЛЬ

САЯТ-НОВА

СТИХОТВОРЕНИЯ

Вступительная статья

В. С. Налбандяна

Составление и примечания

Г. А. Татосяна

Литературное наследие поэта-певца Саят-Новы (настоящее имя — Арутин Саядян, XVIII в.) — неотъемлемая часть культуры народов Закавказья. Песни Саят-Новы, написанные на армянском, грузинском и азербайджанском языках, сохранили свою художественную значимость и популярность до настоящего времени. Защитник обездоленных и угнетенных, тонкий лирик, непревзойденный певец любви, Саят-Нова, по словам Валерия Брюсова, «мощью своего гения превратил ремесло народного певца в высокое призвание поэта... показал, что этот певец — не только увеселитель на пиру, но и учитель, пророк...».

В настоящем издании стихотворения Саят-Новы представлены в переводах В. Брюсова, М. Лозинского, А. Тарковского, С. Шервинского и других мастеров русского стиха. Ряд произведений Саят-Новы переведен на русский язык впервые.

ПЕВЕЦ ЧЕЛОВЕКА И ЛЮБВИ

На протяжении своей многовековой истории армянская поэзия породила ряд величайших имен, среди которых особое место занимает выдающийся поэт и ашуг XVIII века, песенник и музыкант Саят-Нова. По определению В. Я. Брюсова, Саят-Нова — поэт «величественный, многообразный, по-тютчевски чуткий и, как Мюссе, страстный: один из тех «первоклассных» поэтов, которые силой своего гения уже перестают быть достоянием отдельного народа, но становятся любимцами всего человечества». ¹ Не случайно, что по решению Всемирного Совета Мира в 1962 году юбилей Саят-Новы широко отмечался во многих странах мира.

Поэтическое наследие этого великого певца человека, любви, красоты и справедливости является одним из наиболее поразительных откровений армянского (и не только армянского) творческого гения. Благодаря своему общечеловеческому характеру, народности, социальной насыщенности и неповторимому поэтическому искусству, слово Саят-Новы и сегодня звучит с той же силой, созвучно наиболее сокровенным чувствам человеческой души.

Популярность поэзии Саят-Новы, в частности среди народов Кавказа, совершенно исключительна. Многие строки и пассажи его песен, созданных на армянском, грузинском и азербайджанском языках, которые воистину являются удивительными сгустками народной мудрости, издавна превратились в крылатые слова. Это явление, быть может, высшее признание и оценка художественных заслуг поэта.

¹ Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней, в переводе русских поэтов. Редакция, вступительный очерк и примечания Валерия Брюсова, Ереван, 1966, с. 11. Печатается по тексту первого издания (1916) с исправлениями и дополнениями. Далее высказывания В. Я. Брюсова цитируются по указанному изданию без ссылок,

Исследователи, которые занимались богатой легендами и многими загадками биографией Арутюна (на тифлисском диалекте армянского языка — Арутин) Саядяна, этого «гениального импровизатора» (определение Г. Ахвердяна), располагали лишь немногими достоверными данными. Эти случайные сведения рассыпаны в песнях поэта, по страницам рукописных сборников его творений, составленных им самим и его сыном Оганом (Иоанне Сеидов), по колофонам (памятным записям) рукописей, переписанных Саят-Новой, содержатся в грузинских письменных источниках.

Жизнью и творчеством Саят-Новы занимались многие, среди них особенного упоминания достойны Г. Ахвердян, Я. Полонский, Г. Асатур, В. Брюсов, Ов. Туманян, И. Гришавили, М. Асратян, Г. Леонидзе, К. Кекелидзе, А. Барамидзе, Л. Меликсет-Бек, Г. Левонян, Р. Абрамян, Г. Абов, С. Арутюнян, Г. Араслы, П. Севак, С. Гайсарьян, М. Сеидов. Многие выяснено трудами исследователей, но многое еще нуждается в освещении и уточнении. Особенно велика здесь роль достойного благодарной памяти Геворга Ахвердяна, по существу открывшего Саят-Нову и ставшего первым его издателем. Врач по профессии, собиратель и исследователь фольклора, он первым решился изложить биографию поэта и опубликовал ее в содержательном предисловии к сборнику Саят-Новы, вышедшему в Москве в 1852 году.¹ Г. Ахвердян фактически воссоздал биографию поэта, которая была признана достоверной и составила основу для дальнейших исследований. Конечно, на основании вновь обнаруженных материалов, а также благодаря новому истолкованию известных данных ученые сделали ряд дополнений, но исследование Г. Ахвердяна и поныне во многом сохраняет свою научную ценность.

Итак, что же нам известно о жизни поэта?

Несмотря на многие усилия исследователей, до сих пор окончательно не уточнена дата рождения Саят-Новы. Отгалкиваясь от различных данных, ученые называют ряд дат — 1712, 1717, 1718—1724 годы. По поводу каждой из указанных дат приводятся факты как за, так и против, так что вопрос остается открытым, а действительную дату рождения поэта следует искать между 1712 и 1718—1724 годами.

Не было единого мнения и по поводу места рождения Саят-Новы. В азербайджанской песне «Этот — друг твой, а та вот — услада ночей...» сам Саят-Нова говорит:

Где ж родился Саят? Сказал тот — Хамадан,
Этот — Инд. Нет, отец мой из дальних был стран:

¹ Геворг Ахвердян, Гусаны, I, Саят-Нова, М., 1852 (на арм. яз.). Далее цитаты из Г. Ахвердяна приводятся по этому изданию без ссылок.

Жил в Алеппо; а мать — авлабарка; мне дан
Свет в Тбилиси — свою в нем нашел я судьбу.

Основываясь на этих словах, Г. Ахвердян родиной поэта считал столицу Грузии Тбилиси. Но вскоре стало известно свидетельство грузинского царевича, почетного члена Российской Академии наук Теймураза Багратиони (1782—1846): Саят-Нова «был родом из Санаина — деревни удельного имения царевича Георгия, из армян, проживающих в Грузии». ¹ Согласно Теймуразу, будущий поэт был крепостным отца Теймураза, упомянутого Георгия. На этом основании Г. Леонидзе полагал, что поэт родился в деревне Санаин. Сочтя свидетельство Теймураза достоверным и считая беспредметным спор, возникший по поводу месторождения Саят-Новы, весьма вероятное мнение высказал М. Асратян. Будущий поэт, утверждал он, мог родиться действительно в Санаине, откуда, по всей вероятности, происходила его мать, крепостная Георгия. Но «как личность, как деятель, как певец при грузинском дворе, Саят-Нова с полным правом должен был считать себя тбилисцем, независимо от того, родился он в Тбилиси или же в Санаине». ²

Достаточно удовлетворительны наши сведения о родителях поэта. В колофоне одной рукописи, переписанной в деревне Кахи, Саят-Нова просил помянуть отца — махтеси Карапета и мать — Сарру. Отец поэта разделил судьбу многих тысяч армян: покинул свой родной город Алеппо (в Сирии) и нашел пристанище в Грузии, где встретился с Саррой и женился. Титул «махтеси» указывает на то, что Карапет совершил паломничество к святым местам Иерусалима.

Сын бедных родителей, Арутин с раннего возраста узнал горечь жизни. Вместо беззаботных детских игр он вынужден был в поте лица добывать хлеб насущный. Основываясь на рассказах стариков — современников Саят-Новы, первый биограф поэта Г. Ахвердян сообщает: «Маленького Арутина отдают учеником к ткачу. Он оказался весьма способным и в скором времени приобрел такую сноровку, что мастерил для себя станок, так что избавлен был от необходимости работать на улице, а мог ткать прямо в комнате». Арутин очень скоро, за два года, выучился ткацкому ремеслу.

¹ Каталог библиотеки Теймураза-царевича. Подготовил к изданию, предисловием и примечаниями снабдил С. Иорданишвили, Тбилиси, 1948, с. 40 (на груз. яз.). Здесь и далее свидетельства Теймураза-царевича на русском языке цитируются по кн.: Дм. Джанелидзе, Грузинский театр с древнейших времен до второй половины XIX века, Тбилиси, 1959.

² Саят-Нова, Сборник армянских, грузинских, азербайджанских песен. Составил, отредактировал и снабдил примечаниями Морус Асратян, Ереван, 1963, с. IX (на арм. яз.). Далее цитаты из М. Асратяна приводятся по этому изданию без ссылок.

Неизвестно, с какого возраста Арутин начал творить. Следует думать, что слагать стихи, тем более петь и играть, начал он рано, возможно с детских лет. Это подтверждается авторским примечанием к армянской песне «Красавица, певца Шахатаи ты унижать не станешь...». «Я, сын махтеси Арутин, — писал он, — сызмальства до тридцати лет занят был всякими песнями, а споспешествованием святого Карапета научился играть на каманче, чонгури и амбуре» (названы восточные музыкальные инструменты). Прав, по-видимому, Г. Ахвердян, который считает, что Арутин стал увлекаться песней уже в годы обучения ткацкому ремеслу (что было обычным явлением в среде армянских ремесленников-ашугов), а затем уже выступил в качестве профессионального певца-поэта, прославившись под именем ашуга Саят-Новы. Известно, что в то время большинство закавказских ашугов сочиняло песни на тюркском языке азери (азербайджанском), который, кстати, был понятен значительной части восточных армян. Вероятно, следуя традиции, Саят-Нова начал сочинять на азербайджанском, затем перешел на армянский и грузинский. Но нам в точности не известно, когда он начал сочинять на азербайджанском языке и когда приступил к творчеству на родном языке. Исходя из того, что дошедшая до нас наиболее ранняя азербайджанская песня («Дитя океана! Мой перл! Для тебя...») датирована 1742 годом, а написанная по-армянски песня «Как соловей, томилась ты...» — 1752 годом, некоторые исследователи считают, что этими годами следует датировать начало творчества и сочинение стихов на армянском языке. Подобное утверждение весьма сомнительно. Во-первых, поэтическое наследие Саят-Новы дошло до нас не полностью. Далее, значительная часть песен не имеет даты, неизвестно, не были ли они написаны ранее датированных. Пока можно лишь с уверенностью сказать, что вышеупомянутая «Красавица, певца Шахатаи ты унижать не станешь...» — первая песня (она не датирована) поэта, сочиненная на его родном языке, что видно из авторского примечания к этой песне, где Саят-Нова говорит: «А теперь желаю по-армянски слагать...»

Нельзя не согласиться с Г. Ахвердяном, считавшим маловероятным, чтобы Саят-Нова «в течение этих десяти лет (речь идет о промежутке между 1742 и 1752 годами. — *В. Н.*) не написал по-армянски хотя бы одной песни. Возможно, что не обозначенные датой песни именно тогда и были сочинены».

Гений Саят-Новы в равной мере проявился в сочинении песен на языках трех народов Закавказья, и это принесло ему новую славу, новое признание. Начало творческого пути Саят-Новы падает, по всей видимости, на конец 30-х или начало 40-х годов XVIII века.

Поводом для разногласий послужила также этимология ашугского имени «Саят-Нова». Были предложены различные толкования

этому имени: «Знаменитый охотник», «Новый учитель», «Царь песнопений», «Владыка музыки», «Похититель сердец песней». Сколь бы ни были поэтичны и соблазнительны эти толкования, они оказались отвергнутыми одно за другим. В настоящее время большинство исследователей наиболее верной и приемлемой считает этимологию «Внук Саяда» или «Саядян».

Различные, порой взаимоисключающие мнения были высказаны по поводу образования Саят-Новы, степени его грамотности. Если некоторые из исследователей полагают, что он не получил никакого образования и был даже неграмотен, то другие утверждают, что Саят-Нова в свое время получил школьное образование на родном языке, «в достаточной мере знал грабар (древнеармянский литературный язык)» и даже «ознакомился со всей как религиозной, так и светской литературой в печатных изданиях». Эти крайние точки зрения, однако, фактами не подкреплены. Каких-либо свидетельств по поводу образования, полученного Саят-Новой, не сохранилось. Единственным основанием для суждения об этом, как справедливо заметили Геворг Асатур и последний крупный исследователь жизни и творчества Саят-Новы известный советский поэт и филолог Паруйр Севак, служит рукописный сборник песен (доказано, что это автограф) и переписанные рукой Саят-Новы рукописи с его же колофонами. Грамматические и орфографические ошибки и погрешности явно показывают, что автор действительно не получил систематического школьного образования. И здесь безусловно прав первый биограф поэта, который, по тщательном изучении рукописного сборника-автографа, пришел к выводу, что «Саят-Нова грабара не знал, грамматики не учил, хотя и использует порой слова и обороты из письменного языка... Но что он умел читать и писать — это ясно видно из дошедшего рукописного сборника (давтаря)».

Есть все основания думать, что сын бедных родителей Арутин лишен был возможности получить нормальное школьное образование и лишь в раннем детстве (вероятно, до ученичества у ткача) некоторое время учился грамоте в какой-либо армянской или грузинской монастырской школе. Он приобрел лишь начальные знания в языке, едва ознакомился с письмом, а в дальнейшем восполнял пробелы в знаниях самостоятельно.

Лингвистический анализ песен Саят-Новы привел ученых к убеждению, что их автор был особенно грамотен в грузинском, помимо армянского и грузинского хорошо владел разговорным азербайджанским. Кроме того, как полагают, он читал и писал, может быть, и говорил по-персидски и по-арабски, в свои песни он уместно и с тонким вкусом включил многочисленные, понятные современникам персидские и арабские слова.

При грузинском дворе и в позднее средневековье сохранялась

традиция, идущая из предшествующих столетий. Здесь находили пристанище и удаивались высокого государственного покровительства поэты, певцы-музыканты, люди науки. Следует отметить, что среди грузинских венценосцев и знати часто встречались творческие личности. Широко известной была и «концертная зала» («нагара-хана») грузинских царей, куда приглашались лучшие сочинители и исполнители. Примечательно, что под покровительством двора находились не только грузины, но и творцы иных национальностей, в частности армяне. Известно, например, что при дворе грузинского царя Георгия XI (1675—1688) пользовался любовью ашуг-армянин Бегтабек. Царь Вахтанг VI пригласил к себе во дворец из отдаленной армянской деревни Шорот прославленного поэта-певца и художника Овнатана Нагаша (1661—1722). Известны и другие примеры. Точно так же при Ираклии II ведущим среди придворных музыкантов стал крепостной царевича Георгия, прославленный поэт и ашуг Саят-Нова. В этой связи уместно привести свидетельство упомянутого выше Теймураза Багратиони: «Это было в царствование Ираклия II, когда Георгий XIII еще был царевичем. Саатнава (Саят-Нова) был его крепостным и находился в его свите, но часто бывал у Ираклия II, так как был хорошим сазандаристом. Играя на разных инструментах, он пел. И песенные стихи он сам сочинял... Он слагал и сочинял и армянские и азербайджанские песни и стихи по поводу разных событий. Соответствующие для каждого случая стихи он изумительно умел со смыслом и сообразно с текстом превращать в песни и талантливо их исполнять».

Особенное значение приобретают слова самого Саят-Новы, которые дошли до нас в изложении выдающегося грузинского писателя Иоанна Багратиони, в его энциклопедического типа труде «Калмасоба». Из соответствующего раздела этой книги можно заключить, что Саят-Нова был взят ко двору Ираклия II, увлеченного идеей укрепления национального духа, не только как одаренный сочинитель и исполнитель. Для того времени было важнее, быть может, что Саят-Нова стал великим новатором, нужда в нем ощущалась при дворе (и не только при дворе), там, где наряду с политическим влиянием особенно ощущалось культурное влияние Ирана. Спустя годы после того, как Саят-Нова был взят ко двору, уже будучи монахом в обители Ахпат, он, согласно свидетельству автора «Калмасобы», рассказывал своему собеседнику, грузинскому иподиакону Ионе Хелашвили, вспоминая минувшие дни: «Я хорошо играл на чонгури и переложил на голоса Персидских напевов грузинские стихи. Это еще не было принято, и когда по велению царя Ираклия устроили пиршество и вывели нас — музыкантов, тогда я и исполнил грузинские песни на персидский лад. Царь остался очень доволен и наградил меня — пожаловал мне халат. После этого многие другие

начали так петь и мне подражать».¹ Вряд ли есть основания сомневаться в достоверности слов Саят-Новы, приведенных в «Калмасобе», тем более что это подтверждается словами самого ее автора.

Понятно, что это новшество Саят-Новы в какой-то мере должно было способствовать утверждению национальных черт грузинского искусства, по-видимому именно это привлекло Ираклия II, хотя сразу освободиться от персидского влияния в те времена, как видно, было нелегко.

Интересно продолжение слов Саят-Новы. «Мне всюду были открыты двери не только из-за песни, но и ради острословия, и во многие мирские дела я был вовлечен». Во время беседы либо Саят-Нова не развил своей мысли, либо автор «Калмасобы» не считал нужным приводить подробности. Мы, к сожалению, не знаем, в какие «мирские дела» был вовлечен поэт, помимо песен и «ради острословия», благодаря чему перед ним повсюду «были открыты двери». Тем не менее, отталкиваясь от того, что нам известно о добрых отношениях, сложившихся в ранний период между Саят-Новой и его патроном, можно высказать некоторые предположения. То обстоятельство, что армянский певец и стихотворец, осведомленный, мудрый человек, в течение определенного периода своей придворной жизни пользовался, вопреки своему происхождению из крепостных, симпатией, доброжелательным покровительством, может быть и открытым доверием царя, подтверждается знаменательным фактом. В статье известного литературоведа и общественного деятеля второй половины XIX века Мтацминдели (литературный псевдоним З. Чичинадзе), опубликованной в № 119 и 120 редактированной Илей Чавчавадзе газеты «Иверия», говорится: «Саят-Нова сочинил стихотворение о крепостничестве, и оно распространилось по всей Грузии. Многие князья сочли это за обиду и пожаловались царю Ираклию II, прося его запретить Саят-Нове писать. Однако царь Ираклий оставил их просьбу без внимания».² Возможно, что отношение Ираклия к своему протеже в какой-то мере объясняется личной симпатией. Скорее же здесь следует усматривать причины общественного порядка. Проводя политику государственной централизации, Ираклий II был заинтересован в том, чтобы ослабить центробежные

¹ Царевич Иоанн, Калмасоба, или Хождение по сбору. Перевод с грузинского, введение и комментарий В. Д. Дондуа, Тбилиси, 1945. Отрывок, в котором излагается беседа, имевшая место в келье Ахпатского монастыря между грузинским клириком Ионе Хелашвили и Саят-Новой, в русском переводе сокращен. По нашей просьбе перевод с подлинника выполнил проф. А. А. Гвахария, которому приносим нашу благодарность. Здесь и ниже пользуемся этим переводом без ссылок.

² Цитируемся по вступительной статье И. Гришавили к сб.: «Саят-Нова. Лирика», М., 1963, с. 7. Далее цитируется без ссылок.

усилия грузинских феодалов. Этой политике оказало, по-видимому, своеобразную услугу и упомянутое выше, но нам не известное стихотворение (может быть, и другие стихи, о которых мы не знаем). В связи с этим следует обратить внимание на некоторые замечания специалиста по истории грузинского театра Дм. Джанелидзе. Он обращает внимание на то обстоятельство, что «Саят-Нова был выразителем дум и чаяний городской бедноты — ремесленного люда» и его творчество будет понятно, «если вспомнить, что царь Ираклий искал поддержки городского населения в борьбе против реакционных феодалов». ¹ Небезынтересно и другое замечание Дм. Джанелидзе, согласно которому Ираклий всячески пытался объединить силы трех основных народов Закавказья — грузин, армян и азербайджанцев против турецких и персидских завоевателей, создать единый фронт. Помимо прочих организационных мер, он, естественно, должен был дать простор и покровительствовать тем деятелям искусства и литературы, творчество которых могло способствовать сближению этих народов, укреплению их дружественных связей. В этих условиях роль искусства Саят-Новы, песни которого в равной степени были понятными, близкими и родными и армянину, и грузину, и азербайджанцу, кажется несомненной. В этом смысле вполне вероятно утверждение автора, что искусство Саят-Новы «как нельзя лучше отвечало политике Ираклия II».

Не на эти ли и подобные «мирские дела» намекает поэт и певец, ведя беседу в своей келье в Ахпатском монастыре с грузинским клириком? Это вполне возможно. Не исключено также некоторое участие Саят-Новы в формировании положительного отношения Ираклия II к освободительной борьбе армян.

Как бы ни были достоверны свидетельства о симпатии и доверии царя Ираклия к Саят-Нове, так же как и факты о привязанности, даже чувстве восхищения, которое испытывал поэт по отношению к своему покровителю, тем не менее действительность была сложной и противоречивой.

Следует думать, что в отношениях между Саят-Новой и его покровителем, в особенности поначалу, царила взаимная симпатия. В своих песнях Саят-Нова воздавал должное благожелательному отношению и доверию Ираклия, и для его века это кажется совершенно естественным. В песнях, написанных в разные годы и по разным поводам, поэт выражает свое восхищение Ираклием: «Царь Саят-Новы — прекрасней царственных орлов — Ираклий», «Ты — пресветлый царь, Грузии услада», «Ты, наставник мой, ты, моя отрада». Он с гордостью подчеркивал: «Я — сазандар грузинского царя». Для

¹ Дм. Джанелидзе, Грузинский театр с древнейших времен до второй половины XIX века, с. 289. Далее высказывания Дм. Джанелидзе цитируются по этому изданию без ссылок.

поэта имели значение в первую очередь, быть может, достоинства царя на общественном и политическом поприще, хотя при этом нельзя не учитывать и личное обаяние Ираклия II (об этом свидетельствуют грузинские первоисточники).

В грузинской историографии давно показана прогрессивная роль и значение политики царя Ираклия. Ираклий характеризуется как один из наиболее выдающихся государственных деятелей своего века. Одновременно он был удалым бойцом и храбрым военачальником, который в сложных политических условиях умело возглавил борьбу за свободу и независимость. Благодаря этому он пользовался славой и авторитетом не только в Грузии, но и за ее пределами, среди других народов и в других странах. Таким образом, положительное отношение к нему Саят-Новы как в общественном аспекте, так и в личном плане вполне естественно и понятно.

Здесь считаем необходимым подчеркнуть следующее обстоятельство. Песни, посвященные прославлению царя Ираклия II (или строки в других песнях), естественно, в какой-то мере отмечены печатью традиционной придворной поэзии. Саят-Нова как бы сам это чувствовал, говоря в одном из своих грузинских стихотворений: «Без возвышенных речений восхваленье — невозможно». Но, как это явствует из всестороннего изучения наследия Саят-Новы, взятого в целом, было бы несправедливо считать Саят-Нову одописцем в обычном смысле и не видеть в соответствующих песнях проявления искреннего чувства.

Нет сомнения, что доброе, покровительственное отношение царя Ираклия к Саят-Нове рано или поздно должно было пробудить зависть дворцового окружения и бездарных придворных поэтов, среди которых были лица знатного происхождения, и они должны были использовать первый удобный повод, чтобы очернить в глазах царя талантливого и дерзкого поэта, происходящего из крепостных, а если возможно, то и удалить его из дворца. Именно так, по-видимому, и произошло, тем более что сам Саят-Нова, как это явствует из его песен, не мирился с нравами придворного окружения, всегда сохранял свое достоинство человека и поэта. В этой связи привлекает внимание стихотворение на грузинском языке «Сколько звезда ни свети — в море воды не убавит...», сохранившееся в тетради, переписанной рукою его сына Огана, и примечание (на том же языке), сделанное переписчиком. «Эта (песня), сложенная в форме теджниса, по образцу притч, — брань. В бытность в Телави у преблагенной памяти царевича Вахтанга к Саят-Нове пристал (привязался) один муж неразумный. Там же (Саят-Нова) сочинил эту песнь в 1751 году».

Кто этот «муж неразумный»? Полагают, что это был кто-то из грузинской знати, из придворной среды. Как видно из содержания упомянутого стихотворения, он кичился, вероятно, своим знатным

происхождением или ролью при дворе, с пренебрежением относился к поэту и оскорбил его. Но последний защитил свою честь (вспомним слова из другой песни: «Я сохранил достоинство, изведав бед немало...»), выступив против возмнившего о себе вельможи, не постигшего его, Саят-Новы, творческого величия, с едкой сатирой:

Сколько звезда ни свети — в море воды не убавит.
Мерающий ситом Куру — только людей позабавит.
Каменный дом устоит, сколько бы ветер ни дул.
Разве он стену пробьет, разве ее продырявит?

...Кто я, и как меня звать? Доблесть моя какова?
Имя мое — Арутин, прозвище — Саят-Нова!
Грамоту я изучил, знаю азы мастерства.
Слово мое загрометь купол небесный заставит!

Подобные столкновения в период придворной жизни поэта, по всей вероятности, имели место не раз. Постепенно разрастался конфликт между поэтом и чуждым ему придворным окружением. Этот конфликт, даже если учесть поначалу благосклонное отношение царя Ираклия к поэту, должен был иметь для Саят-Новы трагический исход. Из песен поэта выясняется со всей очевидностью, что конфликт созрел преимущественно на социальной почве. С этой точки зрения привлекает особенное внимание грузинское стихотворение «Твоему суду сердце будет радо...», адресованное Ираклию II, в котором поэт с присущей ему непосредственностью высказывает истину:

Люди говорят — я, мол, их досада,
Мусор я дрянной, кладезь, полный яда...
...Я — мужик: толкнут — и не ждут ответа;
Вот я целью стал для насмешек света;
Сердце я раскрыл — молвят мне на это:
«Холм бесплодный ты меж грядами сада!»

О бесконечных муках, причиненных поэту высокопоставленными врагами Саят-Новы, свидетельствует проникнутое тоской и отчаянием грузинское стихотворение «Говорят, гора крутая разделила два селенья. Это верно...». Здесь мы читаем:

Обожжен горячим пловом, на холодную похлебку дую ныне.
И во мне теперь не больше проку, чем в горшке разбитом
иль кувшине.
Дай покоя!.. Исхудалый лик мой цветом не уступит краске синей.
Зря терплю от Гурген-хана¹ я, Саят-Нова, мученья. Это верно!

¹ Гурген-хан — царский отпрыск Георгий, крепостным которого и был Арутин Саят-Нова.

А в азербайджанской песне «Из-за тебя, красавица, в морях стра-стен — погибну...» поэт говорит с горечью: «Я в Грузии, среди князей, напрасно жизнь растрочу».

Зависть придворной среды, бесконечные козни и наветы в конце концов достигают своей цели. Милостивое отношение царя Ираклия к поэту переходит в гнев, в результате чего Саят-Нова оказывается изгнанным из дворца.

Точно не известно, когда Саят-Нова стал придворным поэтом и как долго он пребывал дворцовым певцом-музыкантом. Полагают, однако (М. Асратян), что поэт был взят ко двору в 1744 году, когда Ираклий стал царем Кахетии (после смерти его отца Теймураза в 1762 году он стал царем всей Грузии), и с перерывом в два или три года оставался здесь до 1758—1759 годов. Поэт был удален от двора царя Ираклия не один, а два раза, поначалу временно, в 1752—1753 годах, а затем и окончательно, в 1758—1759 годах. Гипотеза по этому поводу, высказанная в свое время Г. Асатуром, ныне представляется почти бесспорной.

Это событие вызвало тяжкие переживания у поэта, которые, по мнению исследователей, своеобразно отразились в его песнях, исполненных глубокого драматизма. В этой связи обращали внимание на его армянские стихи: «Твой силен ум: таким рожден, — себя глушцу равнять зачем?...» (1753), «Ты, безумное сердце, мне внемли...» (1 мая 1753), «Я взываю к лалани...» (1753).¹ Думается, что к этому ряду принадлежат также стихи на армянском языке: «Твой волос — смоченный рехан, иль шелка нить, или струна...» (1 марта 1754), «Друг, ты попал в сети любви, — песенный дар я для тебя...» (1 апреля 1754), азербайджанское стихотворение «Не поведаю миру моих скорбей...» (20 апреля 1753), равно как и недатированные, но, видимо, в эти же годы написанные песни, внутренний настрой которых согласуется с упомянутыми выше стихами.

Разбито чувствительное сердце поэта, оклеветанного, преследуемого врагами, покинутого друзьями. Но не принижен его дух, он все еще лелеет надежду на победу справедливости, призывает сердце выдержать удары судьбы, «возлюбить терпение», не растерять мужества, остаться твердым, неколебимым, быть может откроется спасительная дверь.

Если данные об обстоятельствах социально-общественного порядка, послуживших источником стольких мук Саят-Новы, более или менее ясны — об этом мы можем судить на основании его песен, то личные причины его переживаний в течение долгого времени были скрыты.

¹ Стихотворение построено на игре слов, поэтому непереводимо,

Довольно поздно, только в наши дни, путем интересных и скрупулезных расшифровок некоторых песен-криптограмм и строчек отдельных песен, содержащих тайнопись, — исследователям (М. Агаян, Г. Асатур, М. Асратян, П. Севак) удалось довольно убедительно и аргументированно раскрыть истинную причину драматических переживаний поэта, раскрыть историю его любви. Согласно новейшим исследованиям, объектом заветных чувств поэта была реальная личность, принадлежащая царской фамилии: сестра царя Ираклия II, прославленная красавица Анна Батонишвили. Это очень важное открытие, благодаря которому окончательно решена загадка душевных мук Саят-Новы, всей его жизни. Благодаря этому представилась возможность по-новому прочесть некоторые страницы книги любви Саят-Новы, вообще глубже проникнуть в тайны поэтического мира певца.

Насильно изгнанный из дворца, поэт очень тяжело переживал разлуку с возлюбленной.

«Даже шах не вынес бы моих утрат...» — с душевной болью восклицает поэт в стихотворении «Я взываю к лалани...».

Следует думать, что в словах «Уже два года протекли, как я тоскую о красе» (из песни «Твой волос — смоченный рехан, иль шелка нить, или струна...», 1 марта 1754) Саят-Нова прямо указывает на время, истекшее после первого удаления из дворца. Трагедия расставания, муки любви, чувство тоски, сомнения, раздирающие сердце поэта, явственно проглядывают в стихотворении «Друг, ты попал в сети любви, — песенный дар я для тебя...», написанном спустя месяц, 1 апреля 1754 года. Но здесь же заметна еще смутная надежда поэта на возвращение счастливых дней.

Точно не известно, когда Саят-Нова вновь вернулся во дворец. Высказано мнение (М. Асратян), что это произошло самое позднее летом 1755 года. Быть может, косвенным подтверждением этого является песня «Лишь знать, как много лет тебе! — с тобою твой гусляр блажен...», датированная этим годом, которая дышит непосредственностью и ощущением вернувшегося счастья.

В литературе не раз ставился вопрос о том, удостоился ли Саят-Нова взаимной любви прославленной им красавицы Анны. Окончательный ответ на этот вопрос не дан. Нам представляется, что если даже знатная дама и питала какую-то симпатию по отношению к поэту, чувство его она не разделяла. Вполне вероятно, что основную роль сыграло здесь сословное неравенство.

В связи с первым изгнанием Саят-Новы из дворца возникает естественный вопрос — была ли тогда известна «преступная» любовь поэта, не использовали ли ее в качестве оружия те, что оклеветали его перед царем? Более вероятным представляется отрицательный ответ. Трудно допустить, что, зная о подобной «дерзости» поэта,

весьма задевавшей честь царской фамилии, царь Ираклий спустя некоторое время вновь призвал его ко двору. Более вероятным кажется, что эта история стала известна спустя годы и, быть может, явилась главной причиной не только окончательного удаления Саят-Новы от двора, но и его последующих преследований.

Нетрудно представить себе счастье и ликование, которое овладело поэтом, когда он вернулся во дворец и удостоился возможности вновь лицезреть предмет своих заветных чувств. Упомянутое выше стихотворение «Лишь знать, как много лет тебе! — с тобою твой гусяр блажен...», написанное, вероятно, по этому счастливому поводу, излучает удивительную теплоту, проникнуто предвкушением будущего счастья.

Лишь знать, как много лет тебе! — с тобою твой гусяр блажен.
Не хочет есть, не хочет пить, — с тобою сидя, яр блажен.
Алеешь розой, вокруг тебя обвившись, сусамбар блажен.
В слезах бюльбюль и день и ночь. Твоих шипов удар блажен.

...Давай садись, Саят-Нова, и молви сладостно свой сказ.
Не предавайся звукам весь, в томленьи дум откинь свой саз.

Хрусталь в руках твоих. Налей! Две чаши выпьем мы зараз.
Тобой на диво принят гость. С тобою сазандар блажен.

* * *

Нам неизвестны обстоятельства нового поворота в жизни Саят-Новы, его возвращения во дворец. Представляется вероятным, что, убедившись в невиновности поэта или во всяком случае сочтя, что обвинения, которые предъявляли ему враги, недостаточно обоснованы, царь сменил гнев на милость. Некоторые ученые высказали мнение, что какую-то роль в изменении настроения царя сыграло стихотворное прошение на армянском языке «Твой силен ум: таким рожден, — себя глупцу равнять зачем?..» (1753). Как явствует из содержания, поводом для его написания послужила клевета, а адресовано оно царю Ираклию II.¹

Эта песня является одним из наиболее замечательных откровенных творческого дара и музыкального таланта Саят-Новы, своим поэтическим строем и задушевной, богатой мелодией она и сегодня приносит высокое художественное наслаждение. С учетом обстоя-

¹ Вопреки очевидным фактам, эта песня долгое время трактовалась как любовное стихотворение. Вместе со многими другими впал в заблуждение и ее русский переводчик В. Брюсов.

тельств сочинения этой песни казалось, что это обыкновенная ода в рамках придворной поэзии, написанная в традиционной манере. Действительно, это стихотворение, так же как и некоторые другие, несет на себе некоторый отпечаток придворной поэзии, от которого (с учетом в особенности конкретных обстоятельств) не мог быть свободен певец. Существенно здесь, однако, что Саят-Нова могуществом своего дара преодолел силу традиции, подарив армянской поэзии в своем роде неповторимое творение. Истинная сущность этой замечательной песни, созданной в тяжкие дни, поражает поэтической силой и непосредственностью, с какой отражены здесь бесконечные муки человеческие.

Эта песня-прошение ценна не только для понимания драматических событий в жизни поэта, но и — что, возможно, еще важнее — для выявления философской глубины его поэтического мира.

В этой песне Саят-Нова напоминает своему бывшему покровителю, что невидимые руки и без того его много терзали, к чему умножать муки? Он умоляет Ираклия не прислушиваться к направленным против него, Саят-Новы, наветам. Еще раз убеждая царя в собственной невиновности, певец просит, чтобы царь без оснований не заставлял его стать бродягой, скитаться по всей земле. Нельзя внимать поэту без волнения.

Я богом истинным клянусь: меня нещадно гнать зачем?

...Бьет ветр морской, песок гоня: песка не меньше будет

всё ж!

Живу ль, не станет ли меня — толпу напев разбудит всё ж!

Уйду, но в мире с того дня и волос не убудет всё ж!

В Абаш, к арабам, к индам прах Саят-Новы ссылать зачем?

Следует думать, что именно стихотворение «Твой силен ум: таким рожден, — себя глупцу равнять зачем?..» имеет в виду поэт, когда в азербайджанской песне «Не поведаю миру моих скорбей...», написанной 20 апреля того же 1753 года, говорит: «Написал я прошение и оставил на усмотрение хана,¹ Пусть решит справедливо, коль есть вина, Веревку накинёт на шею мою». Нельзя не заметить, что в стихотворении «Твой силен ум...» поэт выступает не в качестве униженного просителя. Его просьба имеет что-то общее с требованием, и это очень важно. Далее чрезвычайно знаменательно, что именно здесь мы обнаруживаем знаменитые слова певца, глубоко сознающего могучую силу и достоинство своего искусства, слова, к которым он за-

¹ Нетрудно догадаться, что хан — это царь Ираклий. В русском переводе «хан», к сожалению, обратился в «султаншу».

ставлял прислушиваться не только тех, кто клеветал на него, но и самого царя Ираклия:

Не всем мой ключ гремучий пить: особый вкус ручьев моих!

Не всем мои писанья чтить: особый смысл у слов моих!

Не верь: меня легко свалить! Гранитна твердь основ моих!

Так наводнением без конца их тщетно подрывать зачем?

Эти слова со всей очевидностью подтверждают представление, которое складывается о поэте — «слуге народа», о его самозабвенной преданности искусству песни и стиха, о глубоком понимании общественной значимости этого искусства, о несгибаемой гражданской воле.

Если мы будем руководствоваться датированными стихотворениями (а пока, очевидно, это единственно верный путь), станет ясно, что 1753—1758/59 годы знаменовали наиболее зрелый и плодотворный период в творчестве Саят-Новы, когда он создал множество замечательных стихотворений. Но в личном плане новый период придворной жизни вряд ли отличался от предыдущего в положительную сторону. Как видно, даже жестокие уроки жизни не смогли изменить великого поэта с его твердыми социальными убеждениями, поэта, прославляющего справедливость, эти уроки оказались бессильны подавить его мятежный дух, заставить умолкнуть его правдивый язык. И вновь он остался верен себе, когда в написанной в июне 1758 года песне на армянском языке «Ах, почему мой влажен глаз и кровь на сердце? Жжет она!..» с твердым убеждением повторил:

Язык ашуга — соловей: он славит, не клянет сплеча!

Пред шахом он поет смелей, и для него нет палача,

Нет правил, судей и царей, он сам спасает всех, звуча...

Вряд ли успокоились неблагоприятные страсти высокомерных, злобных и мстительных врагов поэта, острый язык поэта мог только усилить их ненависть. Саят-Нова становится жертвой новых козней, новых преследований и оскорблений. С душевной тоской и горечью говорит он об этом в своих произведениях. В этом смысле привлекает внимание, например, написанное на армянском языке стихотворное раздумье «Наш мир — окно, но улиц вид меня гнетет, мне стал не мил...» (1759), безусловно представляющее интерес и для выяснения некоторых моментов биографии поэта.

Отголоски тяжелого душевного состояния Саят-Новы мы находим и в нескольких грузинских песнях. Они не датированы, но по своему содержанию и внутреннему настрою согласуются с обстоятельствами жизни поэта в этот период. Полагают, что они созданы

в последние годы пребывания поэта при дворе Ираклия II и в годы, последовавшие за этим. В особенности интересно упомянутое выше стихотворение «Твоему суду сердце будет радо...» (с ним переключается написанная, вероятно, тогда же армянская песня «О царь, люби закон и суд, не будь жесток, коль жизнь мила...»). Оно сохранилось в сборнике, составленном сыном поэта Оганом. Составитель снабдил его следующей припиской на грузинском языке: «Песнь эту сложил Саят-Нова, когда его благодетель, его величество царь всей Грузии, блаженной памяти (Ираклий II) разгневался на своего недостойного слугу, бедного Саят-Нову и выгнал его...» Оган, к сожалению, не вдаётся в подробности, ничего не говорит об истинных причинах подобного отношения царя, считая, по-видимому, это излишним или, что вероятнее, недостойным, если в особенности к этому времени стала известна «преступная» любовь Саят-Новы. Тем не менее, намеки, имеющиеся в самой песне, позволяют составить хотя бы приблизительное представление о действительном положении вещей. Как видно, ничто не изменилось во взаимоотношениях поэта и царского окружения. Но на сей раз царь Ираклий, к которому обращал свои протестующие слова Саят-Нова, оказался более беспощадным и жестоким:

Я царю предстал в чистом облаченье,
Саза моего чюя нетерпенье, —
Мне б грузинских слов позабыть значенье! —
Прочь меня прогнал царь в ожесточенье:
«Грязный войлок ты, поношенье взгляда!»

Так узел был разрублен. Исход оказался для поэта неожиданным и жестоким. Он не поверил свершившемуся, надеялся, что, взывая к совести Ираклия («ты — пресветлый царь, Грузии услада»), он вновь удостоится его милостей. Отсюда и противоречивое настроение песни:

Боже, будь твоя милость надо мною!
Неужели я и суда не стою?

Возможно, что особенно неожиданным покажется молящий тон в словах поэта, растерявшегося в тяжких условиях, утратившего власть над собой:

Лучше бы казнил царскою рукою —
Ты, наставник мой, ты, моя отрада.

В его словах слышится отчаяние:

Грудь мне сокруши — всё равно я вскоре
Возвращусь к тебе с жалобой во взоре.
Брошусь я в Куру, не в Куру — так в море!
Пой, Саят-Нова, пой, лелея горе!
Горе да беда — вот твоя награда.

Но что так сломило, так неузнаваемо изменило некогда дерзкого, гордого и самолюбивого поэта? Перспектива лишиться обеспеченной жизни при дворце? Вряд ли. В этой связи весьма логичными кажутся суждения ряда знатоков Саят-Новы (М. Асратян, П. Севак, Г. Мурадян), которые главное объяснение противоречивых настроений поэта ищут в истории его несчастной любви. Неповторимый певец любви покидает дворец, оставив там предмет своих заветных мечтаний, свою жизнь. Действительно, что, кроме этой невозможной утраты, могло так подавить поэта, его негибемый дух бунтаря?

Надежды Саят-Новы не оправдались, в своем решении царь остался неколебим, поэт был изгнан навсегда.

Но новые беды, новые муки поджидали измученного поэта и после изгнания.

Когда удалили Саят-Нову из дворца? Одни датируют это событие 1758—1759 годами, другие указывают 1762 год. Ближе к истине 1759—1760 годы, это подтверждается недавней весьма важной публикацией филолога Б. Чукасяна. Выясняется, что Саят-Нова был священником в армянской церкви, находящейся в гавани Энзели, на берегу Каспийского моря, в персидской провинции Гилян; тогда он принял духовное имя Степанос. Этот факт подтверждается колофоном рукописи, переписанной Саят-Новой собственноручно и обнаруженной лишь недавно. Рукопись содержит «Книгу скорбных песнопений» — величайшее произведение крупнейшего поэта и мыслителя средневековой Армении Григора Нарекаци. В колофоне значится: «Писано в церкви в Анзали, что в Гиляне, в лето 1210 (1761 год нашего летосчисления. — *В. Н.*). Читатель, помяни переписчика вардапета Степаноса, которого называют Саят-Нова, и отца моего махтеси Карапета, и вы помянуты будьте. Настоятелем в Ахпате был вардапет Закария Тифлисец».

Этот факт ценен, конечно, для уточнения важной биографической даты Саят-Новы. Кажется, однако, что он представляет исключительный интерес и для уяснения идейного и поэтического мира великого певца. Ведь «Книга скорбных песнопений» автора X века Григора Нарекаци на протяжении веков была для армян предметом истинного поклонения. В обиходе это произведение называли «Наре-

ком», и народ, даже не постигая его содержания, верил, что «Нарек» обладает чудесными целительными особенностями, излечивает от телесных недугов, утоляет душевные страдания. Кажется совершенно вероятным, что утомленный бесконечной несправедливостью жизни, испытывая удары видимых и невидимых рук, глубоко озабоченный вопросами человеческой судьбы, поэт обратился к тяжкому труду, связанному с переписыванием «Книги скорбных песнопений», почувствовав душевное родство с автором, великим гуманистом, главное содержание творчества которого также составляла людская судьба, проблема спасения человека. Кажется почти несомненным, что в годы великого душевного смятения и волнения в творении Григора Нарекаци Саят-Нова искал личного утешения и ответа на мучившие его вопросы творчества, связанные с бытием человека и его судьбой.

Однако вернемся к биографии Саят-Новы.

Совершенно очевидно, что враги Саят-Новы не ограничились тем, что добились удаления его из дворца. Вероятно, по их наущению и, разумеется, не без ведома, а возможно, по приказу царя Ираклия Саят-Нова был насильственно пострижен и выслан в далекую Персию. Вопрос настолько ясен, что нет нужды в опровержении некогда имевшего хождение мнения, будто Саят-Нова добровольно принял постриг. Но, как видно, через некоторое время Саят-Нове было разрешено вернуться в Грузию, где он продолжил церковное служение в деревне Кахи под тем же духовным именем — Степанос. В эти годы он переписал еще одну рукопись, содержащую притчи Соломона и послания апостолов. В колофоне рукописи мы читаем: «В год армянской эры 1215 (1766 год нашего летосчисления. — В. Н.) ...писано в караван-сараяе Кахи. Читатель, помяни переписчика сей книги, грешного священника Степаноса, которого зовут Саят-Нова...» Но и здесь не наступил конец мукам. Полагают, что после 1768 года (в этот год скончалась жена поэта Мармар) ему был пожалован сан вардапета, после чего Саят-Нова был выслан в Ахпатский монастырь — расположенный недалеко от Тбилиси центр армянской епархии в Грузии. Здесь он исполнял должность ризничего. Сохранились слова утраченной песни — «Я, Саят-Нова, ризничий Ахпата, нет у меня масла для того, чтобы возжечь одну лишь лампаду».

Саят-Нова не мог забыть бесчеловечное поведение царя и выразил свое недовольство и раздумья в грузинском стихотворении «Оставь меня! Хитрить, платить бесчестьем дань я не хочу!..». Это стихотворение не имеет даты, но справедливо полагают, что оно было написано после удаления из дворца, когда Саят-Нова принял духовный сан. Здесь также заметны двойственность, противоречивость чувств и раздумий поэта. С одной стороны, Саят-Нова сожалеет, что он удален от царя, мечтает вернуться к нему, уверяет его в своей преданности, но, с другой стороны, в певце словно вновь

просыпается возмущение, он смело бросает вызов феодальной действительности, ее нравам. И здесь перед нами встает замечательный образ гуманиста и поэта-демократа с его определенным общественно-философским кредо. Это стихотворение можно считать не только правдивым отображением противоречивых личных переживаний поэта, но и замечательным поэтическим воплощением его общественных раздумий.

Дерзкие и недвусмысленные слова этой песни, обращенные к царю Ираклию: «Но хлеба с твоего стола, с тобой братанья — не хочу!» — являются глубоко осознанным протестом против произвола сильных мира сего.

В этом стихотворении Саят-Нова, по существу, выдвигает свой общественный идеал, который одновременно является идеалом этическим. Обращаясь к царю Ираклию II, поэт говорит:

Оставь меня! Хитрить, платить бесчестью дань я не хочу!
Я униженья не хочу, в ногах валяться не хочу.
Исподтишка передавать чужую брань я не хочу.
И сколько б ни твердили мне: «Двуличным стань!» — я не хочу.
Я простолюдин, а не князь. Другого званья не хочу!

Он решительно выступает против навязанного ему духовного сана: «С каймою черной нипочем я одеянья не хочу!» По прошествии лет мы услышим то же недовольство из уст монаха Ахпатского монастыря — в грузинском стихотворении «Пропащая головушка! Доколе...», созданном при любопытных обстоятельствах:

Был голубем, а стал я перепелкой!
Был рисом я, а стал овсом, — что толку?
Обет я дал, стал чернецом, — что толку? —
Благодаря моей несчастной доле.

Кого винить мне в этом — не пойму?
Рассудок мой причиною всему!

Мирная и безмятежная жизнь монастыря также не принесла покоя смятенной душе поэта, наоборот, как об этом недвусмысленно свидетельствуют факты, монастырская действительность осталась чуждой Саят-Нове — неповторимому певцу мирских радостей. Об этом сохранились достоверные свидетельства и интересные предания.

Особенно важные свидетельства об ахпатских годах Саят-Новы мы находим прежде всего в «Калмасобе» Иоанна Багратиони. Возвращаясь из Эчмиадзина в Грузию, грузинский клирик Ионе Хела-

швили посетил Ахпатский монастырь, где «некий монах из армян» пригласил его в келью и на славу угостил яствами и питьем, причем и сам «порядочно угостился». «Тогда вардапет тот снял чонгури и начал наигрывать, а затем и стал напевать эту песню: «„Пропавшая головушка! Доколе...”» Хелашвили с удивлением взирал на него и промолвил: «Бедняк, как он жалеет о мирской доле». Потом автор приводит их интересную беседу. Хелашвили не без упрёка говорит ему, что ушедшему от земной юдоли монаху не пристало предаваться усладам песни, а вардапет ему отвечает: «Если бы мой игумен оставил бы меня в покое, то мирское положение для меня было бы лучше, чем это монашество». Услышав эти смелые и неожиданные для него слова, Хелашвили поинтересовался, кто же его собеседник? Тот ответил, что он — Саят-Нова и поведал ему кратко о своей жизни. Тогда Хелашвили сказал ему: «Раз вы покинули мир, должны оставить инструмент в покое». На это последовал ответ Саят-Новы: «Мой игумен тоже так приказал, но я поставил такое условие: пока эти струны на этом чонгури держатся и не оборвутся, я не перестану играть, так как, когда меня посвящали в монахи, эти струны лежали у меня за пазухой, и они оказались освященными вместе со мной, и я издаю звуки на этих освященных струнах».

Из содержания приведенной беседы нетрудно заключить, что строгие запреты монастырского быта не смогли заставить умолкнуть лиру Саят-Новы, он и здесь продолжал творить. К сожалению, многие песни этого периода дошли до нас — это грузинская песня «Пропавшая головушка! Доколе...» и, как полагают, несколько армянских стихотворений, два из которых — басни.

Как видно, монах Саят-Нова не только продолжал слагать песни, но и не прерывал связей с внешним миром. Хотя достоверные свидетельства на этот счет и отсутствуют, но сохранились интересные предания, одно из которых передает первый биограф Саят-Новы. Он пишет: «О монастырской жизни Саят-Новы у меня нет сведений... знаю лишь, что тифлисские любители песни и в монастыре не давали покоя своему певцу. Под островерхим клобуком ведущего аскетического образа жизни вардапета они видели беспокойную голову своего веселого ашуга и слагали о нем рассказы...» Сам Г. Ахвердян не верит этим рассказам, но в предисловии к своей работе он приводит один из них. «Дошло до Саят-Новы, что в Тифлис прибыл знаменитый чужеземец-ашуг. Боясь, что его город понесет в сосязании поражение, он пренебрегает зимним временем и поспешно направляется из Ахпата в Тифлис. Вот он уже в церкви Мец Берда, Никому не говоря ни слова, он незаметно выходит из епископских хором. Тифлиссский епархиальный начальник епископ Давид прослышал о его прибытии и, не видя монаха на месте, требует его к себе. Выяснив, что тот отсутствует, весьма недовольный, приказывает

служителям, чтобы его нашли. Они бросаются на поиски и видят, что Саят-Нова в мирской одежде, в окружении своих прежних друзей и товарищей под мостом над застывшей Курой, с каманчой в руках, состязается в игре с пришельцем. Он вот-вот должен был победить, когда налетели служители епископа».

Другое предание, услышанное «у стариков», рассказывает ашуг Скандар-Наве. Прибыв из Ахпата в Тифлис, у церкви св. Саргиса, Саят-Нова встретился с чужеземцем ашугом, который хвалится своими победами над прочими ашугами. Он говорит, что слышал об ашуге Саят-Нове, но с ним не встречался, и спрашивает у своего собеседника по-азербайджански: «Знаешь ли ты, что есть такой ашуг, знаком ли ты с ним, видел ли его?» Саят-Нова отвечает ему на том же языке, но двусмысленно: «Бильманам, горманам, танманам». Тот не сразу понимает смысл слов Саят-Новы и впадает в раздумье. Дело в том, что, в зависимости от ударений, эти слова передают два противоположных смысла. «Бильманам» — не знаю, «горманам» — не видел, «танманам» — не знаком. Другой смысл: «бильманам» — знай, это я, «горманам» — взгляни, это я, «танманам» — узнай, это я. Не в силах понять собеседника, тот вновь обращается к Саят-Нове: «Я не верю твоим ответам, ибо все его знают и прославляют». На это Саят-Нова отвечает: «Инанманам». И здесь смысл зависит от ударения. «Инанманам» — не верю, но «инан, манам» — верь, это я.

Постигнув смысл слов собеседника, догадавшись, что перед ним прославленный ашуг Саят-Нова, чужеземец признает себя побежденным без борьбы, вручает Саят-Нове свой саз и удаляется из Тифлиса.

Трудно, конечно, сказать, что истинно в подобных преданиях, но нет никакого сомнения в том, что слагались они на основе реальных фактов.

Как закончилась многострадальная жизнь великого певца и стихотворца? По этому поводу высказывались различные точки зрения. В настоящее время считается, что вероятнее всего мнение, высказанное Ахвердяном. Он преподносит его как «многим известную истину», почерпнутую из воспоминаний стариков, присутствовавших на похоронах Саят-Новы. Когда Саят-Нова, будучи в Ахпате, узнает о приближении к Грузии войск персидского шаха Ага-Мехмеда, он, озабоченный судьбой своих детей, спешит в Тифлис (у него было двое сыновей, Оган и Меликсет, и две дочери, Сарра и Мариам), отправляет их на Северный Кавказ, в город Моздок, а сам остается в Тифлисе. Персидские воины настигают поэта, молящегося в церкви под Большой Крепостью, требуют, чтобы он вышел и отрекся от своей веры, но он отказывается подчиниться и испускает дух под ударами персидских сабель, говоря: «Из церкви нег, не выйду я, не

отрекусь от Христа!» Насколько эти слова созвучны написанной по-азербайджански много лет тому назад песне «Слова великих мудрецов...», где поэт так говорит о себе: «Он в вере тверд, он — армянин!»

Далее Г. Ахвердян добавляет: «Так «слуга народа» гибнет как раб божий в сентябре 1795 г. Через несколько дней, после того как персы уходят из Тифлиса, его тело предают земле у малого северного входа в ту же церковь под Большой Крепостью. Хотя на могиле Саят-Новы и нет камня, но те, что участвовали в погребении, рассказывают именно так». В какой бы мере ни был примешан здесь сказочный элемент, само время, строгий критик всего, не опровергло историю трагической гибели Саят-Новы.

В кровавые дни 1916 года великий поклонник таланта Саят-Новы классик армянской литературы Ованес Туманян писал: «С печатью гения на челе, с мечом в большом, благородном сердце! Ведь можно же считать Саят-Нову символом жизни и мук армянского народа. С печатью гения на челе, с христианским крестом в руке, с мечом в сердце. Так и не высох этот кровавый меч, ни до него, ни после него до нынешнего дня...»¹

По инициативе и благодаря энергичным усилиям Ованеса Туманяна и известного живописца Геворга Башинджагяна, на пожертвования, собранные в народе, на месте, указанном Г. Ахвердяном, был установлен могильный камень. Открытие состоялось 15 мая 1914 года. С этого дня, согласно прекрасной традиции, каждый год в мае у могилы Саят-Новы собираются многочисленные представители братских народов Кавказа. С большой пышностью проводится празднество, посвященное гениальному поэту и бессмертному певцу, — «Праздник роз». Точно так же, как и в день открытия памятника, участники приходят с розой, и торжество обращается в подлинный, вечный праздник поэзии.

* * *

В позднее средневековье, особенно в XVII—XVIII веках, у армян, как и у других народов Закавказья, значительное распространение получает ашугская песня, которая являет собой своеобразное соединение поэзии и музыки. Распространение этого исконно восточного вида искусства в Армении, находившейся под властью Ирана и Турции, следует в первую очередь объяснить, по-видимому, его народностью, своеобразной связью с гусанским национальным искусством и фольклором, в некотором смысле, возможно, и со средне-

¹ Ов. Туманян, Саят-Нова, Ереван, 1945, с. 26 (на арм. яз.). Далее высказывания Ов. Туманяна цитируются по этому изданию без ссылок.

вековой светской армянской поэзией. В отличие от творцов армянской духовной поэзии, которые по большей части были людьми образованными, часто прошедшими определенную школу словесности, ашуги были в основном выходцами из недр народа; одаренные от природы, они тем не менее оставались полуграмотными или просто неграмотными людьми. Ашуг сам сочинял текст своей песни, часто и ее мелодию и сам исполнял их перед публикой — на многолюдных восточных базарах и площадях, во время народных празднеств, на свадьбах и во время веселий, на ашугских состязаниях («бас»), Ашугская песня, безыскусная и доступная, особенно любима была простым народом, она отвечала его эстетическим вкусам и потребностям.

Однако ашуг, в особенности талантливый, повидавший мир и сведущий, не был лишь певцом, доставлявшим быстротечное наслаждение. Он был моралистом, проповедником, воспитателем, и это обстоятельство, следует думать, сыграло отнюдь не второстепенную роль в распространении ашугского искусства, в повышении его общественного значения. «Всегда в своем народе и всегда со своим народом» — так определял ашугов, этих народных певцов, близко знакомый с их искусством и ценивший его по достоинству Г. Ахвердян.

Особенно высоко оценивая любовную поэзию ашугов, Г. Ахвердян одновременно воздавал должное общественным мотивам в ашугском творчестве, обращал внимание на те их слова, где объектом острой критики становилось зло, все дурное. Ашуги «не стеснялись публичного порицания недостойных и бессердечных», в песнях они «передали нам боль и страсти, переполнявшие их, жизнь народную».

Фигуры, подобные ашугам — бродячим певцам и поэтам, столь распространенным среди восточных народов, в разные времена встречаются и у других народов. Действительно, ашуги в какой-то мере заставляют вспомнить древнегреческих рапсодов и кельтских бардов, французских трубадуров и немецких миннезингеров, в особенности, как полагают, мейстерзингеров.

Хотя ашугское искусство пришло в Армению из стран Востока (вероятно, в первую очередь из Ирана) лишь в период позднего средневековья, известно, что за много веков до этого большой популярностью у армян-язычников пользовались народные поэты-певцы — випасаны и их творчество — песни випасанов, которые исполнялись в сопровождении музыкальных инструментов (упоминается бамбирн), Позднее, в средние века, этот тип армянских народных певцов-поэтов становится известным под именем гусанов (в Грузии «мгосани»), откуда и понятие «гусанские песни».

О том, насколько высоко в языческий период ценились песни

випасанов, можно заключить на основании того факта, что Мовсес Хоренаци (V век) для подтверждения достоверности изложения в своей «Истории Армении» при случае, наряду с письменными источниками, ссылается также и на песни випасанов («...о чем свидетельствуют персидские книги и песнь випасанов»).

Для того чтобы охарактеризовать природу и особенности ашугской песни в армянской действительности, также и творчество Саят-Новы, необходимо обратить внимание на следующее. Задолго до позднего средневековья, когда в Армению проникла и распространилась ашугская песня, несмотря на тяжкую судьбу, постигшую армянский народ (чужеземное владычество, разорение, принудительная или вынужденная эмиграция), армянское искусство и литература, в частности поэзия, преодолевая трудности и противоречия, пришли к расцвету, пройдя своеобразный, принесший свои плоды путь, шаг за шагом достигая новых художественных вершин.

Долгий путь армянской поэзии тянулся от замечательных песен випасанов, создававшихся в незапамятные времена, до средневековых гусанских песен, до тонко обработанных духовных песен с очаровательной мелодией, которые начали создаваться в V веке и достигли высот в XII веке, до средневековой светской лирики, о которой нельзя говорить без восхищения.

Одним из важных узловых моментов в развитии армянской поэзии, одним из ее наиболее ярких проявлений было творчество Григора Нарекаци (X век) — отмеченное философской глубиной, проникнутое идеями ренессансного гуманизма. Главный пафос его — идея совершенства и спасения человека (и человечества). Творчество Григора Нарекаци положило начало качественно новому этапу в развитии армянской литературы, основное направление которого определяется жизненной философией Возрождения.

Следующий этап подъема армянской художественной мысли составляет поэтически многожанровое и замечательное творчество Нерсеса Шнорали (XII век) с его могучим патриотическим зарядом и политической страстностью. Здесь же нужно указать на крупнейшего демократа средневековья, вольнодумца-богоборца Фрика (XIII век). В его звучной поэзии мы находим острую критику царящего в феодальном мире социального и вообще всякого неравноправия, несправедливости и бед. Новыми достижениями армянского поэтического искусства были ознаменованы XIII—XVI века, когда зазвучала лира великих мастеров поэзии Костандина и Ованеса Ерзнкаци, Хачатура Кечареци, Ованеса Тлкуранци, Мкртича Нагаша, Григориса Ахтамарци и других. Блестящим обобщением художественных достижений средневековой армянской светской поэзии явились айрены — эти своеобразные сонеты армянского средневековья, приписываемые Наапету Кучаку. Этой новой формой выражения нацио-

нального поэтического сознания была провозглашена окончательная победа светского духа, возрожденческого гуманизма. В айренах с новой силой раскрыт человек как наиболее совершенное творение природы, во всей таинственности мира его переживаний, с его драматической судьбой, со сложными и противоречивыми переживаниями.

Несмотря на то что научное изучение армянской средневековой поэзии (за исключением, быть может, духовных песен) началось довольно поздно, по сути в конце XIX и в начале XX века, можно сказать, что эта поэзия получила повсеместное признание. Она привлекла внимание многих исследователей — армян и не армян, среди которых следует особо выделить известного русского поэта и ученого, великолепного знатока мировой поэзии В. Я. Брюсова. Брюсов не только дал ряд превосходных переводов из армянской поэзии, но и глубоко изучил эту поэзию. В 1916 году, в трагические дни геноцида, когда жертвой турецкого ятагана оказалось более полутора миллионов армян, при активном участии Брюсова, под его редакцией в Москве вышел объемистый том «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней, в переводе русских поэтов». Брюсову же принадлежит и вступительная статья к этой антологии, в которой всеобъемлюще, на широком фоне мировой литературы прослежен многовековой путь развития армянской поэзии, в частности средневековой. Брюсов исследовал закономерности и основные тенденции ее развития, охарактеризовал ее особенности и, наконец, с достаточной основательностью определил ее место в мировом поэтическом искусстве, высказав при этом суждения, которые и по сей день не утратили своей научной ценности. Некоторые его высказывания имеют важное значение как для характеристики армянского ашугского искусства позднего средневековья, так и для правильной оценки творчества Саят-Новы.

Высоко оценивая армянскую литературу в целом, Брюсов рассматривает ее как «драгоценный вклад Армении в общую сокровищницу человечества», а армянская средневековая поэзия, в частности лирика, являет, по его представлениям, «истинное торжество армянского духа во всемирной истории». В особенности привлекает тот факт, что, вопреки необоснованным и превратным взглядам времени, Брюсов подчеркнул самобытность и самостоятельный путь развития армянской средневековой поэзии, в частности лирики. «Лирика армянского средневековья, — писал он, — есть высшее и наиболее самостоятельное создание армянского народа в области поэтического творчества. От европейской поэзии армянская средневековая лирика не стоит почти ни в какой зависимости. Да и что могла дать лирическому творчеству западноевропейская поэзия XIII—XIV вв., еще

только зарождавшаяся во всех странах, не исключая и передовой Италии?»

Столь же объективный научный подход проявил Брюсов при рассмотрении влияния восточной поэзии на армянскую. Считая некоторое воздействие естественным, но указывая при этом на основные факты, говорящие скорее и в большей мере об общности, чем о том влиянии, которое оказала на армянскую поэзию арабо-персидская, Брюсов склонялся к высказанному в науке мнению, что «армянская поэзия гораздо менее подвергалась прямому влиянию Востока, нежели думали раньше, что весь культурный мир Передней Азии, в том числе и армяне, совместно работали над созданием того стиля, который стал характерным как для лирики арабов и персов, так и для поэзии армянского средневековья».

Обобщая свои мысли, Брюсов следующим образом определял место армянской поэзии в мировом искусстве: «Но важнее, что армянская поэзия есть именно мир красоты, что она обогащает новыми сокровищами тот пантеон поэзии, который каждый культурный человек воздвигнет в своей душе, чтобы хранить в нем прекрасные создания поэтов всех стран и всех веков. ...В этом же храме по праву должны занять свое место и лучшие создания гения армянского, — прежде всего поэмы средневековых поэтов Армении и пленительные песни ашуга Саят-Новы». Сосредоточиваясь на армянской средневековой поэзии, Брюсов подчеркивал: «Поэзия совершенно своеобразная, новая для нас по своим формам, глубокая по содержанию, блистательная по мастерству техники, армянская поэзия средних веков в своих лучших образцах может и должна будет еще многому научить современных поэтов: к ней еще предстоит обратиться за уроками и за художественными откровениями».

После сказанного совершенно очевидно, что проникшая в позднее средневековье в армянскую действительность ашугская песня, как бы широко она ни распространилась, должна была столкнуться с выработавшимися веками прочными традициями поэтического искусства и под их влиянием следовать по иному руслу.

Несмотря на то что творчество армянских ашугов, в особенности в позднем средневековье, подверглось известному влиянию и — вполне естественно — заимствовало из восточного ашугского искусства виды песен (гафия, газель, таслиб, теджнис, варсаг, мухаммаэ, илахи, зинджирлама, огутлама, бахритавиль и пр.), образную систему, некоторые сюжеты, однако основу этого искусства составила армянская национальная жизнь, средневековая национальная поэзия (в частности, лирика) и устное народное творчество. Лучшим доказательством этого служит творчество двух выдающихся певцов позднего средневековья — Нагаша Овнатана (XVII—XVIII века) и в особенности Саят-Новы.

Если в раннем средневековье песня ашугов-импровизаторов распространялась преимущественно устным путем (именно тогда многие песни теряли своих авторов и воспринимались как народные), то к концу позднего средневековья появляется новый тип народного певца, которого Брюсов удачно назвал «ашугом-поэтом» (точнее было бы, возможно, «поэтом-ашугом»), «который дорожит своими вдохновениями и хочет сохранить их». «...Такой ашуг, — замечает Брюсов, — до известной степени, конечно, — стал уже человеком книги, т. е. знакомым с поэзией прошлого». Совершенно уместно Брюсов обратил внимание на объективные общественные обстоятельства формирования этого нового типа певца, подчеркивая при этом роль новых эстетических запросов народа. «От певца стали требовать, наряду с традиционными элементами песни, чего-то большего: оригинальности и строгости формы, глубины содержания... Так последовательно, под влиянием роста самих певцов и культурного роста народа, создался тип ашуга-поэта, подхватившего традиции средневековой армянской лирики и поведшего ее дальше, по новым путям».

Среди творцов этого нового типа Брюсов справедливо выделяет Саят-Нову. Он считает его «вознесшим поэзию ашугов на недосыгаемую до него высоту...», Саят-Нова «мощью своего гения... превратил ремесло народного певца в высокое призвание поэта». Сказано действительно прекрасно, вряд ли в каком-нибудь другом определении правильнее вырисовался Саят-Нова — новый тип народного творца переходного периода армянской истории, ярче была раскрыта тайна величия искусства, связь лирической поэзии Саят-Новы с лучшими национальными традициями прошлого, ценность и значение его поэтического искусства с точки зрения художественного развития в новое время.

Опираясь на достижения национального художественного мышления, в частности на достижения армянской средневековой поэзии, а также фольклора (не только армянского, но и грузинского и азербайджанского), с успехом продолжая традиции средневековой лирической поэзии, одновременно творчески усваивая и развивая на национальной почве наиболее ценные элементы восточной ашугской поэзии в целом, выдающиеся мастера армянского поэтического искусства, и в первую очередь Саят-Нова, освободили армянскую поэзию от стягивающих ее чужеродных уз и направили ее по пути национального развития. Думается, что прежде всего именно в этом следует видеть великую творческую заслугу Саят-Новы в развитии всей армянской поэзии.

Как показано в грузинском литературоведении, своими замечательными грузинскими песнями эту же роль — вместе с известным грузинским поэтом Бесики — сыграл Саят-Нова и в грузинской лите-

ратуре. В становлении азербайджанской поэзии также очевиден определенный вклад Саят-Новы, творения которого, написанные на трех языках, с их ярким интернациональным характером, не только сыграли, как известно, большую роль в общем развитии поэзии народов Закавказья, но и имели исключительное значение для сближения художественного мышления этих народов, укрепления их разносторонних и многообразных связей.

Творчество Саят-Новы воистину является живым воплощением литературного интернационализма. В свое время Ованес Туманян особенно подчеркнул это обстоятельство. Он писал, что Саят-Нова «это не какая-то вновь изобретенная форма, это не мода, которая с течением времени начнет надоедать и изменится... Прекрасный его облик наделен душой с негасимым пламенем, это большое, благородное сердце, могучее дыхание родного человека, и как дыхание нашей родной земли оно всегда будет овеивать народы Кавказа — и армянина, и грузина, и азербайджанца, ибо с равной силой он пел и по-армянски, и по-грузински, и по-азербайджански».

Самобытное и богатое поэтическое наследие Саят-Новы — наиболее яркое выражение отличительных черт армянской (и не только армянской) поэзии XVIII века, которая характеризуется тенденциями, направленными на возрождение гуманистических идей многовековой национальной литературы, дальнейшее усиление процесса демократизации литературы, углубление ее социального начала, критическое отношение к окружающей действительности и феодальным устоям жизни, усовершенствование традиционных и поиски новых художественных форм, внимание к устному народному творчеству, тематическое и жанровое многообразие, расширение литературных связей с другими народами. Армянская поэзия этого периода отличается сложностью и эмоциональным богатством, народностью миро-созерцания и многообразием выразительных средств, страстным призывом к наслаждению чудом реальной жизни и природы, мастерством в раскрытии тонких оттенков сложного внутреннего мира человека. Поэзия XVIII века не только использовала все завоевания средневекового армянского поэтического творчества, но и определила дальнейшую преемственность традиций национальной поэзии, подготовив в то же время почву для ее развития на новом историческом этапе. Этим поэзия XVIII века прежде всего обязана творчеству таких поэтов, как Багдасар Дпир, Петрос Капанци, Шамчи Мелко, Ованес Карнеци, Овнатан Нагаш и особенно — Саят-Нова.

* * *

Старый Тифлис, где сложился многогранный поэтический мир Саят-Новы, был удивительно своеобразным, колоритным городом. Поэт был привязан к нему всем своим существом. Среда старого

Тифлиса наложила на творчество поэта особый отпечаток, обусловила некоторые важные черты поэзии Саят-Новы, колоритные нюансы. Интересную характеристику этого древнего города дал Ованес Туманян (который, кстати, провел там всю свою творческую жизнь). По его определению, «старый Тифлис издавна был каким-то клубком, здесь смешивались и соединялись различные восточные народы — со своими языками, религиями, философиями и национальным творчеством. Они создали самобытный город, которым восхищалась вся Малая Азия и Ближний Восток». Но грузинская столица, как уместно замечает Туманян, «не была собранием этнографически чуждых друг другу элементов, но скорее уподоблялась дружной семье различных народов и племен». По наблюдению Ов. Туманяна, жизни старого Тифлиса задавал тон «беззаботный и веселый грузинский дух».

* * *

Как уже говорилось, поэтическое наследие Саят-Новы дошло до нас не полностью. Часть его песен утрачена (возможно, бесследно), а из некоторых песен лишь отдельные строки сохранились в народной памяти. Основная часть стихотворений сохранилась в двух рукописных сборниках (давтарях). Как установил Г. Ахвердян, первый давтар в 1795 году увез с собой, направляясь в Моздок, старший сын поэта Меликсет. Много лет спустя сын Меликсета, протоиерей тифлисской церкви Джграшен Тер-Мовсес обнаружил его у своей сестры. Он привез давтар в Тифлис, и в 1848 году через посредство «уважаемого друга, ученого врача Ованеса Пондоянца» рукопись на время перешла к Г. Ахвердян. Этот давтар, который считается автографом Саят-Новы, содержит только армянские и азербайджанские стихи, транскрибированные грузинскими и армянскими буквами. Сочинения расположены вне хронологической системы. Под каждым текстом или на полях названо имя автора и указана мелодия исполнения. После использования Г. Ахвердян вернул давтар наследникам Саят-Новы. Спустя десятилетия давтар приобрело Общество армянских писателей Тифлиса, а после установления в Армении Советской власти рукопись через посредство председателя этого Общества Ов. Туманяна была передана в дар Армении.

Второй давтар, по поручению грузинского царевича Теймураза, составил сын поэта Оган (Иоанне) в Петербурге, в 1823 году. Грузинская приписка гласит: «Сия книга принадлежит престолонаследнику Грузии Теймуразу. Сын Саят-Новы Иоанне записал для меня стихи своего отца Саят-Новы, в память о нем». Этот сборник содержит стихотворения на армянском, грузинском и азербайджанском

языках. Большую ценность представляют примечания, которыми Оган снабдил ряд стихотворений.

Помимо этих сборников, отдельные песни Саят-Новы сохранились в различных рукописных песенниках и других письменных источниках.

В числе песен Саят-Новы имеются две двуязычные (на армянском и азербайджанском языках) и одна — четырехязычная (на армянском, грузинском, азербайджанском и персидском языках).

Хотя замечательные песни Саят-Новы на языках трех закавказских народов издавна пользовались большой популярностью почти во всех слоях общества (в частности, в Тифлисе), хотя их с любовью исполняли на площадях, на семейных торжествах, во время различных празднеств, хотя, распространяясь, они приносили новую славу, новое признание их творцу, — в печати имя поэта-ашуга появляется довольно поздно. Имя «пишущего совсем по-народному», «знаменитого» поэта, «великого Саят-Новы» читатель впервые встретил в 1847 и 1851 годах в армянских журналах «Базмавеп» и «Ара-рат». Армянская литературная общественность, как уже отмечалось, познакомилась с творчеством Саят-Новы благодаря усилиям Геворга Ахвердяна, когда в 1852 году в Москве вышел в свет первый сборник армянских стихов поэта. Это своего рода классический труд, выполненный с научной точки зрения весьма умело и добросовестно. Опубликовано 46 стихотворений; им предпослано большое введение Г. Ахвердяна. Введение посвящено изучению жизни и творчества Саят-Новы, здесь же содержится очерк тифлисского диалекта армянского языка, на котором написаны армянские сочинения поэта. В конце каждой песни помещены примечания; в них дается толкование диалектных и заимствованных слов. Без этих пояснений даже армянский читатель не смог бы разобраться во многих строках и пассажах.

Но еще до появления этого труда Г. Ахвердяна в русской газете «Кавказ» (1851, № 1, 2), издававшейся в Тифлисе, появилась обстоятельная статья о Саят-Нове за подписью известного русского поэта Якова Полонского (в те годы он служил в Тифлисе). Значение статьи Полонского не только в том, что благодаря ей русский читатель впервые получил возможность ознакомиться с Саят-Новой, но и в том, что его выступление в печати было первым весомым научным словом о жизни и творчестве великого армянского народного певца. В этом смысле статья достойна особого внимания. Интересная с многих точек зрения, она явилась событием в литературной жизни и составила блестящую страницу в богатой истории армяно-русских литературных связей.

Полонский был в тесной связи со многими тифлисскими интеллигентами. К числу его близких друзей относился и Геворг Ахвер-

дьян (Юрий Ахвердов). С мая 1848 года Г. Ахвердян был поглощен работой над подготовкой к изданию давтара Саят-Новы. Полонский не только был в курсе этих дел, но, как видно, с помощью своего армянского друга достаточно подробно ознакомился с песнями Саят-Новы. Говоря о тетради (давтаре), автор статьи пишет: «Я видел ее у Ю. Ф. Ахвердова, любителя армянской литературы и собирателя армянских песен. Ему я обязан возможностью написать статью, предлагаемую читателям „Кавказа“». Автор верит, что «песни Саят-Новы скоро будут изданы».

Воистину вызывает удивление широта историко-философских и эстетических оценок, которые еще в середине прошлого столетия русский поэт сумел дать армянскому певцу, жившему за целый век до него, глубина проникновения в поэтический мир Саят-Новы, до сих пор Полонскому неведомый и, кажется, даже чуждый ему. Он предложил характеристики, которые и сегодня, несмотря на огромные достижения науки о Саят-Нове, в определенном смысле сохранили свою научную ценность и современное звучание.

В статье Полонского прежде всего привлекает внимание справедливая социальная оценка, данная творениям Саят-Новы. Как пишет автор, «для своего века, для Тифлиса, состарившегося под игом мусульманского владычества, среди разлагающегося смешанного общества, Саят-Нова — исключение в высшей степени отрадное». «Чувствуешь неволью, — продолжает Полонский, — как этот человек должен был страдать, потому что был выше своих современников».

Интересны (хотя и не всегда бесспорны) мысли Полонского об этических принципах, которые исповедовал великий поэт, о его назидательных песнях.

В поэзии Саят-Новы русский поэт обратил внимание на одно чрезвычайно важное обстоятельство — исключительную тонкость и глубину поэтизации человеческих чувств, в частности любви. И сегодня следует безоговорочно повторить следующий вывод Полонского: «В песнях Саят-Новы мало тех ярких блестящих красок, от которых природа на Востоке часто принимает какой-то странный, мишурный блеск, нет и тех фантастических образов, которые как будто порождает опиум. Вообще в стихах его мало воображения — много чувства: но это чувство, там, где оно высказывается в стихах его, по большей части так глубоко безмятежно, что любовь его похожа на дружбу, дружба — на любовь».

* * *

Демократическая сущность поэзии Саят-Новы определяется его пониманием места искусства в жизни, в основе которого лежало его социальное мышление, народолюбие и гуманистическое мирозозерца-

ние. В одном из стихотворений поэт называет себя «слугою народа», выражающим его думы, чаяния и надежды, «врачующим» его душевные раны, и видит свое единственное и высокое призвание в верном и беззаветном служении простому люду. Поэт с особой страстностью подчеркивает: «Я тот, кто чтит судьбою обойденных», с гордостью заявляет: «Сберег я честь народную...»

Как видно, эстетическое кредо Саят-Новы, этого мудрого народного поэта-певца, окончательно сформировалось в 50-х годах XVIII века. В этом смысле привлекает особое внимание стихотворение «Из всех людьми хваленных лир полней звучишь ты, каманча!..», посвященное музыкальному инструменту, символизирующему искусство (каманча считается наиболее совершенным музыкальным инструментом на Востоке). Умудренный жизненным опытом, страдающий под бременем личных невзгод, остро переживающий общественные бедствия в созданных в эти годы песнях поэт-пророк не только с особым проникновением раскрывает процессы, происходящие в окружающем его мире, противоречивые, часто кажущиеся непонятными явления в неустроенной действительности, но и исключительно глубоко размышляет о роли поэтического и музыкального искусства в жизни общества. Он раздумывает об истинном призвании художника и приходит к совершенно определенным выводам. По глубокому убеждению поэта, искусство должно звать человека к возвышенным идеалам, воспитывать в нем добродетель, незлобивость, честность, человеколюбие, «уводить» его от порочных страстей, от злобных и недостойных людей, которым недоступна и непонятна сама природа искусства. Обращаясь к каманче, поэт говорит:

Из всех людьми хваленных лир полней звучишь ты, каманча!
Кто низок, не иди на пир: пред ним молчишь ты, каманча!
Но к высшему стремись: весь мир, всех покоришь ты, каманча!
Тебя не уступлю я: мне принадлежишь ты, каманча!

...Тем, как бальзам, даришь ты сон, тех ты бодришь всю ночь
до дня.

...Ты всем даешь веселый вид, с тобой опять здоров больной;
Чуть сладкий зов твой зазвучит, блажен, кто говорит с тобой.
Проси, да скажут: «Бог продлит дни нас пленявшего игрой!»
Доколе жив Саят-Нова, что не узришь ты, каманча!

Поэт твердо убежден, что для настоящего искусства нет преград, даже сильные мира сего совершенно бессильны перед ним (вспомним его слова: для ашуга «нет палача, Нет правил, судей и царей, он сам спасает всех, звуча...»).

Николай Тихонов однажды писал о Саят-Нове: «Мы слушаем поэта как свидетеля, как судью своего времени, но для нас особое значение имеет то, что сказано им как человеком, чувствовавшим силу слова и веру в свое призвание».¹

Поэзии Саят-Новы глубоко чужд созерцательный дух. Его глубинные, сложные поэтические размышления рождены живой и противоречивой действительностью, именно поэтому его лирика, и особенно философские раздумья, отличается активным отношением к жизни, несет в себе глубокие и самобытные обобщения. Его поэтическому слову присущи истинная страстность, огромное общественное звучание.

Социальные мотивы, к некоторым аспектам которых мы обратились при рассмотрении отдельных страниц биографии поэта, в поэтическом наследии Саят-Новы занимают важное место. Гордо звучит совершенно определенное социальное кредо поэта — «Я простолюдин, а не князь. Другого званья не хочу!» В этих словах, проникнутых высоким личным и общественным достоинством, исключительной гражданской страстностью и убежденностью великого поэта и мыслителя, гармонически сочетаются его социальные и эстетические идеалы. С их высот и сквозь их призму воспринимает он сложные и противоборствующие явления современной ему жизни.

Общественная трагедия поэта, призванного стать защитником простолюдина и справедливости, обусловлена конфликтом между его гуманистическими идеалами и феодальной действительностью. Особенно глубокую боль причиняют поэту социальные несправедливости и неравенство людей в созданном богом мире («Господь всем дал единую душу»). В стихотворении «Этот — друг твой, а та вот — услада ночей...» Саят-Нова, как бы перекликаясь с великим демократом армянского средневековья Фриком, с горечью и разочарованием пишет:

Этот — сахар вкушает, а тот — ляблябу.

Этот — всё веселится, тот — горестью пьян.

Этот — взял золотник, а вон тот — взял батман.

Здесь различные судьбы раскинули стан:

Этот — жизни исполнен, тот бедный — в гробу.

Этот — в полном достатке, тот — нищ, словномышь.

...Этот — празднует пир, тот — кусает губу.

Именно эта действительность и сокрушает светлые мечты поэта и погружает его в уныние. Здесь невольно вспоминаются слова поэта — классика армянской литературы Аветика Исаакяна, в представ-

¹ Николай Тихонов, Слово о Великом. — «Литературная газета», 1963, 26 октября.

лении которого глаза Саят-Новы «то подобны морю — вечно синему, то подобны горю — глубокому и черному». В философских раздумьях о социальном неустройстве мира и господствующей в нем несправедливости Саят-Нова приходит к подлинно художественным обобщениям.

Наш мир — окно, но улиц вид меня гнетет, мне стал не мил.
Кто взглянет, ранен. Язвы жар, что душу жжет, мне стал не мил.
Сегодня хуже, чем вчера; зари приход мне стал не мил.
Нельзя резвиться каждый день. Забав черед мне стал не мил.

*(«Наш мир — окно, но улиц вид меня гнетет,
мне стал не мил...»)*

Поэт устал от общественного зла и личных страданий, которые тоже, в конце концов, имеют социальные корни, рождены той же действительностью:

Нет сил терпеть насмешек злых, душа моя изнемогла.
Врагами стали мне друзья, чужой народ мне стал не мил.

Саят-Нова сказал: дни бед меня гнетут превыше мер.

Трагически переживает поэт господствующие в подлунном мире правы, при которых критерием суждения о человеке становятся не человеческие ценности, а имущество и родословная: «Видя на ком старую шаль, уже не спрашивают, кто это?» Для Саят-Новы это глубочайшим образом противоестественно, и он гневно отвергает античеловеческую мораль, предлагая свой идеал. Вспомним его стихотворение «Сколько звезда ни свети, — в море воды не убавит...», где поэт, едко высмеивая надменность своего противника, вызванную только его знатным происхождением, противопоставляет ему лишь доброе имя и свое высокое искусство.

Угроза Страшного суда звучит в стихах поэта как неизбежное социальное возмездие. В одной из азербайджанских песен он говорит:

Эй вы, аги! Придет беда, — огонь каких еще горнил!
В миру ином не различат — агой ли был, рабом ли жил.

*(«Весь этот мир — лишь суета. Что край
беды припоминать?..»)*

Трагически переживая тяжелую долю простого народа и человека, поэт мечтает удалиться, «улететь соловьем», как говорит он, из этого бездушного мира. Однако это стремление — не бегство от

жизни, как может показаться с первого взгляда, а своеобразный протест против человеконенавистнической сущности феодального мира. Чрезвычайно примечательно, что, представляя современную ему действительность в столь мрачных тонах и разоблачая сущность социального и общественного зла, поэт не становится мизантропом или пессимистом, не теряет веры в будущее и в человека. На это важное обстоятельство, характеризующее истинную сущность социально-философских раздумий Саят-Новы, его гуманистическое мировоззрение, в свое время указал Ованес Туманян, по наблюдениям которого поэт, «мучаясь и сокрушаясь, устав от мук и тревог, всегда остается тем же добрым, нежным и честным человеком. Он вступил в жизнь и в мир с поэтической красотой и с той же красотой улетает из жизни и мира сего».

Чрезвычайно существенно, что, как мы увидим, с тех же правильных позиций подошел Ов. Туманян и к любовной лирике Саят-Новы. В неразрешимых конфликтах жестокой действительности, которая разрушала гуманистический идеал поэта и человеческую сущность человека, своеобразно скрестились общественные раздумья Саят-Новы и его горькая личная судьба. В этом сложном конфликте единственной опорой поэта, поглощенного судьбами человека и мира, оказывается безграничная вера в победу добра и истины, которая освещается раздумьями о высоком предназначении Человека. В мире, исполненном горечи, поэт ищет личность возвышенную, благородную и добродетельную. Только эти поиски дают ему надежду на торжество справедливости.

Своеобразный философский оптимизм и вера в будущее вообще характерны для поэтического мира певца. Именно в этом сила, очарование и величие творчества великого гуманиста:

Смерть придет ко мне незванно, — и себе я кров ищу.
Для злокозненных и низких я клянущих слов ищу.
Что мне помнить о минувшем! Новых берегов ищу.
Мир усопшим! Тех, кто ныне мне внимать готов, ищу.

*(«Смерть придет ко мне незванно, —
и себе я кров ищу...»)*

Идеал будущего и само будущее тесно связаны с созидательным трудом человека:

Благословен строитель, возведший мост!
С ним камень свой прохожий в лад положит.
Народу жизнь я отдал, — за это мне
Могильную плиту мой брат положит.

(«Благословен строитель, возведший мост!...»)

Социальные мотивы лирики Саят-Новы — продолжение и одновременно новая ступень развития традиций армянской средневековой светской поэзии. И в этой области Саят-Нова обогатил новыми чертами национальное художественное мышление переходного периода. Но и здесь заслуги поэта не ограничиваются только национальными рамками. И. Гришашвили писал: «Саят-Нова был первым ашугом, выразившим в своей поэзии настроения, чувства и переживания городских низов. Это и было то специфически новое, что утвердил Саят-Нова в литературе народов Закавказья и, в частности, в грузинской литературе».

* * *

Саят-Нова не был обычным ашугом-певцом, который в минуту горя и радости своими песнями радует сердца людей и доставляет им лишь преходящее художественное наслаждение, нет, он был настоящим учителем и пророком.

В поэтическом наследии Саят-Новы особое место занимают песни, принадлежащие к философско-назидательному жанру (точно так же, как и назидательно-нравоучительные мотивы в других песнях). Хотя их относительно немного, тем не менее они придают новую окраску, новый характер его творчеству, с новой и интересной стороны освещают его поэтический мир, позволяют правильно понять тайны мироощущения Саят-Новы и его глубоких поэтических раздумий.

Действительно, границы охвата назидательных, апеллирующих к разуму стихотворений Саят-Новы довольно широки. Здесь поэт размышляет о самых разнообразных явлениях жизни и мироздания — вечное и преходящее, человек и мир, жизнь и смерть, душа и тело, добро и зло, любовь и ненависть, добродетель и греховность, правдивость и лживость, разум, учение, просвещение и невежество и др.

Именно в таких песнях, впрочем, так же как и в отдельных произведениях иного рода, где щедро, словно драгоценные камни, рассыпаны мудрые слова-афоризмы, поэт изложил и защитил свои этические принципы, стремясь к тому, чтобы достичь внутренней гармонии личности, укрепить нравственные устои общественной жизни. Апеллирующие к разуму, назидательные стихи Саят-Новы также отличаются высоким поэтическим искусством, доступной народу ясностью.

По существу, этика Саят-Новы является блестящим проявлением демократического мировоззрения «слуги народа» и гуманистического идеала певца, идеала, покоящегося на твердом основании народности и веры в победу добра и справедливости. И здесь в центре философ-

ских раздумий поэта находится человек с его сложной и противоречивой судьбой, выступающий как единственное мерило всех ценностей.

Как и в прочих сферах, и в этике поэта заметна вполне естественная для эпохи раздвоенность. Так, например, если, следуя христианской морали, поэт утверждает: «Каким бы умелым ни был слуга, он не смеет выступить против господина», то, с другой стороны, Саят-Нова, как мы уже видели, с большим достоинством защищает собственную правоту против высокомерных вельмож, не щадя при этом даже духовного владыки страны. Сохранилось, кстати, сатирическое стихотворение Саят-Новы на грузинском языке о католикосе Антоне. В нем поэт едко высмеивает духовного пастыря страны, намекая, как полагают исследователи, на какие-то денежные сделки с миссионерами или же на несправедливое притеснение крестьян, а быть может, одновременно и на то, и на другое. Вот это стихотворение:

Пресвятейший патриарх,
Должен восславить я тебя достойно.
Говорят, что у тебя в кармане есть, —
Куда ты дел?
(Подымает то палкой, то рукояткой чонгури.)

В сердце разрядил ты мне ружье,
Прозывают меня Софи,¹
Потерял я свой короб, —
Куда ты дел?
(Тогда вывернул карман, который был прорван,
и показал.)

(Подстрочный перевод А. Гвахария)

Если, с одной стороны, певец как богобоязненный верующий повторял слова в духе известного христианского наставления: «Желчь подносящим — сахар дай да поспеши, Саят-Нова» (хотя здесь же он оговаривается: «Но бойся камня, что тебе грозит в тиши, Саят-Нова»), то, с другой стороны, он разит этого «подносящего желчь», раскаленным железом клеймит жестокость: «„Злоба злобных им самим воздаст сторицей“, — В мире сказано моим же, знать, собратом». Он клеймит зависть: «Кто завидует соседу — ни крупичицы Беднякам не даст, хоть был бы он богатым», обличает и другие по-

¹ Буквально: «Именем назвали Софи...» Не совсем ясен смысл; быть может, «софи» здесь в значении: суфий дервиш (?). (Примеч. переводчика).

роки человеческой природы — высокомерие, лукавство, ложь, зло — словие и т. д. и т. д.

С помощью своего единственного оружия — меткого поэтического слова, мобилизуя все возможности своего мощного дарования, поэт стремится с корнем вырвать чуждые истинной человеческой природе качества, мечтая видеть мир свободным от дурного и злого. Он глубоко верит, что в мире должны восторжествовать добро, правда и справедливость. «Пусть я сгорю, а правда не обманет» — в этом автор твердо убежден, в этом его идеал красоты.

В контексте всего его творчества воспринятые сквозь призму демократического мировоззрения поэта, его светлого гуманистического идеала, наставления Саят-Новы воспринимаются как сущностное выражение демократических и гуманистических принципов, исповедуемых поэтом. В этом смысле чрезвычайно характерным примером является стихотворение «Ты, безумное сердце, мне внемли...», одно из лучших в ряду нравоучительных раздумий. Обращаясь к своему «безумному сердцу», поэт, кажется, ищет точки соприкосновения между христианским нравоучением, близким и понятным его современникам, и собственным гуманистическим идеалом. Но что же, кроме любви к богу и к душе, проповедует певец себе и своим слушателям? Возлюби стыдливость, скромность, самолюбие, будь достоин хлеба и соли, возлюби наставление, терпение, справедливость! Продолжая свои мудрые наставления, Саят-Нова намечает пути их воплощения, обращается с новыми увещаниями, которые в чем-то соприкасаются с известными принципами религиозного благочестия, но в то же время обладают определенной социальной направленностью:

Не будь тщеславен, станешь любезен Господу,
Проявляй смирение к тем, кто ниже тебя,
Бог всем дал единую душу.
Возлюби бедняка, возлюби гостя, возлюби чужеземца.

(Подстрочный перевод)

Нетрудно заметить, что в этих наставлениях явственно звучит горячее сочувствие поэта к обездоленным и преследуемым судьбой.

Человеколюбивое и народолюбивое мирозерцание Саят-Новы, его идеал гармонической личности немислимо отделить от просветительских взглядов поэта. Весьма примечательно, что в творчестве Саят-Новы ярко выражен культ письма, книги и познания, которые рассматриваются как неиссякаемый источник добра и правды. Так, в стихотворении «Ты, безумное сердце, мне внемли...» читаем:

Святых целей три: возлюби перо,
Возлюби письмо, книги возлюби.

Сердце, пусть тебя скорби не гнетут!
Знай, что хлеб и соль люди чести чтут,
Но не будь смешным: возлюби свой труд,
Мудрость возлюби, правду возлюби.

* * *

Античеловеческой сущности феодального мира Саят-Нова противопоставляет Человека с его многокрасочным, богатым, чарующим внутренним миром. По существу, Человек и есть нравственное начало и святая святых его поэтического мира. Действительно, строка из 21-го сонета Шекспира: «В любви и в слове — правда мой закон» — могла бы стать прекрасным эпиграфом ко всему творчеству великого певца любви и справедливости.

В творчестве Саят-Новы центральное место занимает тема любви. В новых исторических условиях он продолжил и развил лучшие традиции армянской средневековой поэзии, в частности любовной лирики. Любовную песнь Саят-Нова вознес на новые художественные высоты и тем самым создал прочные предпосылки для подъема армянской поэзии и в особенности любовной лирики в новое время.

Любовная лирика Саят-Новы представляет собой своеобразное гармоническое целое, обнимающее личные и очень сложные психологические переживания и чувства поэта, исповедуемые им определенные этические принципы и даже общественные раздумья и идеалы. По существу, воспевание любви становится замечательным гимном человеку.

Основа философии любви Саят-Новы совершенно определена. В восприятии поэта любовь — это высший земной и небесный дар, доставшийся человеку, и с какими бы муками и трагедиями он ни был связан — все равно это единственное вечное счастье. Это святое чистилище, которое освобождает человека от нечистых страстей и пороков, облагораживает и возвышает его и уносит в волшебную страну добра, красоты и совершенства. Уповая на любовь, на возлюбленную («Мерзну я, ищу — твоего покрова»), поэт стремится достичь осуществления своего гуманистического идеала, верит в утверждение человека в жестокой действительности, преисполненной несправедливости и зла.

Здесь тоже сложны творческие поиски поэта. Подобно своим предшественникам, Саят-Нова испытывал некоторую раздвоенность в поисках доминанты в «правах» души и плоти (что было совершенно понятно и естественно для его времени). Эта раздвоенность, идущая из глубины веков, является одной из характерных особенностей средневековой армянской поэзии.

Как человек своего времени, как благочестивый христианин, поэт, напоминая о Страшном суде, наставляет отказаться от мирских наслаждений («во имя души сократить жизнь плоти»), побуждает вести аскетический образ жизни, «возлюбить обитель, возлюбить пустынь». Но, с другой стороны, он постоянно устремлен к мирским радостям. Вот почему, рассматривая противоречивую действительность неустроенного мира с высоты своего гуманистического идеала, он не может ограничиться упомянутыми выше назиданиями. Ход его мыслей вновь и вновь приводит его к вечному, мучительному спору о «правах» души и тела, тем более что, как говорит поэт, «когда выполняешь веление души, плоть твоя страдает». И, оказавшись перед мучительным выбором, он с растерянностью обращается к самому себе: «какое горе превозмочь, о несчастный Саят-Нова?!»

Внутренняя боль и глубокая душевная драма поэта совершенно неприкрыты — для того чтобы выполнить волю души, человек вынужден подавить плоть. Но могучей силой своего поэтического гения Саят-Нова сумел решить дилемму, одолеть сомнения, которые грызли его сердце. И он склоняется к праву плоти, земного начала, посвящая ему блистательные и чарующие стихотворения, исполненные страстного эпикурейского призыва к упоению земными радостями, трепетом живой жизни. Не слабость, а сила его противоречия и их преодоление. Невольно вспоминаешь слова Шекспира (сонет № 151):

Мой дух лукаво соблазняет тело,
И плоть победу празднует свою.

Любовная лирика Саят-Новы, отмеченная исключительной глубиной психологического анализа, высокой эмоциональной напряженностью, подкупающей искренностью, точностью и непосредственностью доведенного до высшего совершенства стиха, является одним из блистательных откровений средневековой армянской лирики, а может быть, и всей многовековой армянской поэзии.

На первый взгляд, любовная лирика Саят-Новы может показаться однообразной. Но, как совершенно правильно подмечено Брюсовым, «какое неисчерпаемое разнообразие сумел вложить поэт в эту кажущуюся однотонность! Он почти везде говорит о любви, но как разноцветны оттенки ее в различных стихотворениях, все эти переходы от тихой нежности к пламенной страсти, от отчаяния к восторгу, от сомнения в самом себе к гордому самосознанию художника! Поистине Саят-Нову можно назвать «поэтом оттенков»... Но как в то же время остры, глубоки и сочны в песнях Саят-Новы эти «оттенки»: их воспринимаем мы как самые яркие цвета, с которыми не могут соперничать никакие мазки менее удачливых (скажем прямо: менее гениальных) поэтов, накладывающих краски слишком гу-

сто. Тонкой и нежной кистью живописал Саят-Нова, и тем больше очарования в его всегда пленительных стихах».

Лирические раздумья Саят-Новы в любовной поэзии также сложны. Это обусловлено самой сущностью ощущения любви. Любовь предстает перед ним отнюдь не одной только светлой стороной. По мнению поэта, это возвышенное чувство хотя и приносит человеку счастье, но по внутренней своей сути оно сложно и тяжело. Это чувство, в котором сталкиваются друг с другом две сущности, кажущиеся диаметрально противоположными, но в действительности своеобразно дополняющие друг друга. Поэт говорит: «Болезнь — любовь и этот раз, лекарство в свой черед — она!» Существование одного без другого бессмысленно, нелогично.

Характерно, что в образной системе поэта особенно выделяются повторенные в разных вариантах символы любви — опаляющее пламя и нежная роза: «Ты вся — огонь, твой плащ — огонь, — как воевать с таким огнем?», «Твои глаза огонь струят, ты силой красоты палишь...». «Я — певец любви. Откуда этот дар ниспослан мне? Он мой разум жжет, как пламя, а ведь я и так в огне», — говорит поэт, находясь в пламени и в то же время испытывая тайное счастье. А вот как звучит одна из азербайджанских песен, где каждая строка как бы осыпана розами:

Розой раскрылась прелесть любимой.
Родинка — роза, щеки — роза, рот — роза.
Ждет соловей, любовью томимый.
Снится мне роза, где же роза? Вот роза.
...В пышном наряде, сверкаешь тканью —
Вышиты розы: нечет — роза, чет — роза.
...Речь твоя — роза, сладость — роза, мед — роза.
...Вечно ты — роза: месяц — роза, год — роза.
...Пусть бы Саят-Нову ты опалила,
Жаркая — роза, пламя — роза, жжет — роза.

(«Розой раскрылась прелесть любимой...»)

Множество пленительных песен посвятил Саят-Нова предмету своей заветной мечты — возлюбленной. Но это не песни, адресованные только определенной, единственной женщине. По своей внутренней сущности и благодаря могучему, богатому в своих оттенках поэтическому наполнению они звучат как гимн вечной красоте и прекрасному. Возлюбленная поэта предстает как наиболее совершенное создание природы. С чем только не сравнивает поэт возлюбленную! Здесь можно найти все чудеса природы — солнце и луна, небесные светила, разнообразные деревья, кусты и цветы, драгоценные камни и редкие ткани и пр. и пр. Горячее воображение поэта здесь действи-

тельно не знает границ. Но, с какими бы чудесами ни сравнивал поэт свою возлюбленную, все они, тем не менее, меркнут рядом с ней. Прекрасная возлюбленная остается для Саят-Новы непревзойденной и несравнимой:

Скажу — ты шелк, но ткань года погубят;
Скажу — ты тополь, — тополь люди срубят;
Скажу — ты лань, — про лань все песни трубят.
Как петь? Слова со мной в раздоре, прелесть.

(«Отраден голос твой, и речь приятна...»)

Ему вдруг кажется, что все возможности исчерпаны, он глубоко убежден, что «слова бессильны пред тобой! Как алый лик твой описать?». Он с полным правом мог бы повторить слова 101-го сонета Шекспира: «Да, совершенству не нужна хвала», признаться вместе с ним: «Я сознаю своих стихов бессилье» (сонет № 79).

Здесь следует заметить, что в песнях, посвященных прославлению возлюбленной, в прямой форме, а чаще в подтексте нашла отражение идея автора о единстве любви и природы, человека и природы, и это своеобразно согласуется с его гуманистической жизненной философией, возвеличивающей человека. Эта идея красной нитью проходит через весь поэтический мир Саят-Новы, всякий раз проявляясь в соответствующей поэтической форме.

Единственный смысл и содержание жизни усматривает Саят-Нова в своей пламенной, бессмертной любви и в прекрасной возлюбленной. Без возлюбленной нет ни жизни, ни счастья. «Вся жизнь без тебя — суета, пустота, болтовня!» Здесь невольно приходят на ум строки 109-го сонета Шекспира: «Что без тебя просторный этот свет? Ты в нем одна. Другого счастья нет». Даже искусство поэта-певца, которому он был безгранично предан, без любви и возлюбленной кажется бессмысленным и ненужным («И саз не звучит, и не в радость сойбат без тебя...»). Если есть любовь и возлюбленная, поэту больше ничего не нужно — ни сокровищ и богатства, ни славы и власти, ни обещанного рая. Он готов лишиться всего, даже жизнь принести в жертву во имя любви и возлюбленной. «Как отдать тебе сто жизней? Ах, одну я, знать, имену», — восклицает поэт в отчаянии и разворачивает клубок своих лирических дум:

Пусть отвесят мне кораллов горсти, горсти,
На весах пусть блещут лалов горсти, горсти,
Не отдам, не разлучу тебя я с другом, милым другом!

Пусть я стану горсткой праха,
Яду я приму без страха,

Пусть придет указ от шаха, —
Не отдам, не разлучу тебя я с другом, милым другом.

(«Пусть отвесят мне кораллов горсти, горсти...»)

Поэт даже смерть предпочитает разлуке с возлюбленной («Яр, отдаться от тебя тяжелее смерти для меня»), смерть от руки возлюбленной — для него великое блаженство («Сама убей Саят-Нову, он будет счастлив, бездыхан»). Кстати, опять же, насколько эти мысли поэта созвучны строкам сонетов Шекспира: «О ты, чье зло мне кажется добром, Убей меня, но мне не будь врагом!» (сонет № 40), «О, не щади! Пускай прямой твой взгляд Убьет меня, — я смерти буду рад» (сонет № 139).¹

В песнях Саят-Новы — этого подлинного чародея любовной лирики — подобно реке, вышедшей из берегов, бьет через край возвышенное, благородное и чистое чувство. Будучи земным, это чувство совершенно свободно от грубой и отталкивающей чувственности. Действительно, сколько глубины, нежности, мягкой ласки в словах, обращенных к возлюбленной — предмету светлых мечтаний, единственному счастью:

Я в жизни вздоха не издам, доколе джан ты для меня!
Наполненный живой водой златой пинджан ты для меня!
Я сяду, ты мне бросишь тень, в пустыне — стан ты для меня!
Узнав мой грех, меня убей: султан и хан ты для меня!

...Как мне печаль перенести? Иль сердце стало как утес?
Ах! Я рассудок потерял! В кровь обратились токи слез!
Ты — новый сад, и в том саду, за тыном из роскошных роз,
Позволь мне над тобой порхать: краса полян ты для меня!

(«Я в жизни вздоха не издам, доколе джан ты для меня!..»)

Саят-Нова, по словам Ов. Туманяна, — «великий поэт несчастной

¹ Любопытно, что, по имеющимся отдельным сведениям, классик армянской литературы Ованес Туманян намеревался заняться сравнением лирических песен Саят-Новы и сонетов Шекспира. Однако, в силу каких-то обстоятельств, он не осуществил этот интересный замысел. Паруйр Севак в своем ценном исследовании «Саят-Нова» (Ереван, 1968), сопоставляя песенное творчество армянского поэта позднего средневековья с сонетами Шекспира, обнаружил интересное сходство и параллели, выражающиеся как в лирических раздумьях, так и в поэтических образах. По-видимому, истоки подобного сходства в творчестве различных поэтов, принадлежащих к разным эпохам и народам, следует искать в общем для их мирозерцания возрожденческом гуманизме.

любви». Его поэтический гений с особенной силой засверкал в песне о трагической любви.

Любовную лирику Саят-Новы, так же как вообще произведения любого крупного лирика в мировой поэзии, немисливо представить вне зависимости от его общего мирозерцания. Глубоко озабоченный судьбами человека и мира, уставший от человеческого страдания и несправедливости, стремящийся к идеалу добра и правды, поэт, возвеличивая возлюбленную, со всей страстностью прославляет не просто женщину, но и преданного друга, он ищет в ней Человека (во многих произведениях Саят-Новы, как уже замечено, слово «яр» — возлюбленная — употребляется именно в таком широком значении). Это обстоятельство во многом определяет широту и глубину жизненного охвата в любовной лирике Саят-Новы, ее общественную направленность и социальное звучание; чувство как бы вторгается в сложный конфликт поэта с жестокой эпохой.

Вот какими горькими, полными слез словами передает Саят-Нова, этот подлинный «крестоносец любви» (П. Севак), трагедию любви отвергнутой:

Меня и милую мою година та ж родила, знай,
И потому я вздох таю, а в сердце кровь застыла, знай.
Я днем и ночью слезы лью, а в грезах много пыла, знай.
Мой влажен глаз, язык сожжен, уста любовь спалила, знай.

Ах, сердце замерло в груди, утомлено борьбой оно.
И око тускло, погляди, томится по одной оно,
Тьма перед мыслью впереди, лишь пение — со мной оно.
Но мне надежды в жизни нет, близка моя могила, знай.

(«Меня и милую мою година та ж родила, знай...»)

Подобные стихотворения поэта, созданные на армянском, грузинском и азербайджанском языках («Внемли: проникнуты слова мои мольбой, о свет очей...», «Я болен от любви к тебе, — о злом недуге плачу...», «Я — на чужбине соловей, а клетка золотая — ты!..», «Ах, почему мой влажен глаз и кровь на сердце? Жжет она!..», «Жив доколь я, джан, — милой в жертву дан. Как избыть дурман?..», «Златые пуговицы твои под стать искусному шитью...», «Смерть придет ко мне незванно, — и себе я кров ищу...» и др.), в которых с огромной поэтической силой выражено глубокое человеческое чувство и безмерная тоска человеческого духа, льющаяся неостановимым потоком, составили блестящую страницу его книги любви.

Любовные муки, выпавшие поэту по воле судьбы, приводят К тому, что он утрачивает нить жизни, теряется, язык его немеет,

настолько необычным и неповторимым представляется ему его собственное состояние:

Иль раньше не любил никто? Какая на меня напасть?
От чар твоих я без ума, меня испепеляет страсть.
Всех да минует мой удел, его не вынести и часть!
Как перепел, я опален твоей красотой, о свет очей!

*(«Внемли: проникнуты слова мои мольбой,
о свет очей...»)*

Воплощая в своих стихах драму измученной человеческой души, Саят-Нова всякий раз ищет и находит все новые и новые впечатляющие, выразительные образы, новые цвета и оттенки. В них слышится глубокая тоска, стенание, душераздирающий вопль и бесконечный плач. «Я ранен в сердце, я спален, нет больше для меня усад», «Не обжигай меня, я сам горю на медленном огне», «Нигде покоя не найду. Одна лишь смерть — отрада мне», «Я жив иль мертв, не знаю сам, но болен лишь тобою я!», «Сгорело сердце от любви, его не исцелить теперь», «Меня ты ранишь без ножа. Палач моих желаний ты», «Кровью давнишняя рана сочится, Старая рана, — я ранен голубкой, злою голубкой, жестокой голубкой», «Стал пловцом я, в волнах моря я поплыл, я поплыл. Как Фархад горел и в скалы ударял что есть сил. Как Меджнун, к Лейле взывая, по пескам я бродил» и т. д. и т. д.

Тайна непреходящего обаяния любовных стихотворений Саят-Новы и их философской глубины сокрыта в гуманизме поэта, исчерпывающую характеристику которого дал в свое время Ованес Туманян. «Саят-Нова, — писал он, — очарованный влюбленный, охваченный и воспламененный огнем любви, в зареве этого огня он видит мир и его вещьность, он чувствует, что сгорает в этом огне, исчезает в нем, но он остается мужественным и добрым, незлобивым и беспристрастным, величавым и возвышенным, он остается великим другом человека и мира, он навсегда верен возлюбленной, которая сожгла его дотла, и навсегда остался равнодушным и к тем, кто судорожно грелся и ликовал у того огня, в котором он сгорел, и к тем, кто нанес ему тысячу и одну обиду и причинил столько огорчений. Он разгневался, но не озлобился, испытал боль, но не разразился проклятиями».

Мы уже убедились в том, что с той же точки зрения воспринимал Туманян и общественные мотивы в творчестве Саят-Новы. Такое понимание является, по существу, единственно правильным ключом, с помощью которого можно открыть доступ к философской глубине и гуманистическому духу творчества великого поэта и мыслителя позднего средневековья, во всей полноте и всесторонне понять обще-

человеческую ценность и удивительно современное звучание этого творчества.

Для поэта, как ни несчастен он в любви, как ни безответны его чистые и святые чувства к нещадно сжигающей его жестокосердной возлюбленной, существует только один культ — культ любви. Возлюбленная остается единственным «врачевателем» его душевных ран, единственным существом, связывающим его с жизнью, без которого жизнь для него — ничто. И поэт, всецело поглощенный сжигающим его чувством любви, живет только им, снова и бесконечно прославляя и обожествляя свою любовь и ту, которая принесла ему столько страданий:

Любовью опьянен, не сплю, но сердце спит, тобой полно:
Всем миром пусть пресыщен мир, но алчет лишь тебя оно!
С чем, милая, сравню тебя? Всё, всё исчерпано давно.
Конь-Раш из огненных зыбей, степная лань ты для меня!
Поговори со мной хоть миг, будь милая Саят-Новы!
Ты блеском озаряешь мир, ты солнцу — щит средь синевы!
Ты — лилия долин, и ты — цветок багряный средь травы:
Гвоздика, роза, сусамбар и майоран ты для меня!

*(«Я в жизни вздоха не издам, доколе джан
ты для меня...»)*

И как ни несчастен поэт в любви, как ни бессилен и ни беспомощен он перед этим тонким и нежным человеческим чувством — до того, что его пламенная сущность может погаснуть и обратиться в прах от одного лишь дыхания возлюбленной, тем не менее поэт, воодушевленный своей любовью, окрепший благодаря ее благодеяниям, чувствует себя гордым и непобедимым, настолько, что даже могучие мира сего кажутся ему бессильными:

Нет, Саят-Нова, не раб ты с робким взглядом!
И царя, пред кем все пали, ты не знаешь!

(«Прок ли в том, что злой печали ты не знаешь!..»)

Саят-Нова не только горд и могуч своей любовью, но и бесконечно счастлив. Неважно, что эта любовь отвергнута, она безответна и трагична: поэт счастлив уже этой несчастной любовью и муками, и порой кажется, что, если он вдруг избавится от этих мук и пережитой трагедии, он утратит свое счастье. Именно здесь сокрыто все обаяние гуманистической поэзии великого певца человека и мира, неповторимого певца любви. Воистину, какой великой душой и широким сердцем надо было обладать, чтобы, перенеся муки, идущие от жестокой возлюбленной, остаться добрым, незлобивым, почитать

величайшим счастьем и блаженством, если любимая хоть раз вспомнит его, посетит его могилу, пожалеет о содеянном и, чтобы искупить «грехи», станет плакать над ним. Действительно, сколько величия, чистоты, благородного дыхания в словах поэта:

Будь у меня сто тысяч бед, не дрогнет сердце им в ответ.
Ты — повелительница, ты, и мне иного шаха — нет,
Саят-Нова сказал: «Увы, не страшно мне покинуть свет,
Но ты, — ты, косы распустив, плачь надо мной, о свет очей!»

*(«Внемли: проникнуты слова мои мольбой,
о свет очей...»)*

* * *

Велика роль Саят-Новы в совершенствовании поэтики армянского стиха. И действительно, как отмечает В. Я. Брюсов, песни Саят-Новы «исполнены ассонансов, аллитераций, повторных и внутренних рифм: он один из высших мастеров «звукописи», каких знала мировая поэзия. Вместе с тем он и дивный эвритмист, умеющий находить новизну напева в общеупотребительных размерах».

Особое значение имеет вопрос о языке Саят-Новы. Песни поэта, щедро насыщенные выразительными, сочными и емкими оборотами и отмеченные стилем живого, народного, разговорного языка, созданы на диалекте тифлиских армян. Иногда поэт использует также отдельные элементы древнеармянского литературного языка (грабара), западноармянского и других армянских диалектов. В то же время в песнях Саят-Новы часто встречаются слова, обороты и стилистические интонации, заимствованные из персидского, арабского, турецкого, азербайджанского языков, которые, кстати, большей частью употреблялись в армянском диалекте Тифлиса и были понятны народу. Подмечено, что эти заимствованные слова и обороты, встречающиеся в армянских стихах, не воспринимаются как излишнее и чуждое украшательство, но проникают в язык как бы естественным путем, органически сочетаются с поэтической тканью, гармонически согласуются с духом поэтического искусства певца, придают своеобразный колорит его песням.

Разгадку одной из тайн огромной популярности песен Саят-Новы следует видеть, по всей вероятности, и в их чарующей мелодии. Нет никакого сомнения, что мелодия не только способствовала распространению песен Саят-Новы, но сохранила их в памяти поколений. Благодаря задушевной мелодии песни Саят-Новы и сегодня звучат повсюду, доставляя слушателям неповторимое эстетическое наслаждение. Песни Саят-Новы входят в число наиболее высоких достижений армянского народного музыкального искусства. Мелодия своеобразно обогатила поэтическое слово Саят-Новы, сделав его более

*

выразительным, сердечным и впечатляющим. Права, безусловно, Мариэтта Шагинян, которая заметила, что «если... даже в чтении захватывает нас смелый и мужественный гуманизм поэта, то ведь двести с лишним лет назад народ не читал, а слушал эти стихи, и с какой же силой, с какой огромной впечатляемостью действовали эти стихи на народный слух, положенные на музыку, окрыленные магией пения!»¹

Часть своих стихотворений Саят-Нова приспособил к существовавшим напевам, но для другой, значительной, части он сам сочинял музыку. К сожалению, мелодии ко многим стихотворениям Саят-Новы не сохранились. До сих пор удалось выявить лишь около 30 напевов. Но и этого достаточно, чтобы оценить исключительно самобытный талант Саят-Новы как величайшего песенника.

Музыковеды считают, что наиболее характерной чертой Саят-Новы-песенника является тонкий вкус и содержательность в построении мелодии, высокое мастерство и своеобразная согласованность в сочетании поэтического слова и напева. Один из выдающихся композиторов нашего времени Арам Хачатурян писал: «Великого ашуга я лучше узнаю и воспринимаю через его гениальные мелодии. Эти протяжные мелодии не только звучат красиво, но и содержат многообразный мир настроений и часто силой своего эмоционального воздействия, если даже исполняются одностольно, потрясают слушателя. Незабываема песня Саят-Новы. Она так непосредственна и искренна, что сразу западает в память, становится твоей духовной собственностью. Услышав однажды, не можешь забыть ее, если даже хочешь выбросить из памяти, и непроизвольно продолжаешь напевать про себя, хочешь слушать еще и еще раз. Только настоящая музыка способна обладать такой впечатляющей силой».²

Богатое и самобытное поэтическое наследие Саят-Новы, отмеченное ярким духом светлого гуманизма, оставило глубокий след во всей армянской — и не только армянской — литературе. Влияние Саят-Новы на творчество многих видных армянских поэтов, начиная с конца XVIII века до Ованеса Туманяна и Егише Чаренца, бесспорно.

«Такими поэтами, как Саят-Нова, — писал В. Брюсов, — может и должен гордиться весь народ; это — великие дары неба, посылаемые не всем и не часто; это — избранники providения, кладущие благословение на свой век и на свою родину...»

В. С. Налбандян

¹ Мариэтта Шагинян, «Сберег я честь народную». — «Литературная газета», 1963, 19 сентября.

² Арам Хачатурян, О музыке, музыкантах, о себе, Ереван, 1980, с. 225.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПЕРЕВОДЫ С АРМЯНСКОГО

1

Как соловей, томилась ты,
Как роза, распустилась ты,
Водой из роз омылась ты,
 Омылась ты.

Равной в мире нет, равной в мире нет,
 Равной нет, равной нет,
 Несравненной нет!

Твоя краса лютей бича,
Ах, тоньше волос твой — луча,
К лицу — с павлинами парча,
 К лицу парча.

Равной в мире нет, равной в мире нет,
 Равной нет, равной нет,
 Несравненной нет!

Ты светишь солнцем и луной, —
Я по тебе томлюсь тоской, —
Ты носишь пояс золотой,
 Ах, золотой!

Равной в мире нет, равной в мире нет,
 Равной нет, равной нет,
 Несравненной нет!

Парча румянцем зацвела,
С бюльбюлем слезы ты лила,
На щечке родинка мила,
 Ах, как мила!

Равной в мире нет, равной в мире нет,
Равной нет, равной нет,
Несравненной нет!

О мне заплачет и скала —
Какие ты творишь дела!
Саят-Нову с ума свела,
С ума свела.

Равной в мире нет, равной в мире нет,
Равной нет, равной нет,
Несравненной нет!

Март 1752

2

Ты, безумное сердце, мне внемли:
Скромность возлюби, совесть возлюби.
Мир на что тебе? Бога возлюби,
Душу возлюби, деву возлюби!

Божий глас внемли и твори добро,
В житиях святых слово — серебро;
Святых целей три: возлюби перо,
Возлюби письмо, книги возлюби.

Сердце, пусть тебя скорби не гнетут!
Знай, что хлеб и соль люди чести чтут,
Но не будь смешным: возлюби свой труд,
Мудрость возлюби, правду возлюби.

Там, где господин, будь не горд, но тих;
Скромным будь всегда у господ своих;
Но у всех — душа: возлюби чужих,
Бедных возлюби, гостя возлюби.

Так, Саят-Нова, мудрость жить велит.
Что нам эта жизнь? Страшный суд грозит!
Душу сберегай: возлюби и скит,
Келью возлюби, камни возлюби!

1 мая 1753

Твой силен ум: таким рожден, — себя глупцу равнять
 зачем?
 Меня за свой вчерашний сон презрительно считать
 зачем?
 Я издавна горю, сожжен! Опять меня сжигать зачем?
 Устала ты, поверю я, меня же обвинять зачем?

Привет! Ведь ты сильна, как тот Ростом, сын Зала,
 дочь царя!
 Старинный твой прославлен род, красоты зеркало,
 дочь царя!
 Коль грешен я, пусть меч не ждет меня нимало,
 дочь царя!
 Но господа побойся ты: напрасно враждовать зачем?

Кто ранен, позовет врача: не повредит, поможет он;
 Раба ругают сгоряча, судиться всё ж не может он.
 Кто сердцем светел, как свеча, молву людей
 отложит он.
 Я богом истинным клянусь: меня нещадно гнать
 зачем?

Не всем мой ключ гремучий пить: особый вкус
 ручьев моих!
 Не всем мои писанья чтить: особый смысл у слов
 моих!
 Не верь: меня легко свалить! Гранитна твердь основ
 моих!
 Так наводнением без конца их тщетно подрывать
 зачем?

Бьет ветер морской, песок гоня: песка не меньше
 будет всё ж!
 Живу ль, не станет ли меня — толпу напев разбудит
 всё ж!
 Уйду, но в мире с того дня и волос не убудет всё ж!
 В Абаш, к арабам, к индам прах Саят-Новы ссылать
 зачем?

Твой волос — смоченный рехан, иль шелка нить, или
струна.

Обводит золото черты, а бровь пером проведена.
В устах — и жемчуг, и рубин. Твоя завидна белизна.
Пусть я умру, будь ты жива. Мне страсть на гибель
суждена.

О, прекрати свою игру, меня насмерть убьет она!

• • • • •

На полюбившего сильней пусть упадут напасти все.
Уже два года протекли, как я тоскую о красе.
Пусть я умру, будь ты жива. Мне страсть на гибель
суждена.

О, прекрати свою игру, меня насмерть убьет она!

Увяла роза, соловей не прилетает больше в сад.
Я ранен в сердце, я спален, нет больше для меня
улад.

От страсти занедужил я, лежу и жизни сам не рад.
Пусть я умру, будь ты жива. Мне страсть на гибель
суждена.

О, прекрати свою игру, меня насмерть убьет она!

Я в горы, как Меджнун, ушел, но от Лейлы ни
слова нет.

Горю, но жажду утолить напитка ледяного нет.
Клянусь, одна ты яр моя и друга мне иного нет.
Пусть я умру, будь ты жива. Мне страсть на гибель
суждена.

О, прекрати свою игру, меня насмерть убьет она!

Саят-Нова сказал: залум! Кровь вытекает со слезой,
Адама нечестивый сын, вовек проклятье над тобой!
Где твой обет на тридцать лет? Обет ты нарушаешь
свой.

Пусть я умру, будь ты жива. Мне страсть на гибель
суждена.

О, прекрати свою игру, меня насмерть убьет она!

1 марта 1754

Друг, ты попал в сети любви, — песенный дар я для
 тебя.
 Колких репьев не собирай, — мак, сусамбар я для тебя.
 Спрячу тебя в тень от жары, — пышный чинар я для
 тебя.
 Смерти твоей я не хочу, — персик, шакар я для тебя.

К розе чужой ты не стремись — розы своей не обездоль,
 Изредка к нам в сад загляни, дружбу храня, помня
 хлеб-соль,
 Мир обойдя, ты не найдешь розы такой, ласковой столь,
 Лишь бы другой не полюбил, верная яр я для тебя.

Лучше бы я не родилась, горе весне, сблизившей нас.
 О соловей, не говори: краток цветка розовый час,
 И в Индостан не улетай, что тебе ткань, бархат, атлас?
 Всё, чего ждешь, здесь ты найдешь, — шелка пожар я
 для тебя.

Богом клянусь: нежный мой цвет рад для тебя
 жертвою стать.
 Будем с тобой весело жить, нам с соловьем грусть
 не под стать.
 Пусть говорят всё, что хотят, стану тебе я угождать.
 Хочешь, создам вечную жизнь силою чар я для тебя?

Старит беда, стала и я старше от мук, Саят-Нова,
 Чашу любви не отдавай в руки из рук, Саят-Нова,
 Я — привозной редкий атлас, верный мой друг,
 Саят-Нова,
 Песенник свой в ящике скрой, — сладостный тар
 я для тебя,

1 апреля 1754

Ах, не нужен мне лекарь, не нужен врач,
 Дай иного, иного лекарства мне!
 Жжешь, не лечишь ты рану, горит — хоть плачь,
 Дай иного, иного лекарства мне!

А она: не тревожь, уходи скорей,
 На другой, на другой ищи стороне.
 Не бывает добра от таких затей,
 На другой, на другой ищи стороне.
 На другой, увы, стороне.

Говорю ей: покоя не знаю я,
 Стал бездельником, прочь бегу из жилья,
 Тело чахнет, сгорает душа моя,
 Дай иного, иного лекарства мне!

Отвечает: тебя мне не исцелить,
 Сам ты горе свое научись избыть,
 А не то оборвешь краткой жизни нить.
 На другой, на другой ищи стороне.

Соловей я, а розу сожрет червяк,
 Ты вложила мне в рану палючий знак,
 Ах, и в книгах, и в песнях грустят не так,
 Дай иного, иного лекарства мне!

Говорит: благо ты превратил во вред,
 Ни боязни, ни совести, видно, нет.
 Не гаси своей жизни неяркий свет —
 На другой, на другой ищи стороне.

Я сказал: золотишь ты волосы хной,
 Подглядел как-то раз я в тиши ночной,
 Стал мне смертью любви ненасытный зной —
 Дай иного, иного лекарства мне.

Пусть я царской короны аквамарин,
 Пусть ты любишь меня, как Фархад — Ширин,
 Пусть всегда мной любим был лишь ты один —
 На другой, на другой ищи стороне.

Ах, не спорь, не кружи моей головы,
Захлестнуло мой челн волной синевы,
Коль умру — нет второго Саят-Новы,
Дай иного, иного лекарства мне.
Дай, увы, иного лекарства мне.

3 сентября 1756

8

Меджнун я, тоской палимый,
Лейли! Недуг исцели мой!
В печали неутолимой
Я плачу кровью, сгорая, сгорая.

Ночным соловьем рыдал я,
Ронял не слезы, а лал я.
В горячке, в бреду пылал я,
Пав к изголовью, сгорая, сгорая.

Безбожником стал я ныне,
В любовной истлел пустыне.
Безжалостна ты, в гордыне, —
Взываю вновь я, сгорая, сгорая.

Кричу: помогите, други,
Грудь — сад, а брови — что дуги,
Нет краше во всей округе,
Любуюсь бровью, сгорая, сгорая.

Фиалка, цветок мимозы,
Дыханье карминной розы,
Утишь Саят-Новы слезы, —
Горю любовью, сгорая, сгорая.

5 апреля 1757

9

От любви, как Меджнун, горю,
Думой вслед за Лейли парю,
Ты не засти, гора, зарю,
Прочь, гора, уйди, говорю, отсюда, отсюда!

За самшит милых рук и плеч
Пусть войдет в мое сердце меч,
Рад к порогу любимой лечь
Хоть на камень. Ты слышишь речь — отсюда, отсюда!

Стан твой в шелк и атлас одет,
Держишь чашу, а в ней шербет.
От любовных томлюсь бесед.
Дай лекарства! Услышь, мой свет, отсюда, отсюда.

Сад люблю — садовник не я,
Знаю, кто хозяин жилья,
Песнь моя — призыв соловья.
Уходи, колючка репья, отсюда, отсюда,

Саз — пиров упоенье — ты,
Монастырское пенье — ты,
Плод — садов украшение — ты.
Слышишь — Саят-Новы мечты — отсюда, отсюда?

5 апреля 1757

10

Жив доколь я, джан, — милой в жертву дан. Как
избыть дурман?
Слез я лью фонтан, пусть умру от ран, — ты лишь
здравствуй, джан!
Молвишь: «Я — джейран!» — и, любовью пьян, вижу
стройный стан.
Выйди в сад со мной! Жду тебя с хвалой, сазом
и мольбой.

Косы милой — мед, что фисташка — рот, всё любви
игра!
Близко от ворот до озерных вод, — рог трубит с утра.
Роза к ветке льнет, соловей поет, — всем гулять пора.
Выйди в сад со мной! Жду тебя с хвалой, сазом
и мольбой.

Свой оставим дом и уйдем вдвоем! В ветках капли рос.
В рифму запоем! С ярым лепестком мак цветы вознес,

А в саду немом — роза с соловьем, лилии — меж роз.
Выйди в сад со мной! Жду тебя с хвалой, сазом
и мольбой.

Сроду ты была, милая, мила, словно та Лейла!
Я сожжен дотла! Прядь волос легла, где шипов игла.
Роза зацвела, и в дремоту мгла соловья ввела.
Выйди в сад со мной! Жду тебя с хвалой, сазом
и мольбой.

На тебе богат дорогой наряд, шелк, парча горят.
Кубок твой подъят, лей вино услад, — жертвы не
щадят.
Только выйди в сад! Режь — Саят-Нова будет
только рад.
Выйди в сад со мной! Жду тебя с хвалой, сазом
и мольбой.

2 мая 1757

11

Ах, почему мой влажен глаз и кровь на сердце?
Жжет она!
Болезнь — любовь и этот раз, лекарство в свой
черед — она!
Я слег, но взор мой каждый час опять к себе
влечет — она!
Мне надо умереть, ко мне — ах! — лишь тогда
придет она!

Весна настала, и манят зазеленевшие края;
Фиалковые горы в сад давно послали соловья.
Но песни ночью не звучат. Чинара, это месья твоя?
Пусть ищет роза соловья: его — ах! — не найдет она!

Мак, ярко-красный, дал совет: «Скиталец-соловей
влюблен.
И верно, вспомнит про букет, что базиликой оплетен,
Но ты солги, что розы нет и что цветок был унесен!»
Вот изгородь. Ах, соловей! твой бедный труп несет она,

Сладки, сладки твои слова! Язык твой — сахар и набат.
И твой шербет, гласит молва, хорош, как спелый
виноград.
Семь дней твердил я, ты ж, резва, семь платьев
мерила подряд,
Бязь и кумач, но где же ткань, что всех достойней? —
ждет она!

Язык ашуга — соловей: он славит, не клянет сплеча!
Пред шахом он поет смелей, и для него нет палача,
Нет правил, судей и царей, он сам спасает всех, звуча,
Лишь ты, Саят-Нова, — в беде, пришла, не отойдет она!

Июнь 1758

12

Меня ты ранишь без ножа. Палач моих желаний ты.
О стыд души, не убивай меня тоской заране ты!
Изделье царских мастеров, халат из лучшей ткани ты.
Инд, и Абаш, и Арабстан, Калат, что в Хорасане, ты.

Как горна золотой огонь, твое лицо, сияя, жжет,
И всякий, видящий тебя, ума лишится в свой черед.
Кто не видал — к тебе спешит, а кто увидит —
тот умрет.
Картина с фоном золотым, хранимая в сафьяне, ты.

Их много, кто, пленясь тобой, тоскуя встретит
смертный час.
А ты, как редкостный товар, открыта взору в год
лишь раз.
Твой господин сполна блажен, есть пища у него
для глаз.
Сад роз, и летом и зимой полна благоуханий ты.

Хвала художнику тому, кто нарисует твой портрет.
От лба до брови не дойдет, каким он рвением ни согрет.
Твоей возжаждавший воды, не утолится ей, о нет!
В ширазском кувшине шербет, сладчайший для
гортани, ты.

Блажен сидящий близ тебя, яр, чья подруга такова,
Кто не встречал коварной яр, кто верить мог в твои
слова.

Скажи: владеющий тобой, боится ль бед Саят-Нова?
Ты с костяным узором сень, дворец меж прочих
зданий ты.

6 сентября 1758

13

Яр, никогда не знай беды, беда вовек — врагам твоим.
Благоуханьем залит мир, нежнее, чем бальзам, — твоим,
Позолоченный Асмавур не предпочту словам твоим.
Сияешь ясною луной, — и где предел лучам твоим?

В поток любви твоей войдет не всякий, он — глубокий,
залум.
Он тридцать перейдет мостов, а всё пред ним поток,
залум.
От стрел-бровей, от стрел-ресниц я вовсе изнемогу,
залум.
Пловцу открыта смерти дверь, он обречен волнам
твоим.

Твой стан — поднявшийся тростник, а лик твой
на букет похож,
Ты — всех цветов, но цвета нет, чтоб был на вдовый
цвет похож.
Горит алмаз во рту змеи, — он на тебя, мой свет,
похож.
Ты освещаешь без огня, покорна ночь огням твоим.

Едва приветишь, твой привет — приветствие владык
точь-в-точь.
Пергамент — руки у тебя, и жар-перо — язык
точь-в-точь,
Как знамя золотой парчи, ты вьешься каждый миг
точь-в-точь,
И всякий думает: ты шах, предшествуешь войскам
твоим.

Яр, отдалиться от тебя тяжеле смерти для меня.
Язык твой сладок, речь сладка, в устах — камня
ярче дня.

И семь десятков на лице чернеет родинок, маня,
Как семь десятков слов несет Саят-Нова к ушам твоим.

9 октября 1758

14

Чужбина — мука соловья: год — сада он родного ждет!
Чтоб подала рука твоя вина мне, сердце снова ждет!
С другими ты, и мучусь я: так раб царя земного ждет!
Созрел грудей твоих шамам — сосуда золотого ждет!

Слова бессильны пред тобой! как алый лик твой
описать?
Как бровь изобразить сурьмой? и золота тут мало
взять!
И только стан прекрасный твой овалу плеч твоих
под стать!
А золото твоих волос давно луча дневного ждет!

Ты с детства слышишь голос хвал: но славить
красоту я рад.
Ковчег — твоих грудей овал, чтоб ставить амбру
и мускат!
Не может, кто тебя встречал, представить лучший
миг услад!
Рука — самшит, а пальцы — воск: хрустальных спиц
он снова ждет,

Нет, я не полюблю другой! сдается: ты мне суждена!
Лишь я неделю не с тобой, как рвется каманчи струна!
Сам царь иль врач Лохман со мной, а мне поется:
«Где она?»

Им раны не понять моей: она клинка стального ждет!

Красавица! в тоске души один брожу, сожжен тобой!
Красавица! о, не спеши! Дай погляжу, пленен тобой!
Красавица! мир чей, реши: сужу, что отнят он тобой!
Доколе жив Саят-Нова, тебе ль певца иного ждать!

1758

Внемли: проникнуты слова мои мольбой, о свет очей.
Привет мой взору твоему. Живу с тоской, о свет очей!
Ты отвернулась, но я чист перед тобой, о свет очей!
Весь мир насыщен, я один томлюсь алчбой, о свет очей!

Иль раньше не любил никто? Какая на меня напасть?
От чар твоих я без ума, меня испепеляет страсть.
Всех да минует мой удел, его не вынести и часть!
Как перепел, я опален твоей красотой, о свет очей!

Друзьями ль объявлю врагов, когда врагом стал
каждый друг?
Не вижу, как проходит день, наполнить нечем мне
досуг!..
Господь свидетель, — тяжело мне, и вон всё валится
из рук.
Ты — море чар, а я, как челн, в пучине той, о свет очей!

Уста раскрою, но они как описать тебя могли б?
Уже я десять лет брожу, как падишахов тот шахиб,
Семь лет я с сазом проброжу, как некогда бродил
Кариб,
Ты мой кумир, ты Шахсанам, и нет другой, о свет очей!

Будь у меня сто тысяч бед, не дрогнет сердце им
в ответ.
Ты — повелительница, ты, и мне иного шаха — нет,
Саят-Нова сказал: «Увы, не страшно мне покинуть свет,
Но ты, — ты, косы распустив, плачь надо мной, о свет
очей!»

1758

Ты ярче сбри золотой в своих камнях, красавица.
Хранимы ты и милый твой на небесах, красавица.
Ты соловью дала язык, ты рай в цветах, красавица,
Но розе — месяц жить, а ты живешь в веках, красавица.

Хвалить тебя — конца не знать, всего не перечесть
добра:
Убранство стен твоих — парча, ковер чудеснее ковра,
И каждый гвоздик — золотой, и доски сплошь из
серебра,
Ты — трон павлиний, что воздвиг великий шах,
красавица.

Ты — Искандеров царский лал, жемчужин вереница ты,
Саморедчайшего зерна чистейшая частица ты;
Когда выходишь ты гулять, не различаешь лица ты,
Тебе пред сильными земли неведом страх, красавица.

Возможно Соломонов ум ума превысит глубиной,
Возможно дорогой наряд заткать жемчужного волной,
Быть можно гурией в раю, быть можно солнцем
и луной, —
Ты превосходишь всё, что есть в земных краях,
красавица.

Тебя одел небесный снег, ты пахнешь, как весна,
мой друг,

Кто сядет рядом — опален, ты так чудес полна, мой друг.
Саят-Нова еще живет, зачем же ты грустна, мой друг?
Пусть я умру, а ты живи, оплачь мой прах, красавица.

1758

17

Я был в Абаше, я весь мир прошел до края, нелепая.
Тебе подобной нет нигде, ты отблеск рая, нежная,
Ведь на тебе и холст простой — ткань парчевая,
нежная.
Недаром все творят хвалу, тебя встречая, нежная.

Ты — дивный жемчуг. Счастлив тот, кому судьба
купить тебя.
Не пожалеет, кто найдет, но горе — обронить тебя.
Увы, в блаженном свете та, чей жребий был родить
тебя;
Живи она, была б у ней, как ты, — вторая, нежная.

Ты драгоценна вся насквозь, твоя сверкает красота,
Волна твоих густых волос янтарной нитью повита.
Глаза — два кубка золотых, граненых чашечек чета,
Ресницы — строем острых стрел разят, пронзая, нежная,

Лицо твое, сказал бы перс, второе солнце и луна.
Окутав шалью тонкий стан, ты золотом оплетена.
Художник выронил перо, рука виденьем сражена.
Встав, ты как Раш, а сев, — затмишь блеск попугая,
нежная.

Но не таков Саят-Нова, чтоб на песке воздвигнуть дом.
Чего ты хочешь от меня, — как в сердце вычитать
твоим?
Ты вся — огонь, твой плащ — огонь, — как воевать
с таким огнем?
На ткань индийскую твою легла другая, нежная.

1758

18

Я болен от любви к тебе, — о злом недуге плачу.
От горя я совсем зачах и вот в испуге плачу.
Как озабоченный векил, о всей округе плачу,
Изгнанник, потерявший дом, я по лачуге плачу.

Куда пойти, к кому воззвать, какой поможет властелин?
Когда бы врач Лохман воскрес, помог бы мне лишь
он один,
На мой рассудок посмотри, я сам над ним не господин.
Разлив унес мое бревно — по легком струге плачу.

Сгорело сердце от любви, его не исцелить теперь.
Ограды нет, и нет плетня, на что мне этот сад теперь!
Остался лук без тетивы, на что такой снаряд теперь!
Стрелу о камень я разбил и по кольчуге плачу.

Напрасно я вожу пером, в чернилах словно влаги нет.
Всех слов не высказать зараз, как вечной мудрости
завет.

Как в затонувший монастырь, к моей душе потерян след.
Ушел мой пастырь, о грехе в сердечной туге плачу.

В селе ты первый старшина, в столице ты султан и хан,
В саду ты роза и жасмин, в горах ты молодой шушан.
Сама убей Саят-Нову, он будет счастлив, бездыхан.
Себя не жаль мне, жаль народ: о нем, о друге, плачу.
1758

19

Служи народу, не жалея своей души, Саят-Нова,
И помни, роскошь ждет одних, других — гроши,
Желчь подносящим — сахар дай да поспеши, Саят-Нова,
Но бойся камня, что тебе грозит в тиши, Саят-Нова.

Хоть в школу ты отдашь глупца — не поумнеет
Покуда в нем злой дух сидит, он никому не даст
Кто худороден, черен — тот не побелеет от мытья,
Не выровняешь кривизны, как ни теши, Саят-Нова.

Пусть всемогущ ты и велик, все звезды сосчитал почти,
Зло всё равно пребудет злом... Ты жития святых
Слова Завета — жемчуга, ты их вниманием почти,
Пред свиньями их не мечи, себя сдержи, Саят-Нова.

Коль здесь отринешь славы блеск, то там тебе алмаз
Коль здесь наденешь ты чуху — то там тебе атлас
Коль здесь раскаешься — то там бессмертие тотчас
Покайся же в грехах и впредь ты не грехи, Саят-Нова,

Где торжество, а где печаль, где пир у мира на виду,
Молебен, свадьба, траур, песнь и плач, венчающий
Ты волю выполнил души — с душою тело не в ладу...
Какую выдержишь ты боль и как — скажи, Саят-Нова.
1758

Кто рядом сел — он пьян уже, в его глазах
двоишься ты.
Кто раз взглянул — безумным стал, к безумцу не
склонишься ты.
Источник мук, и красота, и лакомство меджлиса ты,
Оно — на час, ты — навсегда, зачем напрасно
злишься ты?

У слов твоих шербета вкус, но жгут, как будто зной
в тебе,
Как конь-огонь, ты вся в лучах, и всё же блеск иной
в тебе,
Жемчужный ток и перламутр! небесный свет
весной — в тебе!
Златая дверь! двойным замком из серебра
хранишься ты.

Пусть солнце озаряет мир, пусть звезды день задул уже,
Твой свет сильней, не побороть твоих лучей разгул уже.
В руке вода, в руке — и кровь, палач свой горн
раздул уже,
Виновен я — убей меня, не виноват — приблизься ты.

Что мне павлин, его наряд! Убранством беспорочна яр,
Пригретый солнцем гиацинт глядит из снега, точно яр.
Влекомый розой соловей, к тебе прикован прочно, яр,
Меня так скоро не гони, хоть соколом кружишься ты.

Любовь свела меня в постель, ни музыки, ни пенья нет,
Врачи все охают подряд: «Саят-Нове спасенья нет»,
Кто приглашал — ушел ни с чем. Душе —
отдохновенья нет,
Но встану я, коль ты придешь, коль с каманчой
сдружишься ты.

1755

Что достоянья редкий клад, когда от нас он утечет?
Тот человек хорош, кого сопровождал всегда почет.
Мир не останется для нас, как слово мудрых нам речет.
Хочу бюльбюлем улететь, мой сад — и тот мне стал
не мил.

Ты не поручишься, что день с утра до ночи проживешь.
В руках господних, человек, легко придешь ты и
уйдешь.
Но эта правда не для всех, людьми овладевает ложь.
Им — двадцати — не взять раба! весь рой господ мне
стал не мил.

Мир не останется для нас, — пусть жизнь порой и
весела.
Адама нечестивый сын, проклятье на твои дела!
Нет сил терпеть насмешек злых, душа моя изнемогла.
Врагами стали мне друзья, чужой народ мне стал
не мил.

Саят-Нова сказал: дни бед меня гнетут превыше мер.
Бывалой сладкой славы нет, и горек труд превыше мер.
Над розой плачу, как бюльбюль, — шипы растут
превыше мер.
Раскрыться розам не дают, — их сбор и счет мне стал
не мил.

Апрель 1759

23

Из всех людьми хваленных лир полней звучишь ты,
каманча!
Кто низок, не иди на пир: пред ним молчишь ты,
каманча!
Но к высшему стремись: весь мир, всех покоришь ты,
каманча!
Тебя не уступлю я: мне принадлежишь ты, каманча!

Ушко — серебряное будь, сверкай на *голове* — алмаз;
Рука — слоновой кости будь, на *чреве* — перламутр,
что глаз;

Струна — из злата свита будь, резьбой пленяй,
железо, нас;
Ты — бриллиант и лал! И суд — всех посрамишь ты,
каманча.

Смычок быть должен золочен, чтоб пышно он
блистал, звеня;
Певучий волос — быть сплетен из косм крылатого коня.
Тем, как бальзам, даришь ты сон, тех ты бодришь
всю ночь, до дня.
Ты — золотой сосуд с вином, и всех пьянишь ты,
каманча.

В ашуге две души с тобой: ему и чай и кофе есть;
Когда он утомлен игрой, на полке ты находишь честь,
Когда ж поет — вновь пир горой, ты — празднеств
и гуляний весть!
Собрав красавиц вокруг себя, их всех манишь ты,
каманча!

Ты всем даешь веселый вид, с тобой опять здоров
больной;
Чуть сладкий зов твой зазвучит, блажен, кто говорит
с тобой.
Проси, да скажут: «Бог продлит дни нас пленявшего
игрой!»
Доколе жив Саят-Нова, что не узришь ты, каманча!

1759

24

Меня и милую мою година та ж родила, знай,
И потому я вздох таю, а в сердце кровь застыла, знай.
Я днем и ночью слезы лью, а в грезах много пыла, знай.
Мой влажен глаз, язык сожжен, уста любовь спалила,
знай.

Ах, сердце замерло в груди, утомлено борьбой оно.
И око тускло, погляди, томится по одной оно,

Тьма перед мыслью впереди, лишь пение — со мной оно.
Но мне надежды в жизни нет, близка моя могила,
знай.

Сожжен, изранен, я брожу, приюта нет родного мне,
Я острых слов не нахожу, но для чего и слово мне!
Тысячекратно я тужу: дано так много злого мне,
И мысль и память как в цепях, меня пучина скрыла,
знай.

Но сердца траурен наряд, и кровь из глаз струится
вновь.
Как тучи на море лежат, так жаждет грудь упиться
вновь.
Лечить я рану сердца рад, но можно ль исцелиться
вновь?
Так истекаю кровью я, ах! я отвергнут милой, знай!

Кто видит, говорит сейчас: «Ты гибнешь, ах!
Саят-Нова!
Тебя встречать ли нам не раз, кровь на очах,
Саят-Нова!
Иль лучшей девы, лучших глаз нет на пирах,
Саят-Нова!»
Вся жизнь прошла, как сон, плодов лоза не подарила,
знай!

1759

25

Надломлена душа твоя и стонет, посох свой кляня...
Хмельному можно ли шуметь, дары лозы кривой кляня?
В чем провинился, что сидишь, беднягу день-деньской
кляня?
Тобою выжат я — и мне б роптать, тебя с тоской
кляня...

Мне в душу облик яр другой ни на мгновенье
не входил,
Лишь ты со мной — откуда бы ни шел, куда бы
ни входил.

Вот скачет рок — крылатый конь четвероглав, —
его ль пронзить?
Нам ничего не взять с собой, тлен собирать к чему
теперь?

Разлука с матерью горька, заплачь, дитя, тоску залей.
Силки расставил Сатана, соблазнами он всех
сильней, —
Сынов Адама ждет беда, — его улов, что день, мощней,
Когда б не так, то Орну нам благословлять к чему
теперь?

Судьбы кружится колесо — достатком ты не наделен,
Увидят — стар, помят армяк, не спросят: гость?
откуда он?
Саят-Нова для ран своих целебных трав, корней
лишен,
Врачи не могут врачевать, колдунью звать к чему
теперь?

1759

27

Красавица, певца Шахатаи ты унижать не станешь,
Но, пробудив любовь, отступишь ты и приближать
не станешь,

Особенное пламя у любви: вовеки не угаснет.
Хоть даже в море брошусь, обожжен, — ты охлаждать
не станешь.

Твоей неожиданной молнии удар не вынести ашугу,
Ты — самодержица, и никого ты ублажать не станешь.

Ты встретишь горы снежные — и вдруг, как свечи,
их растопишь,
Войдешь ты в город — рухнет всё вокруг: ты возрождать
не станешь...

Тот, кто не воспевал Шахатаи, — доверья недостоин,
И недоверчив ты, Саят-Нова, и защищать не станешь...

Не плачь, о джан, пусть разум твой ни в чем плохого
не узрит.

Пусть взор ничей, что так судьба твоя сурова,
не узрит.

Пусть луч зари, пусть лунный свет над миром вовсе
не горит!

Пусть друг умрет, да лишь твой лоб он без покрова
не узрит.

В потоке слез исходишь ты — в печали смерть и мне
грозит.

Пусть после нас подлунный мир воды и крова не узрит.

Коль я к тебе не загляну — снесу немало я обид,
Но не приду, пусть взор тоски и зла такого не узрит.

Пусть утешением тебя небесный голос одарит.
Пусть скорбь твою Саят-Нова, на смерть готовый,
не узрит.

Склони свой слух, баритавур,
Но с яр моей играть не смей,
Ей сердце поражать не смей,
В ней пламя раздувать не смей.

С весельем спет
На тридцать лет,
Ее ты обижать не смей.

Обидеть бояся пустяком,
Чтоб не ушла от нас тайком.
Со мной играешь ты глазком.

Я — сушь ветвей
В жару страстей, —
Султан и хан мне нипочем!

Как хан, свой суд свершаешь ты,
Как царский сын, считаешь ты.

Скажи, что затеваешь ты?
То вязь тенет.
Твой рот что мед.
Мне душу речью маешь ты.

Остался только вид меня.
Любовь к тебе язвит меня.
Гранат твой исцелит меня, —
Гранат грудей
И сласть речей;
Дыханье уст палит меня.

Уста твои что лал, краса.
Наряд твой злато-ал, краса.
Я мысль твою узнал, краса?
Прельстить, увлечь? — напасть моя!

Прельщать ты вправе, яр, сполна.
В тебе земной весь шар сполна.
Ты с Инда каламкар сполна,
Насурмлена, —
А я без сна,
Томишь, колдунья, плоть мою.

Кругом, колдунья, сеешь зло.
Ты как ширазское стекло, —
Узор искусство навело.
Ты блеск зеркал,
Алмаз и лал.
Меня лукавство извело.

Лукавства не таишь свои,
Ты волосы кропишь свои.
Права осуществишь свои?
Китай дарит
Грудей нефрит.
Ты перси веселишь свои.

Ты весела и горяча.
Обильны косы вдоль плеча.
Наряд твой — золото, парча.
Как нить сучить,
Так слезы лить
Всем, кто увидит палача.

Ты нежный розовый цветок,
Ты бывший в море оселок,
Ты каманча, сантур, гремок,
Хитро поешь, напасть моя.

Ты всех пленишь, когда идешь.
Ты, как в саду вода, идешь.
Фиалкой без следа идешь.

 Всё петь готов,
 Хоть нет уж слов!
Ты роза, всем всегда идешь.

Поешь ты соловья нежней.
Сунбула плоть твоя нежней.
Ты, нам вино лия, нежней,
 Чем наш букет,
 Рехана цвет,
Ты розы, яр моя, нежней.

Ты роза в холодке ветвей,
Ты не увянешь от лучей,
Ты царь, приветней всех царей.
 Приветом глаз
 Ответь — не раз,
Не в месяц раз, — по счету дней!

День каждый возрастаешь ты,
Всё больше страсти знаешь ты,
Нить горя распускаешь ты.
 Ты врач, — так вот:
 Взгляни, где жжет.
Мой разум изгоняешь ты.

Я поражен, я пьян, мой свет.
Я вижу тонкий стан, мой свет.
Меня страшит обман, мой свет, —
Ну что ж, губи, напасть моя!

Я не люблю неверной яр.
Ты лал цены безмерной, яр.
Ты в клятве будь примерной, яр.
 На клятве стой —
 Пусть жизнь ценой.
Исчезнет сон мой скверный, яр.

Мне страх и плач, напасть моя!
Иных надежд не знаю я, —
Лужок зеленый — грудь твоя.
 Скажу: лужок,
 Я стал далек,
На сердце клятву затая.

Для верных лишь наградам быть.
Как день один не рядом быть?
Пора в узде усладам быть.
 Узду навлечь,
 А сердце сжечь,
И вечно юным кладом быть.

Ты — клад любви, желаний пир,
Бесценной ценности кумир.
Ты — лал и славный джаваир.
 Воспеть спешу,
 Пока дышу, —
Затем что мимолетен мир.

Коль ты честна, оставь меня.
Зовешь ты братом вьявь меня.
Согласен я, — расплавь меня,
Раз молишь ты, напасть моя.

Вот я пришел с мольбой, джанум.
День — пополам с тобой, джанум.
Вот в страсти я какой, джанум.
 Джанум, о джан,
 Краса всех стран,
Мир, знанье, опыт мой, джанум!

Учись, пытайся, познавай!
Хлеб-солью не пренебрегай.
Лишь верно клятву соблюдай, —
 Мудра в ней суть,
 Ей верен будь.
Когда умру я, зарыдай.

Вот ты глаза багришь свои,
Ты всем цветы даришь свои,
Рекой ты слезы мчишь свои.

Ты ток реки,
Полна тоски, —
Решенья, шах, твори ж свои!

Зарубит шаха ятаган,
И перевязки нет для ран.
Боюсь, умолкнешь завтра, джан.
Мне быть в слезах,
В слезах, мой шах, —
Баритавур мне в скорби дан.

Ты песней стал, Саят-Нова,
Ты раной стал, Саят-Нова,
Ты садом стал, Саят-Нова,
Ковром царей, — напасть моя!

30

Ты — узоры парчи, ты как золото ткани, о джан!
Каламкар ты, что с Инда везли в караване, о джан!
Вожделенный алмаз, чьи бесчисленны грани, о джан!
Многоводных глубин жемчуговые дани, о джан!

Выйдешь в сад — и волну вижу в плавности шага,
о джан!
Скрой ты родинки щек, да не тронет их влага, о джан!
Удивляются все лику, полному блага, о джан!
Ты — украсивший мир новый плод в гюлистане,
о джан!

Милосердною будь, пребывая со мною в ладу.
Джан милей не найду, пусть я многие земли пройду.
Ни в индийских краях, ни на прангских коврах
не найду.
Ты иной соткана для людских любований, о джан!

Славословий моих только слон мог бы книгу нести.
Мысли горькие ты от себя отгони, не грусти.
Тонок стан твой, как нить, что могли бы сквозь
жемчуг вести.
В зной грустим о тебе, как о темном платане, о джан!

От тебя я уйду, лишь когда минет срок моих дней.
Осени, как умру, ты меня покрывалом кудрей.
На Саят-Нову, джан, ты сложи груз печали своей.
Ты не схожа ни с кем, ты одна меж созданий, о джан!

31

Я — на чужбине соловей, а клетка золотая — ты!
Пройдешь, как по ковру царей, лицо мне попирая, ты!
Твои ланиты роз алей, как образ дивный рая — ты!
Как шаха, я тебя молю; молчишь, не отвечая, ты!

О милая! вошла ты в сад и взорами цветы палишь:
Твои глаза огонь струят, ты силой красоты палишь,
А я своим мученьям рад: сгораю я, а ты палишь...
Никто так стройно не ступал, как ходишь, всех
сжигая, ты!

Причти меня к своим рабам! Что я твой раб,
не скрою я!
Поставь меня к своим вратам: страдать в темнице
стою я!
Я жив иль мертв, не знаю сам, но болен лишь тобою я!
Как море, как Араз, мечусь: причина, дорогая, — ты!

Ты, с пятнышком лица, мила; кто видел, тот пленен
тобой,
Хотя ты мной пренебрегла, но суд произнесен тобой,
Ты отвернулась, отошла, не выслушан мой стон тобой,
Хотя жизнь можешь даровать, как царь повелевая, ты.

Саят-Нова сказал в слезах: «Я слез не лью,
пока могу,
Но буду выносить я страх и скорбь свою, пока могу...
Хочу быть славным на пирах, тебя пою, пока могу...
Когда б со мной, саз золотой, вошла на пир,
сверкая, ты!»

Откуда ты? (я соловью).
 Не плачь! Не плачь! Я слезы лью,
 Ты розу ждешь, я — милую...
 Не плачь! Не плачь! Я слезы лью.

Пой, соловей, песнь соловья!
 Счастливой будь тропа твоя!
 Тебе — цветок, мне — милая...
 Но ты не плачь! Я слезы лью.

В душе моей — тоска по ней,
 Как острый шип в груди твоей.
 Цветок иль яр? Что сладостней?
 Не плачь! Не плачь! Я слезы лью.

Как кипарис, один стою.
 Пой, соловей! И я пою.
 Ты розу ждешь, я — милую...
 Но ты не плачь! Я слезы лью.

Певец! мила мне песнь твоя!
 Пылаем мы, и ты и я...
 Саят сказал: «О милая!
 Не плачь! Не плачь! Я слезы лью».

С бесценным камнем джаваир своей красою
 Ты всех в Меджнунов обратишь, сама с Лейлою
сходна ты.
сходна ты.

Моя на целом свете ты,
 Нет у жестокой доброты.
 Набатов губы залиты.
 Как сахар, вся собою ты.

Тут нужен мастер, нужен саз,
 Чтобы воспеть зубов алмаз,
 Твой цвет лица — пранги атлас,
 И вся с парчою сходна ты.

Рехана волос твой нежней.
Ты о другом вздыхать не смей.
О, не терзай души моей, —
Иль с девою злою сходна ты?

Беда для горькой головы.
Струится кровь из глаз, увы!
Увы, судьба Саят-Новы,
Теперь с рабою сходна ты.

34

Нынче милую мою видел я в саду;
След подковки золотой освятил гряды;
Словно розу соловей, я воспел звезду,
Взор затмился мой слезой, разум был в бреду.
Ах, пусть враг мой попадет, как и я, в беду!

Яр моя! твой нежный вид душу тайно жжет,
Образ твой — шербет любви, губы — сладкий мед.
Словом, взглядом многих ты мучишь в свой черед.
Что ж, убей, но не скажи, что и я — не тот!
Пусть умру, вверяю жизнь — твоему суду.

Пряди кос твоих весь год туго сплетены,
Мед в устах, могли б им быть груди смочены,
Расцветает алый рот между роз весны...
Но садовника глаза влагою полны:
Посмотри, как соловей, я пою и жду.

Ты прекраснее стократ, чем и твой портрет;
Если в комнату войдешь, тьмы без лампы нет,
Как вином мускатным дом, дух тобой согрет;
И в садах перед тобой блекнет каждый цвет;
Ветер льнет к тебе, вокруг воздух как в меду!

Знай: другой не воспую, ты доколь жива!
Выслушай, матах тебе: искренни слова!
Хлеб и соль не забывай, волю божества!
От любви к тебе — в тюрьме я, Саят-Нова!
Я теряю разум, я — вовсе пропаду!

Так жить хочу, чтоб каждым днем обязан был я лишь себе.
 Чтоб сотней бед, входящих в дом, обязан был я лишь себе.
 Чтоб всем сказать: своим добром обязан был я лишь себе.
 Бегу от зла, познав, что злом обязан был я лишь себе.
 Я скромным стал; своим стыдом обязан был я лишь себе.

Из дальних стран — безумец я! — для всех свой клад сюда принес.
 Рубинов рой — пусть ювелир свой косит взгляд — сюда принес.
 Товар индийский, что милей нам всех услад, сюда принес.
 С каких станков, каких шелков, какой наряд сюда принес!
 Торгую сам, в труде своем обязан был я лишь себе.

Один мой тюк из прангских стран; атлас горит в нем, как пожар.
 Другой мой воз, — бесценный в нем, как бы пергамент, каламкар.
 Еще мой воз, — да весь Китай куплю за этот я товар!
 Тут блеск парчи, халаты там. Для женских плеч всё это дар.
 Я всё скроил, и вот во всем обязан был я лишь себе.

Индиго — здесь, а пурпур — там; сюда глядите — тут шафран.
 Корицы воз, гвоздики воз — добыча всё далеких стран.
 Не мог стянуть края тюков: чрезмерный груз тюкам был дан.
 Со дна морей камня есть, — их мой привез вам караван.
 Жемчужин набранных зерном обязан был я лишь себе.
 Прослышав то, промолвит люд: «Саят-Нова-то наш — богач».
 Забыв, что мне милей лады, что мне не надо к ним придач,

От рожденья любовью сердца больны,
Адским пламенем души обожжены,
Изведешься, измучишься без вины —
Это едкий и сладкий угар — любовь!

Лицедейка она, обманет тебя!
Усыпляет тебя, дурманит тебя,
А в ловушку свою заманит тебя —
Не ослабит губительных чар любовь!

Серп ее не щадит никого, поверь,
Ростом-Зал убоился его, поверь!
А для милой — она баловство, поверь,
Не болезнь для нее, не удар любовь!

Капли верности нет у людей в крови...
О любовь, ты рождаешься от любви!
Коль не любишь, Саят-Нову не зови:
Полюби — принесу тебе в дар любовь!

38

Отраден голос твой и речь приятна.
Бог — светоч твой в земном просторе, прелесть.
Ты станом — лань, ты — белый сахар цветом,
Ты — золото в цветном узоре, прелесть.

Скажу — ты шелк, но ткань года погубят;
Скажу — ты тополь, — тополь люди срубят;
Скажу — ты лань, — про лань все песни трубят
Как петь? Слова со мной в раздоре, прелесть.

Скажу — цветок, — гора взрастила, скажут;
Скажу — алмаз, — земная жила, скажут;
Скажу — луна, — ночей светило, скажут.
Ты солнца свет таишь во взоре, прелесть.

Мой храм молитв — твои дверные плиты.
Твои глаза как розы цвет раскрытый,
Язык — звучней пера, как снег — ланиты,
Ты дивный перл, возникший в море, прелесть.

Зерно любви ты в сердце мне вложила;
Томясь тобой, душа во мне изныла;
Ты своего Саят-Нову убила.
Не ведай слез, пусть мне всё горе, прелесть.

39

Мне люди скажут: я по красе томлюсь.
Меджунун с Лейлой отрадней жизнь вели.
Тебе всечасно люди глядят в уста.
Всегда, как притчи, речи твои текли.

Язык твой — сахар или медовый сот.
Твой волос — нить рехана, что к розе льнет.
Побудь со мной, как день Цахказард придет.
Парчой золото-алой мне взор спали!

О, как-нибудь сгубите меня, прошу!
Вот я — мишень, пронзите меня, прошу!
Камнями поразите меня, прошу!
Забыл, тебе внимая, как дни прошли.

Я сам себя такую тоской убью,
Из глаз я слезы с кровью всечасно лью,
За днями дни питаю тоску свою,
Как соловей над розой, томясь вдали.

Безумен я. Колдуньи надменной нет.
Той, что не может быть неизменной, нет.
Саят-Нова сказал: драгоценной нет.
Я, проливая слезы, бреду в пыли.

40

И саз не звучит, и не в радость сойбат без тебя,
Все струны чонгури в тоске обрываю подряд,
Мой ум помутился, измучена память моя —
Все прежние песни в тоске забываю подряд.

Две раны клеймом не залечишь одним никогда.
Хитрейший слуга не услужит двоим никогда,

Есть сад у меня — не прельщусь я вторым никогда,—
Мне саженцев хватит — с утра поливаю подряд!

Мне старый садовник о горе своем рассказал:
Он розу взлелеял, а вор ее ночью сорвал...
Не стоит трудиться, чтоб кто-то плоды пожинал, —
Бездельники, плуты — всех вас проклиная подряд!

Сокровища мира — бессмысленный прах для меня,
Вся жизнь без тебя — суета, пустота, болтовня!
В чуху облачусь, горькой доли своей не кляня,
Обителей много — во всех побываю подряд!

«Саят-Нова! — скажут — довольно страдать и любить,
От пагубной страсти ты должен себя исцелить!»
И семь мудрецов не сумеют меня убедить —
Все доводы их без труда разбиваю подряд!

41

Я в жизни вздоха не издам, доколе джан ты для меня!
Наполненный живой водой златой пинджан ты для меня!
Я сяду, ты мне бросишь тень, в пустыне — стан ты
для меня!
Узнав мой грех, меня убей: султан и хан ты для меня!

Ты вся — чинарный кипарис; твое лицо — пранги-атлас;
Язык твой — сахар, мед — уста, а зубы — жемчуг
и алмаз;
Твой взор — эмалевый сосуд, где жемчуг, изумруд,
топаз.
Ты — бриллиант! Бесценный лал индийских стран ты
для меня!

Как мне печаль перенести? Иль сердце стало как
утес?
Ах! Я рассудок потерял! В кровь обратились токи
слез!
Ты — новый сад, и в том саду, за тыном из роскошных
роз,
Позволь мне над тобой порхать: краса полян ты
для меня!

Саят-Нова забыл покой:
Твои глаза — пинджан золотой.
Да не глумится недруг злой
 Над нами,
 Над нами, —
Я в добрый час увидел яр!

43

Пусть отвесят мне кораллов горсти, горсти,
На весах пусть блещут лалов горсти, горсти,
Не отдам, не разлучу тебя я с другом, милым другом!

Пусть я стану горсткой праха,
Яду я приму без страха,
Пусть придет указ от шаха, —
Не отдам, не разлучу тебя я с другом, милым другом.

Пусть сверкают дивных лалов горсти, горсти,
Пусть отвесят мне кораллов горсти, горсти,
Не отдам, не разлучу тебя я с другом, милым другом.

44

Не убивай, не утолив! Намек твой был иной, краса.
Коль я другую полюблю — я человек пустой, краса.

На свете мне одна ты джан,
Лишь ты мне шах, султан и хан.
Взгляни хоть раз, избавь от ран,
Лишь взором удостой, краса.

Паломник, но без знака, я,
Царь, без венца, однако, я,
На свет гляжу из мрака я, —
Ты будь мне госпожой, краса.

В меня глубоко жар вошел.
Кремень в руке твоей тяжел.
Другую в мире кто б нашел,
Сравнимую с тобой, краса?

Ты смотришь грозно — русский царь врага
испепеляет так!
 Недружелюбие твое за что меня терзает так?
 Пусть пожелавший зла тебе, окаменев, страдает так,
 Не хочешь миловать — убей, твой раб к тебе
взывает так!

Не пощадила ты раба — я волею твоей пропал!
 Взошла ты яркою звездой — туман моих речей пропал,
 Ты розой расцвела в саду — бедняга соловей пропал, —
 Руби, недобрая, сплеча — сардара меч карает так!

Молю: надежду подари, она — спасение мое,
 Я днем и ночью слезы лью — слабеет зрение мое,
 Я — бедный родич у дверей, о, унижение мое!
 Смутьяна, вора, подлеца господь не распинает так!

Задышит вешний ветерок — пусть роза расцветет тогда,
 Когда печален соловей — садовник слезы льет тогда,
 Когда молчишь ты — с губ твоих течет на ворот мед
тогда, —
 Ты преврати его в слова, пусть мед не пропадает так!

Глупца узнают по речам, хоть он самим везиром будь,
 Не станет родовитым раб, хоть он самим назиром будь!
 В сердца проникнет голос твой, ты только понят
миром будь —
 Так говорит Саят-Нова, стрела мишень пронзает так!

Ушел Фархад, Ширин, твой взгляд навек тоской опален!
 Как выйду в сад? Шипы грозят, я розой злой опален.
 Бюльбюль поет: взгляните вот, я камнем в зной опален.
 Я столько месяцев молчу, одной весной опален.
 Побойся бога, скинь парчу, ведь я парчой опален,
 Меджнун я, чуть стопы влачу, твоей красой опален.

У падишаха нет в казне даров, достойных тебя,
 Не ткали ни в одной стране платков, достойных тебя.

Рубинов жар на белизне перстов, достойных тебя.
Ты носишь платье из шелков, цветов, достойных тебя.
Побойся бога, скинь парчу, ведь я парчой опален,
Меджнун я, чуть стопы влачу, твоей красой опален.

Ты сахар в середине сот, уста так чисты твои,
Ты середины марта знак, так хрупки черты твои,
Рехан волос укрыл от рос убор и цветы твои,
Чтоб в середине алых роз хранились мечты твои.
Побойся бога, скинь парчу, ведь я парчой опален,
Меджнун я, чуть стопы влачу, твоей красой опален.

Не потому ль Саят-Нова — владелец всех горьких слез?

Тесьмою золотой обвит рехан дорогих волос,
И золотое, к пояску, шитье хорошо пришлось.

Побойся бога, скинь парчу, ведь я парчой опален,
Меджнун я, чуть стопы влачу, твоей красой опален.

48

Роза шлет весть соловью: мол, расцвела, — ожидает,
Чтоб над ветвями порхал, их подняла, — ожидает,
Чтобы звенели весны колокола, ожидает.
А соловей: нет, меня мак у села ожидает.

Молвила роза в слезах: «Маку вверяться не надо,
Помни, скиталец, тропу в гущу знакомого сада».
Пусть в забытьи был Ростом — недругов тщетна засада,
Он победитель, его в мире хвала ожидает.

Сетует роза: «Тебя я прокляну, вероломный,
Минул апрель, минул май, розы не видишь ты
скромной»;

Это всё козни судьбы, старой карги неумной.
Умер Фархад, и Ширин смертная мгла ожидает.

Исстари всё ж соловьи розу зовут своей милой,
Равную ж розе, молю, боже, спаси и помилуй,
Преданный Саят-Нова ждать будет и за могилой,
Так, как могила слуги шаха ждала, ожидает.

О царь, люби закон и суд, не будь жесток, коль жизнь
мила,
Виновен я — повелевай, швырни в поток, коль жизнь
мила,
Но не губи, не истребляй надежд исток, коль жизнь
мила,
Уедешь ли — бери с собой на юг, восток, коль жизнь
мила.

Ютится роза близ воды, прохлада сада для нее,
Зеленый лист и алый цвет — созвучны песне для нее,
Цветы вокруг ковром царей горят под солнцем для нее,
От глаз ворон убереги, о дуб, цветок, коль жизнь мила.

Не быть вороне соловьем — я в этом заверенье дам,
Средь всех красивейших цветков лишь розе
предпочтенье дам.
И кто с серпом срезать придет, тому свое презренье дам,
На страже будь, храни, о шип, родной росток, коль
жизнь мила.

Из дальних стран к нам соловей свой звон несет
по всем садам,

Саят-Нова, пронзив сердца, нам песнь поет по городам.
О джаваир, небесный лал — мой лепесток, коль жизнь
мила.

Яр, тебе подходит алая тафта,
Обвяжися лентой красно-золотой,
Ножницы злачены в руки ты возьми,
Подровняй нависший локон над щекой.

Ты в саду на радость розой расцвела,
Соловью та роза сердце обожгла.
Над глазами брови — словно два крыла,
Стрел-ресниц лучится вытянутый строй.

Благовоньем сладким мир вокруг залит,
Шелк волос струится, пламенем горит,

Если слову подобен я сам, сразу тысячей кажешься ты,
Если слово бесценно, как перл, целой нитью их
нижешься ты,
Если розе дивится весь мир, целым садом их
множишься ты,
Если жалит любовь, как оса, целым роем их
кружишься ты,
И, безумную жажду будя, мне сжигаешь уста ты, мой
друг.

Верно и вечно люби,
Слабость в себе истреби.
Милая молвит: «Терпи!» —
В пламени сердце губи.

И оставил мой разум меня, вся душа у меня сожжена,
Сердце больше не бьется в груди, а тебе моя мука
смешна.

Неужели моею бедой ты ни капли не огорчена?
Если ты человек, то приди, то пойми, что прийти
ты должна,
И, как счастьем, тебе поспешу отворить я врата, ты,
мой друг.

Милая гостья, войди,
Сядь и уста услади.
Яства и вина нас ждут,
Радостный пир впереди.

На дороге твоей я стою, а уста в непрерывной мольбе.
Сыт весь мир — только бедному мне суждено голодать
по тебе.

Обернусь я целебной травой, ты сорви ее листик себе,
О не ставшая Саят-Нове благодатной росой в судьбе,
Да придет к тебе ясность души и спадет маета, ты,
мой друг.

С сердца печали сотри
И соловьем воспари.
Слушая пени любви,
Пусть возрыдают цари.

Если мольба горяча,
Слышат и холст, и парча,
Но для ослепшей души
Где отыщу я врача?

Пара нужна соловью,
Вылечи душу мою, —
Это безумный певец
Милую молит свою.

Слышишь ли ты соловья,
Светлая роза моя?
Мучайся, Саят-Нова!
Боль несравненна твоя.

52

Однажды встретились чабан и волк.
Волк молвит: «Добрый день, как поживаешь?»
Чабан в ответ: «Мне от тебя ни зла
Не нужно, ни добра, что мне желаешь».

Волк говорит: «Я ночи подожду
И, крадучись, к отаре подойду.
Страх на собак твоих я наведу —
Добро и зло ты поутру узнаешь!»

Чабан в ответ: «А я не сплю во сне!
Мой глаз и ухо — на твоей спине.
Овец и псов — в отаре наравне...
А сколько их — сам поутру узнаешь!»

Волк говорит: «Под кровом темноты
Передую — и не услышишь ты —
Полстада, а других через хребты
Перетащу: их всех в лицо узнаешь!»

Чабан в ответ: «Знай, вор, известный здесь!
Ошейник для тебя железный есть.
Коль правда в мире поднебесном есть —
Мою дубину на себе узнаешь!»

Саят-Нова, ты — красная корова:
Ведро с надоем опрокинул снова...
Не знайся с волком, с чабаном побудь —
Мацуном угостит когда-нибудь...

Я вкус утратил к бытию, устал от мира — сладу нет.
 Увяла роза сердца вдруг — веселья нет, отрады нет.
 И каждый замкнут на своем, ни друга нет, ни брата нет.
 Вздыхают все, уставясь в тьму, и в радости награды
 нет...

Я горьким словом уязвлен, от уст злоречных плачу я.
 Друзья врагами стали вдруг, от бессердечных плачу я,
 От рук чужих, от глаз чужих, в сомненьях вечных
 плачу я:
 Не верю больше никому — ни друга нет, ни брата нет.

Эй, справедливость, эй, судья, — кто не прощает
 славы мне?
 В чем я виновен, расскажи: всё надо знать по праву
 мне!
 Ты в траур облачил меня и протянул отраву мне...
 Ни благородства, ни души, в тебе того, что надо, —
 нет.

Глянь — сердце горечью полно и горестями голова.
 Вмиг место заняли мое — из круга вышел я едва...
 Пришел твой возраст, говорят, плачь и горюй,
 Саят-Нова...
 Эй, вах, нет каманчи в руках, бокала нет —
 услады нет...

Яр, что в словах и «да» и «нет» мешает, — осуждаю я.
 Тех, кто безверие к сынам внушает, — осуждаю я,
 Кто соловья расцветших роз лишает — осуждаю я,
 Кто надо всем возвысить зло решает — осуждаю я.

Богобоязненных князей на свете не осталось, нет.
 Съел сильный слабого — причем в ответе не остался,
 нет.
 Дев, верящих в загробный мир, заметьте, не осталось,
 нет.
 Когда «на помощь!» крику плач мешает — осуждаю я.

Страдания мира — боль моя: как свет от горя уберечь?
О совести, о нищете и о добре веду я речь...
О правде речь Саят-Новы, о лжи, разящей, словно меч...
Кто обездоленных всего лишает — осуждаю я.

55

Твой взгляд сведет меня с ума — боюсь, окончу дни,
Не будь виновницей конца, опомнись, назани!
К тебе привязан я судьбой — хоть хмурься, хоть гони.
Чем болен я? Тебя люблю! Поласковой взгляни,
Свой гнев неправый одолей — давным-давно пора!

Как равнодушие твое похоже на грабеж!
Ты сердце ранила мое, хоть в нем сама живешь;
Пытались сердце врачевать, а ты повязку рвешь!
Я проглядел свои глаза — когда же ты придешь?
Укрыться нам от глаз людей давным-давно пора!

Стать буйным трезвый разум мой не вынуждай, молю!
Больное сердце на клочки не разрывай, молю,
Чужих в сердечные дела не посвящай, молю,
Пусть будет весел Арутин — не огорчай, молю,
Давай обнимемся скорей — давным-давно пора!

Сколько звезда ни свети — в море воды не убавит.
Мерящий ситом Куру — только людей позабавит.
Каменный дом устоит, сколько бы ветер ни дул.
Разве он стену пробьет, разве ее продырявит?

Чашу не крой серебром, если из меди она.
Против серебряной — ей в тысячной доле цена.
Разве стекляшка — алмаз? Разве игра в ней видна,
Если владелец ее в золото даже оправит?

Люди, творящие зло, дьяволу службу несут.
Козни его сокруши, господа праведный суд!
Разве ширазским стеклом тыквенный станет сосуд,
Если на полку его слишком высоко поставят?

Рыба не будет стонать, если вонзят в нее нож.
Хна не пристала ослу: и без того он хорош!
Хлопком не станет песок, хоть в одеяло зашьешь,
А вышивальщица — вязь шелком на нем раскудрявит.

Кто я и как меня звать? Доблесть моя какова?
Имя мое — Арутин, прозвище — Саят-Нова!
Грамоту я изучил, знаю азы мастерства.
Слово мое загреметь купол небесный заставит!

То, что бархат я, что шелк я, что парча, — ты разве
знаешь?
 Что как легкий ветер к розе льну, журча, — ты разве
знаешь?
 Что тебе пою, на сазе всё бренча, — ты разве знаешь?
 Что с тобой обручены мы, два луча, — ты разве
знаешь?
 Обо всем, о чем бренчу я, бормоча, — ты разве
знаешь?

Как всю землю обошел я, ты, краса, послушай ныне.
 Без Лейли, с Меджнуном схожий, всюду был я как
в пустыне.
 Соловьем искал я розу, но и в найденной долине
 Не увидев к ней дороги, — я в отчаянья пучине.
 Покажись! Что жжешь мне крылья, как свеча, — ты
разве знаешь?

Прозвучали мои струны и печали над Ираном.
 Песни люду и владыкам я певал по разным странам.
 Что ж мне делать? Обрекать ли это сердце новым
ранам?
 Сын один я у родимой, — бьешь меня ты в гневе
рьяном.
 То, что сахар ты метнула в глубь ключа, — ты разве
знаешь?

Дышит осень; не умчатся ль мне за птичьей стаей
тоже?
 А куда расцветешь ты. Иль ко мне ты станешь
строже?
 По тебе тоски не зная, жил бы долго я, — ну что же,
 Я приду к тебе сегодня в поздний час, но всё ж —
о боже! —
 Что гостей своих не гонят сгоряча — ты разве
знаешь?

Я, Саят-Нова, в печали. У меня ведь лука нету.
 И меча, чтоб замолчала вместе с жизнью мука, — нету.
 И груди твоей гранатов — о, горька разлука! — нету.
 Лоб в огне, пылает сердце, слов твоих и звука нету.
 Что в хмелю бреду, чуть ноги волоча, — ты разве
знаешь?

О, приди, я твой, не гляди сурово, —
 Неужели я принят за чужого?
 Снова солгала, обманула снова:
 Я пришел, а ты не сняла засова, —
 Задремала, мол, не слыхала зова...

Звонкая струна, розы изваянье,
 Лучших мастеров лучшее создание, —
 Если ты придешь ночью на свиданье,
 «Не засни, — скажу, — выслушай признание!» —
 Каждое твое насмерть ранит слово.

Брови ты сурмишь перышком червонным,
 Пряжки в дар тебе шлет Гилян с поклоном,
 От волос твоих веет кардамоном.
 Как ты можешь спать на беду влюбленным?
 Милая, не знай сновиденья злого!

Люди говорят — я кармин бесценный,
 Скрытый на груди дар любви нетленный.
 Нестерпим твой взор — солнце всей вселенной.
 Ты — мой свет, а я — отблеск твой мгновенный,
 Мерзну я, ищу — твоего покровя.

Резвое дитя, ты сулишь мне горе.
 Как тебя догнать? Ты — кораблик в море.
 Опей ты, гашиш, марево во взоре!
 Ты Саят-Нову побеждаешь в споре.
 Ты — краса. Я — раб. Ты прийти — готова?

Милая, давным-давно в сердце мне запала ты, —
 Серебра да золота сплавом засверкала ты, —
 Улыбнулась: в два ряда жемчуг показала ты.
 Солнце мое светлое, искрометней лала ты!
 Тень свою на землю всю, стройная, бросала ты.

Покажи мне — яр ли ты? — лик свой на мгновение!
 Ветерок измирский ты, вешнее цветение,

Ткань венецианская — мастеров терпение,
Ты в парчу закутана, золотою стала ты.

На тебя гляжу с тоской, плачу всем на диво я, —
Нам бы побеседовать, ты — красноречивая.
Что мне лань и что джейран? Ты резвей,

игривая, —
В степь таких стрелков, как я, увлекла немало ты.

Яр неверной не любить — я клянусь, красавица.
На тебе любой наряд всем на свете нравится.
Красоты прекрасней ты. Как мне с клятвой
справиться?

Сохнет горло, если мне образ твой представится.
Скорбь Саят-Новы с собой в дальний путь
умчала ты.

60

В соловьях нет недостатка, полон сад цветов, —
не так ли?
Полон он фиалок нежных, розовых кустов, —
не так ли?
Каждый куст сирени тенью нас укрыть готов, —
не так ли?
Всюду свечи восковые, полон сад ковров, — не так ли?
Всё разубрано; канатных много плясунов, —
не так ли?

Не сердись, я притчей много, мудрецам под стать, имею.
Как отдать тебе сто жизней? Ах, одну я, знать, имею.
Весь я твой! Иль пред тобою я долги опять имею?
Приходи к нам, о приятном я тебе сказать имею.
Всех позвали, — и с шелками сотни тут купцов, —
не так ли?

Так уж за городом надо: без веселья — невозможно.
Без возвышенных речений восхваленье — невозможно.
Если ковш мы расплескаем, утоление — невозможно.
И твое от пираванья отдаленье — невозможно.
От Дейли принять приятно чашу в ночь пиров, —
не так ли?

Счастье этакой помолвки людям не было знакомо.
Так и шах не веселился, сделав свадьбу для Ростома.
Только из-за неприступной и взяла меня истома,
Из-за бубна и свирелей, из-за звона, из-за грома.
Тут и лютни, тут и цитры, много и певцов, —
не так ли?

Тростниковый стан твой тканью опоясался узорной.
Родинка над ртом жемчужным как индийский перец
черный.
Яхонт, лал ты, и алмаз ты, жемчуг лучший ты,
отборный.
Не придешь, — так разберет нас суд царевый
непритворный.
Царь Саят-Новы — прекрасней царственных орлов, —
Иракий.

61

Говорю с тобой затем я,
Что твой стаи я ныне видел.
Светлоликую на ложе
Я, томясь в кручине, видел.

Опишу ль свое мученье!
Погляди хоть на мгновенье!
Я твой дом — благодаренье
Божьей благостыне! — видел.

Ты — огонь! Огня ты строже,
Но сжигать меня за что же?
Поутру тебя я схожей
С солнцем в небе синем видел.

Коль нам нет разлуки боле,
Поиграем в «голи-голи».
Вскроем розу. Я на воле
Лилию в долине видел.

Пал Саят-Нова в поклоне,
Ты ж — луна на небосклоне.
«Сани» я зовусь и «тони».
Перед «ани» «вини» видел.

Я — твой раб, тебе прислужник никакой не нужен.
Кто, как я, тебя полюбит? Нет, другой не нужен.

Трон индийский ты, покров ты дорогого сорта.
Счастлив спутник твой: как амброй грудь твою натерта.
Над тобой должна быть кровля в золоте простерта!
Ты зорка. К тебе подход ведь воровской «не нужен.

Ты — фиалка, горный снег в выси поднебесной.
Ты — самшит, твои ресницы лес тенистый, тесный.
Весь июль бюльбюль бюльбюлит песни над прелестной,
Роза ты, тебе для дружбы червь немой не нужен.

Будем вместе мы на свете годы, не недели.
Мы груди твоей жасмины меж собой разделим.
Быть вдвоем! Об этом только мысляю я уделе!
Верь Саят-Нове: нам свиты шумный рой не нужен.

Ты — источник песен, ты подобна сазам.
Ты — в тебя влюбленных убиваешь разом.
Кипарис! А кудри уподоблю вязам.
Море ты, украшен мир твоим указом.
Замкнутый ларец ты с пламенным алмазом.

Ты — краса ловитвы, раш ты и джейран ты,
Ты коралл и лал ты, луч небесных стран ты,
Ты шандал хрустальный, вместо свеч нам дан ты,
В длани держишь меч ты, как Ираклий, хан ты,
Окруженный свитой, пляской, песней, сказом.

Светишь ты над миром, солнце и луна ты.
Лишь бы не зашла ты, в мире ведь одна ты.
Кипарис тенистый — к благу нам дана ты.
Ты — луга, и лес ты, — в нем и мир пернатый,
В нем и дичь, — и лес тот не окинуть глазом.

Ты — весна, фиалка, золотой поток ты,
Из цветов расцветших благовонный сноп ты!
...Ты ж, Саят-Нова мой, преданный холоп ты,
Соловей-скиталец, верен ей по гроб ты,
Трелишь по утрам ты, свой утратив разум.

64

Миру твой царственный облик на диво,
Он предстает мне, луну затмевая,
Как на груди твоей белой красива
С древним распятием цепь золотая.

Кто не видал тебя, мучится каждый,
Каждый, увидев, погибнет от жажды,
Если б, отвергнут, я умер однажды —
Горы бы плакали, мне сострадая.

В сердце несу твои тайные муки;
Бьюсь головой о преграды разлуки;
Я не изменник, не требуй поруки, —
Иль не со мной моя честь родовая?

Милая, нами весь мир недоволен:
Бедный Саят-Нова яр подневолен;
Горло мое пересохло, я болен,
Я из-за яр умираю, рыдая.

65

Иной, расслабленный, в бессильной брани
Того, кто мощен и высок, бракует,
Ножа заржавленного нет в кармане,
А хорасанский он клинок бракует.

Иной же, горестный, не знает крова,
Хоть ночь нагрянула, бредет он снова,
Гортань и желуди забыть готова,
В саду ж черешневый он сок бракует.

Иной направится на лодке в море,
Узрит лягушку там и крикнет: горе!
Тот — слег у рытвины, — помрет он вскоре,
Ростома ж слов его поток — бракует.

Алмазы древние глупцу на что же?
Сыр новосозданный ему дороже,
Кушак — веревочка, да листья — ложе, —
И ткани царственной он прок бракует.

Свинья на дерево залезть не может.
Пусть мрут, чьи печени лишь злоба гложет!
Саят-Нове народ пиры умножит.
Он весел. Злости он порок бракует.

66

Кто завидует соседу — ни крупичицы
Беднякам не даст, хоть был бы он богатым.
Пусть он знатен, коль на всех он в мире злится —
И отца его все назовут проклятым.

У того, кому змеей пришлось родиться,
Жало злое, не язык во рту змеится.
«Злоба злобных им самим воздаст сторицей», —
В мире сказано моим же, знать, собратом.

Злонамеренный подобен горсти праха,
Не украсит его гордая папаха,
И горбатого верблюда, как ни ахай,
Невозможно сделать стройным, негорбатым.

Скудной глине стать фарфором и не снится.
Ивовый коре вовек не стать корицей...
Ах, Саят-Нова тебе ль не покорится,
Коль допустишь ты его к своим палатам!

Твоему суду сердце будет радо,
 Ты — пресветлый царь, Грузии улада.
 Люди говорят — я, мол, их досада,
 Мусор я дрянной, кладезь, полный яда, —
 Мол, не обессудь — высказаться надо.

Неженат живу — где искать привета?
 Я — мужик: толкнут — и не ждут ответа;
 Вот я целью стал для насмешек света;
 Сердце я раскрыл — молвят мне на это:
 «Холм бесплодный ты меж грядами сада!»

Я царю предстал в чистом облаченье,
 Саза моего чюя нетерпенье, —
 Мне б грузинских слов позабыть значенье! —
 Прочь меня прогнал царь в ожесточенье:
 «Грязный войлок ты, поношенье взгляда!»

Сказано: гора встретится с горою.
 Боже, будь твоя милость надо мною!
 Неужели я и суда не стою?
 Лучше бы казнил царскою рукою —
 Ты, наставник мой, ты, моя отрада.

Грудь мне сокруши — всё равно я вскоре
 Возвращусь к тебе с жалобой во взоре.
 Брошусь я в Куру, не в Куру — так в море!
 Пой, Саят-Нова, пой, лелея горе!
 Горе да беда — вот твоя награда.

В сад весенний дверцу милой открою.
 Тополь сладок, розан сладок, сад сладок.
 Проживем здесь все мы годы с тобою,
 Лик твой сладок, месяц сладок, мир сладок.

Эти чаши, это блюдо — всё наше!
 Струны саза, злаков груды — всё наше!
 Эй, садовник, прочь отсюда! Всё наше!
 Пир наш сладок, взор твой сладок, день сладок.

Нет уж роз тут, уж не манят, алея,
Соловьиный льется плач, их жалея.
Но в фиалках лиловеет аллея.
Вечер сладок, ответ сладок, ключ сладок.

Тонкий стан твой в плащ облекся багряный.
Кипарис ты, персик нежный и пряный.
Держишь мир ты ручкой властной и рьяной.
Пламень сладок, трепет сладок, май сладок.

Арутин я. Льется звонко рулада.
Сядь! Ковер хорасанский — услада.
Ах, с ограды не кинули б взгляда!
Саз мой сладок, рот твой сладок... я сладок.

69

Взорам смертных словно роза рая ты.
Подношу тебя, как яство ценное.
Тополем стоишь, на нас взирая ты...
Нет, не то... вино ты сладкопенное.

Не внимать наветам сердце просится, —
Пусть вкруг милой вьется окоlesiца!
Приходи, — ковром под ножки броситься,
Вот мое стремленье неизменное.

Ах, узрю ль алмаз в златой оправе я?
Насурмишь ты брови... иль не вправе я
Сравнивать с венцом тебя? В отраве я
Страсти золото ищу нетленное.

Как фазан, я б шел долиной нашею
За тобой, ты б шла с хрустальной чашею.
Ты славна. Тебя ль стихом украшу я?
Сокол я, ты — птаха. Станешь пленною.

Пламя жжет, всё жжет меня проворное.
Власти нет, прошу тебя покорно я:
От Саят-Новы отставь упорное
Наказание, — и так отменное.

Ты — пенная Кура с волной Аракса мутноводной.
 Вконец измучен я твоей повадкой сумасбродной.
 Похожа ты на златоткань отделки превосходной.
 Глаза и брови красотой блистают благородной.
 «Но что я дам тебе взамен?» — шепчу в тоске
 бесплодной.

Иной на пиршестве вкушать вино и снедь стремится.
 Другой за праздничным столом к стихам — заметь —
 стремится.
 А мой язык тебя одну всегда воспеть стремится.
 О том — и сердцу век болеть, к тому и впрямь
 стремиться!
 Кто в розу, как оса, впился? Оставь ее, негодный!

Тебя воспевший — океан чернил, как я, испишет.
 Тебя узревший — ничего не ест, не пьет, не дышит.
 Других возлюбленных совсем не видит и не слышит.
 Как солнце, выглянешь из туч — и мир весельем
 пышет,
 А без тебя тоскует он, как сирота безродный.

Приди и вслушайся в мои слова, журавль Багдада,
 Индийский нежный попугай, чей голос мне отрада.
 Тому, кто правду говорит, хоть раз поверить надо:
 И для красавицы Ширин опасен враг Фархада!
 Беда мне с милою такой строптивой, злой, холодной!

Что делать, если нарды вдруг смешала, мне в насмешку,
 Убила доведь, повела вперед простую пешку?
 Без розы соловей поет и плачет вперемежку.
 На свете бед — не перечеть. Ищи свою, не мешкай!
 Страдаешь ты, Саят-Нова, от робости природной.

Златые пуговицы твои под стать искусному шитью,
 Иран, Туран, Азербайджан, цветущий дол в родном
 краю!
 Ты меч напрасно занесла: обезоружен я стою.
 Зачем ты причинила боль рыдающему соловью?
 Избранник недостойный спит под колыбельную твою.

*

Служанками окружена, не медли — выходи в цветник.
Там на рассвете соловей тебя приветствовать привык.
Осанки царственной твоей не в силах описать язык.
Я славословьем утомлен — признаюсь в этом напрямик:
Сто сорок пятистиший спел и всё еще тебя пою!

Луне подобная, зачем в зеркальную глядишься гладь?
Зачем за ножницы взялась, как бы подравнивая прядь?
А шея стройная — кувшин из хрусталя, ни дать

ни взять!

Казнив беднягу без вины, ты славу думаешь снискать?
Иль достоянием своим считаешь голову мою?

Нигде покоя не найду. Одна лишь смерть — отрада мне.
Весь мир сложи к моим ногам — и я скажу:

не надо мне!

Смущенных глаз не отвести от пышного наряда мне,
Любимая, в парче, в шелках прекрасной кажешься

вдвойне.

Я ладанки твоей не крал — нашел и на груди таю.

Я лживых слов не говорил. Кто на меня поклеп

возвел?

Кто очернил меня? Поверь, он сам коварен был и зол.
Прелестница, тебя воспеть бессилен бедный мой глагол.
К чему стремлюсь? Не про меня Моголов золотой

престол.

Зачем же я, Саят-Нова, в напрасной скорби слезы

лью?

72

Может каждого постигнуть это горе неким днем:
Опалит нещадно сердце, душу обожжет огнем.
Перессорит домочадцев, если вдруг проникнет в дом,
И язык твой онемает в красноречии своем.

Утверждаю: нет на свете ничего трудней любви:
Верностью зовет измену — смысл, попробуй, улови!
Страсть вокруг сердца так и вьется — как ее

ни назови, —

Как лоза вокруг подпорки — голова идет кругом...

О любимая, родная, я, любовью опаленный,
Умоляю: будь похожа на меня душой влюбленной.
Как он счастлив, твой любимый, львиной силой
наделенный,
Пред такой отступит силой даже богатырь Ростом.

О, послушай хоть немного, я сейчас в большой печали,
Что намерена ты сделать — мне поведаешь едва ли.
Ты — как роза на рассвете, в ожидании, в начале.
Ты — родник, листва густая в странствии моем земном.

Дома нет тебя ночами: как дышу я, как живу?
Свет очей, тебя не вижу ни во сне, ни наяву.
Жизнь возьми мою, святыня! О любовь, тебя зову!
И Саят-Нова стенает в горе сладостном своем.

73

Пусть попугай поет — а я услышать соловья хочу.
Дай, роза, мне росы твоей! — целебного питья хочу.
С нагорья дальнего пришел и поискать жилья хочу.
Заплакал соловей: узнать, где роза спит моя, хочу!

От поисков я ослабел. Кровавый пот лился с меня.
Над розой срезанной застыл, как соловей, судьбу
кляня.

Ты — златокованный ларец, а в нем лежит хрусталь,
звения.
Ковчега не хочу... Ларец, твержу я, в грудь бия, хочу!

О редкостный зверек, бежишь, таясь от зверолова ты.
Скажи мне, мраморная ты, иль из кости слоновой ты?
Счастливицу, видно, суждена заморская обнова — ты!
Диковинный атлас! Как раз такого для шитья хочу.

Я получил твое письмо. Тебе мое прочесть пора б!
Нуждаюсь в добром слове я, как нищий, узник или
раб.

Зачем отринула того, кто жалок, немощен и слаб?
Под одеялом у тебя, недужный, забытья хочу.

Не обжигай меня, я сам горю на медленном огне.
Не двоедушен я, поверь, коварство не по сердцу мне.
Я — соловей, Саят-Нова! Открой же, роза, дверцу мне
В златую клетку: миндаля очищенного я хочу!

Как можно другу отказать и нанести ему удар?
 Напрасно жизнь я приношу любимой, бессердечной,
в дар!
 Я посылал к тебе — достать хочу индийский каламкар.
 Купил парчу и, к ней под стать, ищу индийский
каламкар.

Застежек для тебя ищу. Где золотых дел мастера?
 Литые пальчики твои кто вывел росчерком пера?
 Встань, девушка, тугим узлом свяжи кушак из серебра.
 Спляши, как по струне златой, что натянул на шест
фигляр.

Ты телом — тополь молодой. Ты станом, как
тростник, стройна.
 Лицом, как солнце, ты светла, кругла, как полная луна.
 Ты — ангел на земле; таких вовек не видела она.
 Тебя ввести в свою семью цари мечтают — млад и стар.

Хотел я рано поутру взглянуть на нежный облик твой.
 Атласным одеялом ты была укрыта с головой.
 Саят-Нова всю ночь без сна в слезах провел, был
сам не свой.
 И, как звезда, что влюблена в луну, встречал зари
пожар.

В саду любимой разум потерял я.
 Уйти хочу — и слышу стук засова.
 Тогда сознание разом потерял я.
 Очнувшись, тополя увидел снова.

Сказал ей: «Видишь, обливаюсь кровью!
 Язык певца не понуждай к злословью.
 Господь благослови тебя любовью,
 Чтоб ты вовек не ведала худого».

Султаном был — с войсками я расстался.
 Торговцем был — с шелками я расстался.

С любимой со слезами я расстался.
Как мне достать ее со дна морского?

Такое мне доселе не знакомо!
К моей груди приставлен меч Ростом.
В окно гляжу, надеясь по-пустому.
Утешить в силах ты одна больного!

Твой облик чист и светел, как лампада.
Молю я: не ищи других, не надо!
Коль для тебя слова любви — отрада,
Пойми, Саят-Нова — властитель слова.

76

Захочешь душу из души — и нет запрета для тебя!
Все клады мира — для тебя, все страны света —
для тебя.

Я сам лишь безыменный раб, добытый где-то для тебя.
Моей сердечной раны след — клеймо и мета для тебя.
И даже года времена — зима и лето — для тебя.

Полна небесной красоты, как бы сошла с божницы ты.
На пядьцах вышиваешь ты, искусней мастерицы ты!
Умы, сердца пленяешь ты, властительней царицы ты!
Несчастных сна лишаешь ты, не дашь смежить
ресницы ты,
Любимая, не спать готов я до рассвета для тебя!

Живой блистающий маяк! Вокруг тебя редет мгла.
Тугая златоткань твой стан великолепный облегла!
Ты выплываешь, как луна в часы вечернего тепла,
И затмевашь остальных красавиц ясностью чела.
Немало сложено стихов и песен спето для тебя.

Но ты, прелестная моя, с Медждуном не в ладах, увы!
Кто опоил тебя, кто свел с ума? Не слушай злой
молвы!

Златые часики мои, зачем остановились вы?
В саду весеннем расцвела ты розой для Саят-Новы.
Слетев с вершины, соловей поет, и это — для тебя.

Дай лекарства, помоги совладать с тоской!
Кисть не может передать красоты такой:
Дивной вязи на шелку изощренной ты.

Без тебя судьба моя слишком тяжела.
И за что меня казнишь? Я не сделал зла.
Кандалы — моя любовь, цепи, кабала.
Ты глядишь, а мне глаза застилает мгла...
Ты — в ларце из хрусталя, в светлой броне ты.

Горный тур, — со снеговой кручи прянешь ты,
Иль дождем из грозовой тучи станешь ты.
Серной на скале мелькнешь и не взглянешь ты.
Тысячью огней сверкнешь и обманешь ты.
В каждом вздохе у меня, в каждом стоне — ты!

Заручилась ты не зря дружбою царей:
Грамоту индийский царь шлет из-за морей,
Страж с кинжалом золотым замер у дверей,
Блюдо жемчуга тебе в дар несут скорей.
Прочь ступай, Саят-Нова! Посторонний ты.

79

Разве голоден был и едой подкрепиться пришел я?
Слышать голос твой жаждал, беседой упиться
пришел я.

Мне денницы дожждаться б! Затем, что не спится,
пришел я.

Сам не помню, зачем, бестолковый тупица, пришел я?

Ты — венец государя. Бесценно твое покрывало,
А моя голова украшений таких не знавала.
Ты — оконница из хрусталя и резного сандала.
Ради ночи бессонной к тебе, златолицей, пришел я.

Ты — узорный клинок, драгоценный товар
хорасанский.

Ты — цветистый атлас, ты — парча, каламкар
индостанский.

Я — купец из далеких земель, ты — базар мой
марандский.

Денег нет у меня на парчу, ради ситца пришел я.

Оставь меня! Хитрить, платить бесчестью дань
я не хочу!

Я униженья не хочу, в ногах валяться не хочу.
Исподтишка передавать чужую брань я не хочу.
И сколько б ни твердили мне: «Двуличным стань!» —
я не хочу.

Я простолюдин, а не князь. Другого званья не хочу!

Не допускай, чтоб кровь моя рекою попусту лилась.
Ты, видно, дорогой ценой купил меня на этот раз.
К тебе с поклоном я приду: иранский чин введен
у нас.

Но ты одень меня в шелка и переливчатый атлас:
С каймою черной нипочем я одеянья не хочу!

Ты слов моих не отвергай, коль правда у тебя
в чести.

Зато твоей одежды край отныне я готов нести,
И прахом голову мою в своей гордыне ты сочти!
Но саду твоему — с моим в одной долине расцвести.
Меж ними кольев не вбивай: размежеванья не хочу!

Ушло былое, не вернуть поры твоей, Саят-Нова!
О ней напрасно не вздыхай и слез не лей,
Саят-Нова!

Отныне всякий по плечу ударит: «Эй, Саят-Нова,
Куда идешь? Ступай ко мне, и ешь, и пей,
Саят-Нова».

Но хлеба с твоего стола, с тобой братанья — не хочу!

Поверь мне, кованный железа кусок —
И то железкою кривой назовут.
Резьба — тарелке деревянной не впрок,
И деревяшку — таковой назовут.

Должны ложиться стройным рядом слова.
Хитрец привык везде искать смысла два.
Приметы дерева — и цвет и листва.
Траву — не хною, а травой назовут.

Парча красива, но добротней — сукно,
А ситцу в стирке расползтись суждено,
Стекло в оправе золотой всё равно
Стеклом, качая головой, назовут.

Хвалиться княжеством иной может зря.
Назваться ива и сосной может зря.
Я — сазандар грузинского царя.
Саят-Нову — Саят-Новой назовут!

83

Говорят, гора крутая разделила два селенья. Это верно.
В цветнике твоём раскрылась роза всем на удивленье.
К цветнику дорогу славит соловьев залетных пенье. Это верно.
У властителя Китая не сестра — а загляденье! Это верно.
Есть на свете край, где море бьёт о берег в нетерпенье. Это верно.
Это верно.

Протянул к тебе я руку. Уколола, злючка, словно
Кровь на пальцах проступила наподобье лала или ежевика!
С гирькою золотниковой сердце я свое сравнил бы, сердолика.
Изошли глаза слезами с той поры, как не видал я горемыка!
Мук моих свидетель — небо! Не дождусь я исцеленья. солнцеликой.
Это верно.

Шкура содрана с лисицы. Не маши крылами, сокол, ты впустию!
Не старайся ради старой — новую ищи добычу, непростую.
У тебя глаза — алмазы, крепкий клюв — угроза змеям. Бей любую!
Я тоскую, сам не знаю — изо всех скорбей оплакать мне какую?
Говорят, я здесь по счету двадцать третий. Без сомненья, это верно.

Тебя могу приметить вмиг, твоей красой я покорен,
Ты как чинар, златых волос густой волной

я покорен,
Лебяжьей шейки крутизной и белизной я покорен,
Горит на платье изумруд, навек тобой я покорен,
Ты — жемчугов живая нить, небесный лал, приди,
узрю.

Со мной рассталась ты легко, — такой удар, скажи,
к чему?
Кого ласкаешь ты теперь? Притворный жар, скажи,
к чему?
Тебя я вижу сквозь забор, — скупой твой дар,
скажи, к чему?
Ты серьги спрятала в кiset — он прост и стар, —
скажи, к чему?
Что в дорогом твоём узле? Любви бокал, приди, узрю.

Уже настали дни весны, теперь гулять нам в самый
раз,
Раскрылись розы по садам, траву память нам
в самый раз,
Туты, черешни срок поспел, плоды вкушать нам
в самый раз,
Всё гуще тени от деревьев, в тени лежать нам
в самый раз,
Саят-Нова прохлады ждет, он ждать устал, приди,
узрю.

85

Что, если с кровли к нам она сойдет,
Под стать луне, презревшей небосвод,
Касатке, упорхнувшей из тенет?
О, не ходи напрасно взад-вперед,
Чтоб на лицо твое глазел народ!

Мне быть бы солнца утренним лучом.
Мне быть бы деревцем в саду твоём, —
Лишь не руби под корень топором!
Твоим соседом быть бы — двор с двором, —
Дабы в мой дом, как в свой, ты знала вход;

Мне не спастись, пленен я, связан я.
Признайся, чем тебе обязан я?
Возмездья жди, хоть сам наказан я.
Созвездья гаснут, — и краса твоя,
Подобно им, померкнет в свой черед.

Как свой халат или парчи кусок,
Саят-Нову через плечо — дай срок! —
Ты перекинешь: род мой невысок.
Топчи меня ногами, как песок!
Я — раб, валяюсь у твоих ворот.

86

Пропавшая головушка! Доколе
Посмешищем служить в мирской юдоли?
Куда ни сунусь — расшибусь до боли.
Достоин я глумленья поневоле.

Кого винить мне в этом — не пойму?
Рассудок мой причиною всему!

Как в золотом ларце хрусталь граненый,
Я красовался, славой упоенный.
Теперь я говорю себе, смятенный:
«Башка твоя набита камнем, что ли?»

Кого винить мне в этом — не пойму?
Рассудок мой причиною всему!

Был голубем, а стал я перепелкой!
Был рисом я, а стал овсом, — что толку?
Обет я дал, стал чернецом, — что толку? —
Благодаря моей несчастной доле.

Кого винить мне в этом — не пойму?
Рассудок мой причиною всему!

Пришла арба, и, в счет налога, разом
Всё погрузили вместе с франкским сазом.
«За что?» — спросил я. Не сморгнули глазом.
«За то, что ты — лачужник!» — укололи.

Кого винить мне в этом — не пойму?
Рассудок мой причиною всему!

Саят-Нове будь пристанью от бури.
Ходить к султанам — не в моей натуре.
Хотя и деревянным чианури,
А всё ж прославлен я в родном застолье!

Кого винить мне в этом — не пойму?
Рассудок мой причиною всему!

Дитя океана! Мой перл! Для тебя
Алмазов и лалов не жаль, назани,
Язык твой как сахар, уста как пинджан,
А губы как мед и миндаль, назани!

О нежная, крови моей не пролей!
Лицо твое — кости слоновой белей,
Червонные косы — цепей тяжелей,
А родинка — сердцу печаль, назани!

Пугливая ты куропатка в горах,
В парче твоя грудь, как шамамы в садах,
Твой стан — на токарных точили станках,
Зачем ты закуталась в шаль, назани?

Ты — роза, фиалка блаженных долин,
Пера на короне бесценный кармин,
Похищенный в шахских таможах муслин,
Глаза твои — темный хрусталь, назани!

Саят-Нова — пирам наследник прямой,
Дана ему песенной ты ворожкой,
К любви он рванулся — и ранен тобой,
И раны сочтет он едва ль, назани!

1 июня 1742

Благодарение творцу! Вода и прах, я долго спал,
 Гончар, месяц, их разбудил, в огне горящем искупал,
 Я в книгу судеб на строку с тростинки капелькой упал
 И в тайный дом не из земли по воле божией попал.

Когда мне было три луны, я матушке известен стал,
 Когда мне было восемь лун, на ней я пояс колебал,
 Когда мне было десять лун, я света божьего взалкал,
 Меня толкнуло, хлынул свет, и я в цветы весны упал.

Когда исполнился мне год, обряд мне дух и плоть
скрепил,
 Когда исполнилось мне два, что мог, от груди я испил,
 Когда исполнилось мне три, я люльки край переступил,
 В четыре я уже ходил и твердо по земле ступал.

Когда исполнилось мне пять, мой говор был еще нелеп,
 Когда исполнилось мне шесть, прикус зубов моих окреп,
 Когда исполнилось мне семь, я воду стал ценить и хлеб,
 А в восемь снова хлынул свет, и я в цветы весны упал.

В мои бездумных девять лет себя постигнуть я не мог,
 В мои проворных десять лет носился, не жалея ног,
 В одиннадцать невинных лет я глупых мыслей был комок,
 В двенадцать непокорных лет в ученье к мастеру попал.

В тринадцать хлопотливых лет труду я руки научил,
 В четырнадцать умелых лет подарок мастеру вручил,
 В пятнадцать знал добро и зло и от добра
не отступал.

В семнадцать громкой славы хмель еще был чужд
моим устам,
 А в восемнадцать я вступил в благоуханный полистан,
 А в девятнадцать исходил страну Габаши и Индостан,
 А в двадцать лет любой купец мои рубины покупал.

Исполнилось мне двадцать пять, и петь моя пора пришла,
 Исполнилось мне тридцать лет, я чуял за спиной крыла,
 Исполнилось мне тридцать пять, я грыз, я дергал удила,
 Исполнилось мне сорок лет, я взял свой высший перевал.

Исполнилось мне сорок пять, и стал я мудр как никогда,
Исполнилось мне пятьдесят, и ощутил я жар стыда,
Исполнилось пятьдесят пять — явились горечь и беда,
Исполнилось мне шестьдесят — ношу лишь то, что
истрепал.

Пошел шестьдесят пятый год — не сякнет слез
моих ручей,
Пошел семидесятый год — стал меркнуть свет моих очей,
Пошел семьдесят пятый год — на поглупенье нет врачей,
Пошел восьмидесятый год — могильный хлад на душу
пал.

Пробило восемьдесят пять — влачусь, боля и скорбя,
Пробило девяносто лет — устал от самого себя,
Пробило девяносто пять — мне всё равно, я изветшал.

Мне говорят, что за грехи расплатой то, как я живу.
Тогда зачем же в Судный день пойдут искать Саят-Нову?
А кто безгрешен? Сулейман? «Где он?» —
спросил бы я молву.

Мир этот — сон, не верь ему, как бы он нас ни искушал.

3 января 1750

89

Не поведаю миру моих скорбей,
С прошением перед султаншей стою:
Пусть решит справедливо: коль есть вина —
Веревку накинёт на шею мою.

Если впрямь на бумагу твой взор упал,
Ты — единственный мой бадахшанский лал —
Разгадай, что я в жалобе написал:
Я в жертву любимой себя отдаю.

Увядает на камне безводном цвет;
Нет в светильнике масла — погаснет свет;
Дела глупой вороне до розы нет;
Без розы не жить одному соловью.

Кто решил через море пуститься вброд —
Понапрасну героем себя сочтет;

Кто за доброе злобою воздает —
Лишится почета в родимом краю.

По заветам былых мастеров живу,
Потому и влюбленным певцом сльву.
Попеченью могилы Саят-Нову
Предайте, оплавав кончину мою.

20 апреля 1753

90

Яр, отдай мне твои огорченья все,
Чаровница жестокая, приходи!
Дай прильнуть к расплетенной твоей косе,
Чаровница жестокая, приходи,
Черноокая, приходи!

Раб смиренный, я клятву тебе даю:
В мире суетном только тебя пою.
Вот молю повелительницу мою:
Чаровница жестокая, приходи,
Черноокая, приходи!

Что за горе мою заклеимило грудь?
Краше райского сада у милой грудь.
Красота мимолетна. Добрее будь,
Чаровница жестокая, приходи,
Черноокая, приходи!

Кто подымет столь тяжкое бремя бед?
Яр, я твой! От печали защиты нет,
В смертный час не придет мне на помощь свет,
Чаровница жестокая, приходи,
Черноокая, приходи!

Дар — от муз. Плачет саз, и летят слова.
Взял от пламени пламя Саят-Нова,
И горит, и скорбит, и поет едва:
Чаровница жестокая, приходи,
Черноокая, приходи!

2 марта 1754

Ты спросишь о своем рабе, а я отвечу:
 О камни бьется головой Саят-Нова,
 Огнем горит его душа, покинув тело,
 В слезах скорбит полуживой Саят-Нова.

Твоей ли яр не угадать твоих страданий?
 Не плачь в полночной тишине, Саят-Нова,
 Я, и с другими говоря, с тобою сердцем,
 Не мучься, не тоскуй по мне, Саят-Нова!

Твой взор ловлю и слезы лью: умру от жажды.
 Плоды взрастил я в том краю — умру от жажды.
 Томленье смертное таю: умру от жажды,
 Спроси: а где наперсник твой, Саят-Нова?

Грозит бедой недобрый час — и нет спасенья!
 Мой соловей умрет сейчас — и нет спасенья!
 Меня позорит громкий саз — и нет спасенья:
 Безумен по моей вине Саят-Нова.

Что делать мне, когда печаль меня тиранит?
 Тоска по яр, как злая сталь, мне сердце ранит,
 Обету изменить мне жаль — и жертвой станет,
 И ляжет под ноги травой Саят-Нова.

Я и сама бы к твоему пришла порогу —
 Злословью страшно указать мою дорогу.
 О том, чтоб мне твоею стать, взываю к богу, —
 Так не терзайся хоть во сне, Саят-Нова!

На хлеб да соль глядит гордец, почета хочет,
 Кровавых ран прямой боец без счета хочет,
 Желанной горлицы певец прилета хочет,
 Иль вспыхнет пылью огневой — Саят-Нова.

Не я ли яр, не ты ли мой — учитель мудрый?
 Осуществи закон земной, учитель мудрый:
 Я — твой светильник золотой, учитель мудрый,
 Будь мотыльком в моем огне, Саят-Нова.

Ты, сердце, бедный сумасброд, скорбя, изныло.
 Какой озноб тебя берет! Иль ты забыло,

Как прославлял певца народ? Зачем для милой
Ступил на этот путь кривой, Саят-Нова?

Кто изобрел слова для нас — моя и мой?
Пусть мать меня в закатный час не ждет домой,
Я — Шахсенем, отрада глаз. С вечерней тьмой
Владыкой стань в моей стране, Саят-Нова!

7 июня 1756

92

Благословен строитель, возведший мост!
С ним камень свой прохожий в лад положит.
Народу жизнь я отдал, — за это мне
Могильную плиту мой брат положит.

Кто сердцем благороден, душой высок,
Сорвет, воспрянув гордо, оковы с ног,
А наш герой отыщет свинца кусок —
На стол купца, удаче рад, положит.

Труба слепого рока о том поет,
Что потерял достаток почтенный род, —
А кто нуждался в шерсти, сегодня тот
Парчи да шёлка в скрыню клад положит.

Добро и зло, мой боже, разъедини!
От деспота лихого оборони!
Не на врага в обиде я в эти дню
Любимый друг мне в чашу яд положит.

Вы, соловьи без вдохновенья, кому нужны?
Пройдет любовь — ее мученья кому нужны?
Саят-Новы стихотворенья — кому нужны?
Теперь любой созвучья в ряд положит.

19 марта 1758

Чтоб льву поймать лису — ему бежать
 Зигзагами или по кругу нужно.
 Запрячь быка нельзя для молотьбы:
 Семь-восемь пар быков для плуга нужно.

Сметливый истину увидит всюду,
 Глупец не отличит добра от худа,
 Не станет волк овцой — не ждите чуда,
 Тупице проповедь читать не нужно.

Грех приключился — бога в том виним.
 Ума лишился — яр во всем виним.
 Дурным родился — мать во всем виним:
 Несбыточных надежд питать не нужно.

Да будь он кладом лалов — всё едино:
 Как мачехе любить чужого сына,
 Не связанного с нею пуповиной?
 Союз особый, неделимый нужен.

Как знать, кто сыпал мне на раны соль?
 Повергнул в одиночества юдоль?
 Тем, кто Саят-Нову обрек на боль, —
 Суровый суд, неотвратимый нужен.

20 апреля 1758

Невыносимым стал мне песенный мой дар.
 Я словно связан, рук лишен как будто.
 Мой разум отлетел, в груди моей пожар,
 А люди скажут: он умен как будто!

Наперекор всему я к хлебу соль достал,
 Со дна морей песок — взглянуть изволь —
достал.

К одной болезни сто, усилив боль, достал.
 В них корень, в них и зелень крон как будто.

Да смилуется бог над мастера душой!
 Сырою веткою горю в степи сухой.
 На сердце уголек упал в ночи глухой, —
 Огнем я мечен, заклеямен как будто.

Кровь глаз моих с водой реки смешал я,
И день и ночь от боли чуть дышал я.
Как мотылек, на край свечи, упал я,
Промасленный со всех сторон как будто.

Безумцем стал, дышу любви угаром,
А ты восторг мой треплешь по базарам...
И говорят прохожие недаром:
Саят-Нова, мол, опьянен как будто.

10 июня 1758

95

Темнеет мир в сердце моем,
Когда твой взор мне не горит.
Ну где такой лик мы найдем,
Если резец не начертит, не начертит,
не начертит.

Хоть блещет роз ярких гряда,
Ты всех милей будешь всегда.
Мне сахар всласть будет, когда
С розовым ртом будет он слит, будет он
слит, будет он слит.

Любовью пьян, весь я в огне.
Глядеть позволь досыта мне.
Зачем же, яр, ты в стороне,
Коль на тебя взор мой глядит, взор мой
глядит, взор мой глядит.

Ценней тебя клада не зрим.
Мой долог плен, свыкся я с ним.
Змеиться ль, яр, косам твоим,
Если в их мрак жемчуг не ввит, жемчуг не
ввит, жемчуг не ввит.

Меня ль поймать черной косою,
Коль нет в ночи розы со мной?
Тебе ль цвести светлой весной,
Если Саят не приютит, не приютит,
не приютит.

10 июня 1758

Смерть придет ко мне незванно, — и себе я кров ищу.
 Для злокозненных и низких я клянущих слов ищу.
 Что мне помнить о минувшем! Новых берегов ищу.
 Мир усопшим! Тех, кто ныне мне внимать готов, ищу.

Я — певец любви. Откуда этот дар ниспослан мне?
 Он мой разум жжет, как пламя, а ведь я и так в огне.
 Мирно, мать моя, покойся ты в загробной тишине!
 С молоком свой дар впитал я. Млечных я ручьев ищу.

Как и мельницы, напевы не завертятся без вод.
 Песнь меня в безумье ввергнет, вмиг мой разум
разорвет.
 В розы сердце обратилось, в лепестковый хоровод.
 Не всегда ценю я знатных, в друге не чинов ищу.

Я попал в любви пучину, я чуть сдерживаю крик.
 Вот я чувствую: без сил я, воют волны, скроют вмиг.
 В песнях и четвертой доли мастерства я не достиг.
 Ученик я, чтоб учиться, лучших мастеров ищу.

Песнопенье, словно пламя, сердце всё мое сожгло.
 Душу, тело мне сжигает, разум вихрем унесло.
 Плачь, Саят-Нова безумный, проклинай ты это зло.
 От невнемлющих не сгину. В мире свой улов ищу.

9 июля 1758

Яр, мук терпеть не стану, нету силы.
 Не ты ль мне жилы вскрыла — пожалей!
 Перевяжи мне рану, нету силы.
 Рука мне изменила, пожалей!

Я, жертва кос, обрызганных росой,
 Брел в полнолуние лунной полосой,
 На огонек летел, пленен красой,
 Ты мотыльку светила — пожалей!

Подстреленный олень я — скал не вижу«
Где кравчий? Я вина искал, не вижу.
Сад соловьиный темен стал — не вижу.
Бутону червь — могила, пожалей!

Двух родинок у влажных уст я жажду,
Дай меда ласки, кубок пуст — я жажду.
Той шали, что как в розах куст, я жажду,
Парчой ты день затмила, пожалей!

Ах, вступит скорбь в свои права однажды,
Ужалят в сердце яр слова однажды.
Есть божий раб Саят-Нова. Однажды
Того, кого сгубила, пожалей.

1758

98

Слова великих мудрецов —
Свет, им ниспосланный с вершин.
Как струны стройные, должны
Они звучать среди долин.

Лишь друг твой помнит о судьбе
Твоей и о твоей алчбе.
Как зубы — телу, так — тебе
Он помогает, он один.

Я плачу в горести разлук.
Бреду, ищу, гляжу вокруг.
Для друга неподкупный друг —
Целенье всех его кручин.

Герой в дали любых краев
Превыше тысячи купцов.
И если честь его покров —
Его наполнится овин.

Тем, кто с рассветом на восток
Не взглянет, — это им не впрок.
Саят-Нова от них далек.
Он в вере тверд, он — армянин.

1758

В морях любви на дне есть жемчуг, и вот оттуда
 кладь моя,
 Шелка цветов рубина, перла иль изумруда —
 кладь моя,
 Неведомые благовонья в стекле сосуда — кладь моя.
 Ты — всех не видевших приманка, души причуда —
 кладь моя.
 Имбирь, гвоздика, мир, терпенье и прелесть чуда —
 кладь моя.

Художники со всей вселенной пускай сберутся
 вокруг меня,
 Индийский резчик пусть рассмотрит узоры, тонкость
 оценя.
 Любуйтесь яхонтом, рубином, игрой их тайного огня.
 Заворожит вас шелк, и бархат, и златоткань,
 к себе маня.
 Искусно убрана, с умением — не сыщешь худа —
 кладь моя.

Так тяжела! — слону не сдвинуть, не унести и
 на спине,
 Ни за один рубин не смог я сойтись с оценщиком
 в цене.
 На тысячу затворов заперт любой ларец в моей казне.
 А в сердце горн такой пылает, что и в потоп
 сгоришь в огне.
 Сожжет вас, если не уйдете тотчас отсюда, кладь моя.

Эй, господа, боюсь, расхитят поклажу ценную мою,
 Я лучше вьюк за вьюком вскрою — вам покажу,
 о чем пою.
 Товар возьмете — не возьмете — себя вам в жертву
 отдаю.
 Я вьюк раскрыл: разнесся запах — вдыхайте сладкую
 струю.
 Дошаб, шербет, миндаль и сахар, варенья блюда —
 кладь моя.

Алмазными пусть станут скалы, — на что они моим
 очам?
 Другие пусть ко мне подходят, а к ним не подойду
 я сам.

Но не приблизитесь вы, знаю, огонь любви опасен
вам.
Послушайте, друзья, не верьте, прошу, Саят-Новы
словам.
Ведь так нежна, что в зной растает, как снега гряда,
кладь моя.

100

Всё расскажу о родинках любимой:
Одна — Иран, играя, покорила,
Одна — взяла весь мир необозримый,
Сердца — другая, злая, покорила.

Одна теперь — владычица морская,
И Гюмушхан ей платит дань, вздыхая;
Вселенной солнце яркое — другая,
Владычица земная, покорила.

Одна — всегда добром и злом играла,
В горах дремучих ланям стрелы слала,
Одна — прекрасней яхонта и лала;
Какой алмаз другая покорила!

Одна, майдан тбилисский тенью кроя,
Купцам и нищим не дает покоя;
Другая — ищущего яр — без боя,
Сама того не зная, покорила.

Одна — чернеет, звезды затмевая,
Другая — скрыла небеса до края;
Одна — пленила песню, а другая —
Саят-Нову, терзая, покорила.

101

Надела золотую ткань на пурпурный атлас — яр.
Художник мушку начертил: таков был мой приказ, яр;
Твоя улыбка — яркий лал, и жемчуг, и алмаз, яр.
Прекрасный вырез губ твоих чуждается прекрас, яр!

Безумец я, не нахожу тебя достойных похвал;
«Взгляни!» — молил я — не глядишь. Любви мой
разум искал —
Ты унесла его с собой, я беден мыслями стал,
В кувшин китайский слезы лью из опаленных глаз, яр.

Где дни? Где ночи? Я забрел в неизвестные места.
На быстром скакуне любви летит твоя красота,
В зеленом, в синем, в красном ты — тебе к лицу
пестрота,
Шелк, бархат, златоткань, парча — ты в новом
каждый раз, яр.

Как бабочка вокруг свечи, в огне любовном сную:
Не сгину, если покорю возлюбленную мою.
Я тучу локонов твоих под жгучим ветром пою.
От сглазу верный амулет надень в недобрый час, яр.

Схватил ли я — Саят-Нова — свою любовь за рукав?
Я обезумел, как Бахлул, в ее засаду попал.
«Приди!» — воззвал, за песню песнь, как яхонты,
распродав, —
И шелест платья твоего меня от горя спас, яр!

102

Я тобой измучен, о моя пери!
Душу обожгла мне, извела не ты ли?
Плач мой, что все ночи слышен до зари,
По садам окрестным разнесла не ты ли?

Кинул свой улус я, мне возврата нет.
И в своих скитаньях весь прошел я свет,
Кто скрутил мне жилы, сгорбил мой хребет?
Стан мой в лук согнула, о стрела, не ты ли?

Как Меджнун в пустыне, я не жду отрад.
Притчей во языцех стал я, как Фархад.
Вот Саят-Нова твой! Он и жить не рад.
Жизнь его на гибель обрекла не ты ли?

И тебя, тоска, достиг он,
Мчась, рыдая, кругом, кругом.

Соловья от роз прогнал ты,
В тьму грозой угроз прогнал ты,
И меня, без слез, прогнал ты,
Враг, блуждая крутом, кругом.

Строже яр мне не встречалось.
Так скорбеть мне не случалось.
Счастья колесо умчалось —
Вдаль стремится кругом, кругом.

Я — Саят-Нова, и яр я
В стойкой страсти. Верен яр я.
Камня отведу ль удар я, —
Вот он мчится кругом, кругом!

105

Это к нам идет княжна. Кто ее стройней?
Куропатка, ты нежна, ближе подойди!
Соловей любви моей, пестрый соловей,
Слово молви поскорей, ближе подойди!

Где же, добрая, твой рай? Злая, весть подай
И слезам не позволяй литься через край,
Взором лани засверкай, похвалам внимай,
К нам, нарядная, как май, ближе подойди!

Твой Саят-Нова молчит, имя яр таит
И на площадь не влачит горестных обид,
Он удачей позабыт: счастье прочь бежит.
Победи свой робкий стыд, ближе подойди!

106

Ты кисти Индостана вдохновенье,
Лицом румяна — золото Египта,
Сирень, тюльпана нежное цветенье!
На тополь стана взглянешь — и погиб ты!

Приди, пленяя родинкою черной,
Ты вспыхнула зарей дороги торной,
Ни жив ни мертв я, лишь в тоске покорной
Зываю, как Лохман: еще мгновенье!

Газель, ты гибко вытянула шею —
Сладка, как сахар, грацией своею.
Приди, голубка, злую кинь затею,
Не дай Медждуна испытать мученье!

Не гребнем — лаской кудри разделю я;
Ты — солнце, жду, как роза, поцелую
Я, от любви безумствуя, ревнуя,
Бахлул я, чей удел — уединенье.

Саят-Нову разишь ты нежной дланью,
Весь Индостан тебе да будет данью,
Сравнима ты лишь с индостанской тканью.
Кипр и Хиос отдам за кос плененье.

107

Схожа с ланью, убежавшей от ловца,
Горделива и скромна проходит яр.
Красит родинка атлас ее лица,
В пояске златом, стройна, проходит яр.

Заклеймила и в полон меня взяла,
Цепь любви стальную яр, звеня, взяла,
Солнца яркого лучи у дня взяла,
Как прелестная луна, проходит яр.

На рожденную от феи дочь — взгляни,
Зубы — жемчуг, все равны точь-в-точь, —
взгляни.

Кудри — змеи, а темны как ночь — взгляни.
Змей клубком оплетена, проходит яр.

Раны, горлинка, не бери моей,
Буря, пламя и пожар в груди моей.
Гибель от судьбы ты отведи моей, —
Словно море холодна, проходит яр.

Гиацинт, ковыль — шелка волос ее,
Создал бог под стать ей прелесть кос ее.
Друг Саят-Нова, люби без слез ее,
В золотой парче, одна, проходит яр.

108

О тебе распевал не один ашуг, —
Песнь моя горячей, я сожжен, сожжен.
Ты — свет солнца, похитивший лунный круг,
Блеском лунных лучей я сожжен, сожжен.

Обернулась листком золотым луна,
Принеси ты мне полный пинджан вина,
Знаю: мудростью редкой облечена.
Тайной женских затей я сожжен, сожжен.

Как с высоким чинаром тебя сравню, —
Срубят бедный чинар — отдадут огню.
Ты меняешь свой облик сто раз на дню,
Жемчугами речей я сожжен, сожжен.

Я измаян любовью, подай мне весть.
Потерял я рассудок, покой и честь,
Возле губ твоих родинок мне не счесть, —
Черной — цвета ночей — я сожжен, сожжен.

Сердце рвется к моей чаровнице, яр.
Пригвоздила меня ты к темнице, яр.
Ах, Саят-Нова в огневице, яр.
Коль не твой, так ничей. Я сожжен, сожжен.

109

Розой раскрылась прелесть любимой.
Родинка — роза, щеки — роза, рот — роза.
Ждет соловей, любовью томимый.
Снится мне роза, где же роза? Вот роза.

Если ловец ты — спеша за ланью,
Если купец — угождай желанью,

В пышном наряде, сверкаешь тканью —
Вышиты розы: нечет — роза, чет — роза.

Сада царица мной завладела,
Плачу, рыдаю я то и дело,
Сыплешь слова в разговоре смело.
Речь твоя — роза, сладость — роза, мед — роза.

Розовый куст — восхищенье взора.
Знаю: убьешь соловья ты скоро.
Время не тронет красы убора,
Вечно ты — роза: месяц — роза, год — роза.

Если б взглядом ты подарила,
Сердце шипом, как мечом, пронзила,
Пусть бы Саят-Нову ты опалила,
Жаркая — роза, пламя — роза, жжет — роза.

110

Дрожа, предложил я безжалостной яр:
«Твой — сад, мой — куст роз, тень близ тына — твоя».
Посмотрим, отдаст ли хозяин свой сад.
«Шамам — твой, мой — нож; грядка тмина — твоя».

Послушайте только, что хочет она:
Сжать в пальчиках дух мой, желаньем полна,
Порхать не велит мне над садом, — грозна!
«Твой — розан, бюльбюль — мой, долина — твоя».

В безумство повергла меня западня.
Ты речь свою мечешь, как стрелы, в меня.
Как выдержит грудь моя столько огня!
Лук — твой, мой — недуг, а кручина — твоя.

Уста твои — сахар, уста твои — мед.
Ну кто же, твой лик увидав, не замрет?
Огонь твоей страсти мне крылья сожжет.
Полет — мой, огонь — твой, кончина — моя.

Охотился я — сокол сети порвал.
Я нацелился в лань, да в себя я попал.
Саят-Нова сладостно так прошептал:
«Твой — сахар, шербет — мой, половина — твоя».

Когда плывешь ты по морю любви,
Челна не промочи, Саят-Нова!

Всё в ранах, сердце, ноешь ты о ком?
Ты на свече сгорело мотыльком.
Убей газель, искусным будь стрелком,
И на плечах влачи, Саят-Нова!

Ты с азбукой знаком, ты грамотей,
Стихи для милой золотом расшей.
Яр потерял — ищи других страстей.
У бога все ключи, Саят-Нова.

Бессмертной влаги взял у музыки ты.
Огонь потух, сосуды все пусты.
Ты прожил тридцать лет средь темноты, —
Недуг свой излечи, Саят-Нова!

113

Глянь на грудь мою, — не кровь ли всё течет,
всё течет!

Я измучился, всё жду я нежной яр, милой яр.
День и ночь она мне душу всё влечет, всё влечет,
Я измучился, всё жду я нежной яр, милой яр.

Ну скажи мне, что я сделал, в чем вина, в чем вина?
Это сердце отдал милой я навек, я сполна.
Как Бахлул, в сетях уснул я, и в душе ты одна.
Я измучился, всё жду я нежной яр, милой яр.

Заболел я, а лекарства не найти, не найти.
Чтоб избежать бед любовных, не обрел я пути.
Мчится уточка к озерам, мне невмочь к ней пройти.
Я измучился, всё жду я нежной яр, милой яр.

Стал пловцом я, в волнах моря я поплыл, я поплыл.
Как Фархад, горел и в скалы ударял что есть сил.
Как Меджнун, к Лейле взывая, по пескам я бродил.
Я измучился, всё жду я нежной яр, милой яр.

Вся в крови, как видно, печень — и горит, и горит.
Вскрыто сердце, и из сердца путь для крови открыт.
И Саят-Нова рыдает и твердит, говорит:
«Я измучился, всё жду я нежной яр, милой яр».

114

Весть пришла от яр прелестной:
«Ни приветам, — говорит, —
Ни слезам его не внемлю, ни обетам! — говорит. —
О моих сердечных тайнах с целым светом говорит, —
Всё равно мне, что случится с тем поэтом!» —
говорит.

Брови яр — тугие луки, а ресницы — стрел грозней;
Вдалеке она гуляет, с милой — встретиться не смей!
Эй, друзья, кто горе мыкал? Что вы скажете о ней?
Молвишь: «Здравствуй!» — отвернется. «Что мне
в этом?» — говорит.

Соловей безумный страждет, в тяжких ранах грудь
певца:
В мире этом у красавиц беспощадные сердца.
Твой Саят-Нова погибнет, но до смертного конца
Он твоим любимым будет! «Нет уж, где там!» —
говорит.

115

«Мир — ничто», — мне кто-то шепчет меж
ветвей.

Петь, играть, мечтать о пире я страшусь.
Ах, в гнездо свое умчится соловей.
Сирой клетки, птах в эфире я страшусь.

Смертный час натянет лук — и в свой черед
Мир души твоей, нагрянув, рассечет,
Струны сердца твоего переберет, —
Игрока на этой лире я страшусь.

Смертный час придет и встанет надо мной,
Мне минуты не подарит ни одной,

Шелк возьмет, заменит скудной пеленой.
Этих мен в подлунной шири я страшусь.

Но «купец» без спроса в двери постучит,
Он с болящим телом душу разлучит.
Пять аршин он мне полотнища всучит.
И его всех больше в мире я страшусь.

Говорит Саят-Нова: беда идет.
Вы, грешившие! Она сюда идет!
Боже милостивый, час — мзда идет!
Взвесят грех. Весов и гири я страшусь.

116

Охотнику оленя не настичь
Такого, что сдирает шкуру льва.
В капкан скорее попадется дичь, —
Сильнее в мире хитрости права.

Есть люди, у которых ум в ногах,
Невежды, чей неверен каждый шаг.
Есть змеи, прячущие хвост в ушах, —
Ничто им заклинателей слова.

Лишь мудрый зодчий возведет чертог,
Он должен знать всему черед и срок.
Ашуг, ты то же, что лихой стрелок.
Без масла жарить — зря палить дрова.

Все на любовь летят, как мотыльки,
Увы... любви дороги нележки,
Ширин пленилась музыкой кирки,
«К чему бить скалы?!» — говорит молва.

Где Шах Надир, католикос Казар,
Меликом бывший властный Минишкар,
Где ныне правый суд, а не базар?
Их нет, увы... Как быть, Саят-Нова?

Порой любовь другую хочу найти,
 Но споры и раздоры придут, уйдут!
 На милую и злую взглянуть боюсь:
 Насмешливые взоры придут, уйдут.

Я стал золой и жаром: пришел мой час.
 Ты, скромница, недаром не кажешь глаз:
 С другим смеешься яром? — пускай для вас
 Весна и счастье в горы придут, уйдут!

Твой род благословенный храни, творец!
 Чей стих тебя достоин, какой венец?
 Туда, где ты заплачешь, придет певец,
 Согласных сазов хоры придут, уйдут.

Терзаюсь: ты нужна мне, любовь моя,
 Жизнь разобью о камни, любовь моя,
 Клялась, так будь верна мне, любовь моя,
 Иль дни твои, как вору, придут, уйдут!

Саят-Нове покоя не знать, пока
 Над ним кинжал заносит твоя рука.
 О, пощади, голубка! Пускай тоска
 И злой виновник ссоры придут, уйдут!

Какую ты преследовала цель,
 Когда в тот миг уста твои молчали?
 Я болен, яр. Твои глаза — ужель
 Моих кровавых слез не замечали?

Приди, взгляни, метни в меня копье!
 Я сам подставляю грудь под острие.
 Скажи, зачем, сокровище мое,
 Конец любви пришел в ее начале?

Джан, отзовись на мой протяжный стон,
 Ты выжимаешь сердце, как лимон,
 Я на позор тобою обречен, —
 Когда певцу бесчестие прощали?

В моем краю мелькнула джан, как тень,
Не оживет застреленный олень.
Без добрых дел проходит долгий день.
Я по своей вине томлюсь в печали.

Саят-Нова сказал: «Я на свечу,
Как бабочка влюбленная, лечу,
В огне любви я так сгореть хочу,
Чтоб искры яр мою не обжигали!»

119

Из-за тебя, красавица, в морях страстей — погибну,
Из-за очей, и стрел ресниц, и дуг бровей — погибну;
Одной улыбкой розовой, как соловей, прельщенный,
Из-за цветенья белого груди твоей — погибну.

Смотри: я стал язычником, душа как пламень стала;
Я сохранил достоинство, изведав бед немало;
Одну печаль я выгадал, купец без капитала;
В объятьях горя жгучего, в плену скорбей — погибну.

Я в Грузии, среди князей, напрасно жизнь растрочу.
У яр душа темна как ночь, и вот — я кровью плачу.
Сберег я честь народную, клеймо бесчестья прячу,
Из-за любви — Саят-Нова — в расцвете дней —
погибну.

120

С поникшей головой, в цепях,
Я — пленник твой, любимая.
Вот я у ног твоих, я — прах,
Я — пленник твой, любимая.

Ты свет у солнца отняла,
Твой луч — горячая стрела, —
Сгорят мои глаза дотла,
Я — пленник твой, любимая.

Я ранен, я умру в бреду,
С ума сойду, с ума сойду,
В твоих цепях к тебе приду,
Я — пленник твой, любимая.

Молю — скиталец-соловей —
О, пригвозди меня скорей
У запертых твоих дверей,
Я — пленник твой, любимая.

Ты — роза, джан, а я — трава.
Смотри: я мертв, а ты — жива.
«Клянусь, — поет Саят-Нова, —
Я — пленник твой, любимая!»

121

Вы послушайте, что молвит вам ваш раб.
Многих сладостных певцов — о горе! — нет:
Много их в мир приходило и ушло.
Многих певших о любимом взоре — нет.

Все ушли, любовных слов не дождались.
Их сомкнулись рты, плодов не дождались.
Искандера сны миров не дождались,
И порфир да и парчи в узоре — нет.

И с жезлом своим, в пределы птичьих стай,
Моисей поднялся на гору Синай.
Озарил огнем он весь подлунный край,
Но огня, что мог бы сжечь и море, — нет.

Снова раны мои кровью потекут,
Коль друзья меня погибнувшим сочтут
И сородичи, забыв меня, уйдут...
Горе! Матери в подлунном хоре — нет.

Вами мудрым каждый назван пустозвон.
И юнец у нас почетом облачен.
Обратитесь вы к Саят-Нове, но он
Скажет: «В путь!» — и вот его уж вскоре — нет.

Взываю к господу, судьбы злой приговор найдя, найдя.
Отринь, господь, мою беду, беде отпор найдя, найдя.

Сберечь вино твое не смог.
Я стал от родины далек.
Я пал в огонь, как мотылек,
Себе костер найдя, найдя.

И край чужой, что мне предстал,
Мне слать печали не устал...
Я, как Фархад, несчастным стал,
Твердыню гор найдя, найдя.

Охотник я, — да где простор?
Для дикой утки нет озер!
Бюльбюль, я плачу: тли узор
Не раз у роз — найдя, найдя.

Саят-Нова я, я — без сил.
Я пал, я страсть к тебе вкусил.
Ствол дней своих я подкосил,
Твой милый взор найдя, найдя.

Дикий мак, затесавшись в прелестный цветник,
В нем себя, загордясь, небесправным сочтет.
И, не зная о розе, мечтой соловья
Он себя в заблужденье забавном сочтет.

Кто даст нищим дворец? Не возьму это в толк!
Обращается ль холст — как ни крась его — в шелк?
Я стенаю, предвидя, — нет, стон мой не смолк!
Каждый встречный себя скоро славным сочтет.

Что за стрелы, что ранят без крови и ран?
Есть и птица «красильщик» — да где ее чан?
Неуч, если ему дар злоречия дан,
С человеком себя также равным сочтет.

Сходства ищут иные с собою в горах,
Да нагрянувший ветер разносит их прах.
А другой, хоть червяк порождает в нем страх,
Против чудищ мечом себя главным сочтет!

Сердце! Страсти безумной смиришь ли порыв?
Погрузилось ты в страсть, мою грудь заклеймив.
Плачет, плачет Саят. Ныне, льва победив,
И лисица царем себя явным сочтет!

124

Да будут смертному слова мои ясны:
Знай, солнце в небе до зари не встанет.
Друзья, бегите прочь от козней сатаны,
Чужой пусть в двери сердца не заглянет.

Лампаду правды жги, а серу затуши,
Блюда спокойствие и чистоту души,
Язык нам богом дан, — злословьем не греши,
Двух струй из одного ключа не прянет.

В народе говорят: племянник с дядей схож,
Чинар плодов не даст, зато высок, пригож.
Имеет корень всё, и ты в свой род идешь.
Корицей пшат благоухать не станет.

По сердцу друга мне я в мире не найду
И, сетуя, кричу всем про свою беду.
Не рыл соседям ям и сам не попаду.
Пусть я сгорю, а правда не обманет.

Саят-Нова твердит: себя от бурь укрой,
Что буря сделает с высокою горой?
На камне прочном ты очаг души построй.
Ковчегом он в потоп всплывет — не канет.

Строгает бедный гроб столяр,
Готовит смерть свой страшный дар,
Меня дворцы не слышат, яр,
Скорбит Саят-Нова, взывая,
взывая, взывая.

127

От любви мне дышать невмочь,
Жар в крови, сам себе не рад.
Кудри милой черны, как ночь.
Ты с утра фиалковый сад поливала,
поливала, поливала.

Заблудившийся соловей,
Не сыщу я родных ветвей,
Обесславлен молвой людей.
А себя ты пред ней стократ оправдала,
оправдала, оправдала.

Виночерпица, дай вина!
Жизнь моя тебе отдана.
Наковальня раскалена,
В горне сердца ты жаркий ад раздувала,
раздувала, раздувала.

Дай сказать, погоди чуть-чуть,
О желанной вздыхает грудь,
Кровью застлан взор — не взглянуть!
Жжет мне грудь — так клеймом клеймят —
жар металла, жар металла, жар металла.

Я в тоске и слезах живу.
Я стрелой твой язык зову.
Для чего ты Саят-Нову —
Пред тобой он не виноват — наказала,
наказала, наказала?

128

Этот — друг твой, а та вот — услада ночей.
Этот — в розах, а тот — меж колючих ветвей.
Этот — лишь попугай, ну а тот — соловей.
Этот — сахар вкушает, а тот — ляблябу,

Этот — всё веселится, тот — горестью пьян.
Этот — взял золотник, а вон тот — взял батман.
Здесь различные судьбы раскинули стан:
Этот — жизни исполнен, тот, бедный, — в гробу.

Этот — в полном достатке, тот — нищ, словномышь.
Этот — тянет винцо, тот — глотает гашиш.
Этот — с сазом бредет, тот вон с цитрой, глядишь.
Этот — празднует пир, тот — кусает губу.

Этот — спит, тот — подушек и не обнимал.
Этот — трезв, тот вон в винах, знать, толк понимал.
Этот — руку расшиб, тот — он ногу сломал.
Этот — мазь от ушибов размазал на лбу.

Где ж родился Саят? Сказал тот — Хамадан,
Этот — Инд. Нет, отец мой из дальних был стран:
Жил в Алеппо; а мать — авлабарка; мне дан
Свет в Тбилиси — свою в нем нашел я судьбу.

129

Хоть мастер опытный, весьма искусен ты, —
О том, что золотом заткали, говорят.
Увидев золотом расшитые шелка,
Про ткань индийскую едва ли говорят.

Не знает горя тот, кто истину блюдет.
Пусть продает он шелк, пусть холст он продает.
Не о камнях, что спят во тьме земных пород, —
О тех, что строим стен предстали, говорят.

Как речь у мастера быть может не стройна?
Нет, без добычи быть охота не должна!
Брось иву, для огнив нужна ведь не она!
Лишь о сверкающей нам стали говорят.

Краса красавицы в руне ее кудрей.
Благовоспитанность — добротный шелк мужей.
В нечестном — яд; о том, чей ясен блеск очей,
Кто не нуждается в забрале, говорят.

У множества певцов любовный жар в крови.
Влюбленный — в горестях, как радость ни зови.
В Тбилиси, у грузин, поборником любви
Тебя, Саят-Нова, назвали, говорят.

Красавица, любовью я сражен,
Стрелой твоей я в сердце поражен,
Огнем твоим палящим обожжен...
Ах, яр! Не хочет ждать меня она!

Хочу я прилететь к любви своей,
Над розою запеть, как соловей,
Как бабочка, сгореть в огне лучей...
Ах, яр! Не хочет знать меня она!

Красавица, приди же, позови.
Не уязвляй меня стрелой любви,
Помилуй! Сердце у меня в крови...
Ах, яр! Не хочет звать меня она!

Яр отвернулась. Я затосковал.
Яр стала розой. Соловьём я стал.
Так суждено, — Саят-Нова сказал, —
Что выпало на долю — взять сполна.

133

Душа у нас подобна келье без окна:
Вместилище она жемчужин и зерна.
Но как понять невежде, чем она полна?
Как знать, какая тем жемчужинам цена?

Носящего одно и тысячу имен
Благослови: велик и милосерден он.
Взыскующий чудес да узрит дивный трон!
Кто сына даст ему? Воздаст ему сполна?

Наш мир — тяжелый трон, не взвешен
в небесах.

Ашуга долю ты не взвесишь на весах...
Тот, кто не хочет знать забот о стариках,
Бессмысленный телок, и грош ему цена.

Бог создал целый мир и родину мою,
Открой глаза, смотри, и слушай, что пою.
Сказал Саят-Нова: живу я в сем краю,
А родина отца — Халеб иль Адана,

Во имя преданной любви произнеси хоть что-нибудь!
 Как сладостны слова твои, и кажется, всё впереди...
 О, если любишь ты хлеб-соль, красавица, нежнее
 В смущенье старца не ввергай и мудреца ты пощади. ^{будь,}

Я в сад красавицы моей вошел, волненья не тая,
 Вдыхал я розы аромат и слушал пенье соловья.
 И вдруг увидел — среди роз идет любимая моя,
 И голову я потерял и стон едва сдержал в груди.

Когда нанизывала яр на нить кораллы — я смотрел.
 Когда вкушала сласти яр — на губы алые смотрел.
 Когда она в своем саду меж роз гуляла — я смотрел.
 Поэтому я и кружусь весь день, шепча: не уходи...

Ты, тайны букв раскрыв, меня своей любовью ^{назвала...}
 Свершаю пять проступков в день, с бездельем ^{путаю дела.}
 Молю, чтоб от чужого ты меня немедля отвела, —
 Не будь несправедлива, яр, и лжи дорогу прегради!

Я болен от любви к тебе, едва дышу, едва живу.
 Ты не во сне и не в мечтах меня лечи, а наяву.
 Яр, заклинаю, пощади ты своего Саят-Нову —
 Скорей лекарство другу дай, скорей на помощь ^{приходи!}

Заклинаю тебя, свет моих седин,
 Нежной речью своей губы услади,
 Если хлеб для тебя тот же, что для нас,
 Горький жар погаси у меня в груди.

Будто вновь я вхожу в сад прекрасных грез,
 Где поет соловей лучшую из роз,

Нежный стан промелькнул средь цветущих лоз —
Разум прочь отлетел, мук сердечных жди.

Ясный отблеск монист у меня в глазах,
Сахар тающих уст у меня в глазах,
Сад цветущий окрест у меня в глазах,
Я кружу — не достать розу посреди.

С первых букв пишешь ты: «Я любовь твоя».
А с ответной строкой не справляюсь я.
Стыдно песню просить мне у соловья,
До такого греха ты не доводи.

Болен я от любви, я тебя зову,
Чар своих не веди к злomu волшебству,
Брось целительный взгляд на Саят-Нову,
Помоги, не губи, друга пощади.

136

Коварносердая моя, ко мне с весны ты не идешь.
Сомненьями истерзан я, но даже в сны ты не идешь.
Давно святые клятвы мной принесены — ты не идешь.
Какие сладости тебе припасены! — ты не идешь.

«Я стану нежным мотыльком на лепестке твоём», — пишу.
«Я твой навеки верный раб, поющий соловьем», — пишу.
«Нездешней розой загляну в твой чистый водоем», — пишу.

Уж ветви персика в саду плодам тесны — ты не идешь.

Как будто, лучший стих прочтя, «то стих не мой», — ты говоришь,
Зеницы цветом поразив, «то цвет не мой», — ты говоришь,
Звездой в небе засияв, «то свет не мой», — ты говоришь.
Звезда, ты ищешь звезд других, ко мне ж и в сны ты не идешь.

Говорят, Шахатаи, ты земных основ создатель,
 Мира должного творец, всемогущих слов создатель.

Для меня, ученика, воля добрая — наставник,
 Слезы и любовь — мои, а слова дарил ты, мастер.

Истины открыл я дверь, и вина любви испил я,
 Прочитал любовно я всё, что сотворил ты, мастер.

Я благословлю того, в ком я мастера услышу,
 Но испарив, я не взлечу в небо, где царил ты, мастер.

Я свои слова скажу другу, что стоит за правду,
 Сохранив в душе навек те, что говорил ты, мастер.

Славлю я, Саят-Нова, мастера благоговейно...
 Оком стану я твоим, коль достанет силы, мастер!

Шахатаи, обращаюсь я к господу: сжался!
 Кровью, текущей во мне, заклинаю я: сжался!
 Любящий — ум потеряет и горе увидит,
 Тысячи бед в примиренье и ссоре увидит.

Сети любви, — сколько в них простаков
 попадает!
 Кто не учился у мастера — горе увидит.
 Не проведешь знатока на подделке — не выйдет!
 Он не лицо — твою душу во взоре увидит.

Черная шерсть, что ни делайте, алой не будет.
 Знай, у араба и родинки малой не будет.
 А у вороны бесценного лала не будет.
 И у верблюда подковы, пожалуй, не будет.

Меда — у блох, на равнине обвала не будет.
Праведник небо в алмазном узоре увидит.
Сплю и не сплю я — глаза мои смотрят бессонно:
Сколько Саят-Нова в жизненном море увидит...

140

С душою тело не в ладу, в крови смертельный бродит яд,
Творец, Создатель, помоги, мольбы мои к тебе летят!
Учитель, Мастер, подскажи — кричу тебе, тоской
объят, —
Где в этом мире Человек? Повсюду нелюди кишат,
Разбит сосуд волшебный мой, лежат осколки
предо мной...
Не вынес бы никто другой всей тяжести моих утрат!
Как свято верит сирота: настанет час, и мать
придет, —
Так верить я не устаю: Он, не способный лгать,
придет,
Чтоб всё увидеть и понять, чтоб верным другом стать,
придет,
Мое молчание прервать, моим речам внимать придет, —
Он в бриллиантах знает толк, оценит серебро
и шелк —
Богат, как в Дели, мой базар — здесь песни
грудами лежат!

Скирдой сгорая на ветру, я воспеваю жребий мой —
Под солнцем изнываю днем, страдаю ночью под луной,
То счастье вьется надо мной, то горе гонится
за мной, —
В Дамаске ткали эту ткань, она с индийской бахромой,
Ее волшебные цвета, оттенки, блески, пестрота
И византийского купца взгляд искушенный поразят!

Нам скромность Мастер завещал, о ней не стоит
забывать!
Не подобает горсть песку горой алмазов называть,
При звоне золота дрожать, глаза на правду закрывать!

ПРИЛОЖЕНИЕ

О, что я натворил! Беда непоправима!
 Изгнание — жребий мой. Рыдая, ухожу.
 Мне ль море переплыть? Оно необозримо!
 Безумный, чуть живой, рыдая, ухожу!

Шелковица моя вдруг стала горше яда...
 О, как я согрешил — и поделом награда,
 Кровь вливший в молоко заслуживает ада!
 Прощай, мой край родной! Рыдая, ухожу!

О, горе соловью — алал над розой вьется,
 Красавицу мою отдать ему придется,
 Мой клад, мой Бадахшан другому достается —
 Я с нищенской сумой, рыдая, ухожу.

Как горько я стонал — но что мои стенанья!
 Я понял — хоть умри, не будет оправданья,
 Возлюбленная! нет суровой испытанья —
 Я, изгнанный тобой, рыдая, ухожу!

Уйдет Саят-Нова, заслужена расплата!
 Творец! Пусть изгнан я во имя счастья брата —
 Души не изгоняй, она не виновата...
 Охваченный тоской, рыдая, ухожу!

6 марта 1758

Пахнут волосы реханом — мне по нраву эта прядь!
 Бровь — согласен я с каламом — так и надо рисовать!
 Пусть разят ресницы-стрелы, я готов мишенью стать,
 В пламень взора брошусь смело — в нем не страшно
 погибать!

Со щеки твоей румяной мне ли звездочка мигнет?
 Чудо, светоч Индостана, не согреет, обожжет!
 Эти зубы — перлов краше, эти речи — чистый мед,
 Только зря готовлю чашу — меду мне не собирать!

У тебя лебяжья шея, юный лик — сродни луне,
 Ты всё время хорошеешь, не тоскуя обо мне!
 О, самшитовые руки, пальцы-свечи! Я в огне,
 Как прожить мне эти ночи, как рассудок удержать?

Но безумье одолело, всё кричу: аман, аман!
 От плечей лилейно-белых в голове моей туман,
 Эти с родинкой шамамы! Ах, не мне судьбою дан
 На лугу родник молочный... о, аман! — кричу опять.

Пой, Саят-Нова несчастный, о красавице своей!
 Что прямой струны на свете? Тонкий стан ее прямой!
 Лань прекрасна, лань жестока! Умоляю: пожалей —
 От любви неуголенной так обидно умирать!

Тебе, о мученик святой, греметь осанна не устала,
 Неповторимый жребий твой — великой истины начало!
 Ты говорил, и с губ твоих алмазы падали и лалы...
 Ты веровал с младых ногтей, и это близких изумляло;
 Твоим пророческим речам пустыня знойная внимала!

Избрав купелью Иордан, ты, Ованнес, Христа крестил,
 Ты бога тройственную суть для всех, кто верует, открыл,
 В пещере ты Отца молил, чтоб Он детей своих щадил,
 Злой дух тебя не соблазнил; ты меду дикого вкусил —
 И стала сладкой речь твоя, понятной и желанной стала!

Средь смертных нет тебя славней, в священной книге
 первый — ты,
 Увенчано твое чело венцом добра и правоты,

Վախճան Կարանէ քովն խաչնուն Կարան քարնի պէ
 Վախճանի Կարանի քովն արիւնքն արիւնքն արիւնքն արիւնքն
 զաւարիչ տուն մարտնախնայ սոցլա քարնի պէնապի նպո
 Կարան մէջնն էմտուն մ բրգա քարնի պէնապի Կարան
 Նամու Կարանն Կարանիւնդա մե սանա զու լամ զէ
 մի ռօրանն իմ քարվնա Բար զարիբ բը ժուամ զէնն
 բաղա ճիւղա Էջմարտը ճուղա մանգուլամ զէնն ջափա
 չաքտուն բարձրարուն մ Բաղա բարուն զէննադէ
 Վախճան Կարան արի խունի բիր Կարան անապամ զէնն ո
 Իրար Իւո ճի մուխամալ բիր այրի ճիւղամ զէնն ջուր
 սանձուր քամն չա սին մէծիբարու ճանգամ պէնն սե

Բախճան մոյղուլովն սաղա բարուն պէնապի
 Վախճանի էջն սաղա ճիւղա այրա ջան բանադ օրմի
 Կարանի Կարանի Կարանի բունա բարձ անդ օրմի ո
 Եւ ճիւղն զէնն ջա նա աջար ճիւղ օրմի լարիւնդ արիւ
 բուլարն մաղա քարուն պէնապի

Կարանի ճարտիւն լիծովն արլիւն արլու մ լիւնա դն
 բարձրնա զբլր ուղու պէ բօրանն իսինապան ճիւղ
 Փիրուն ճիւղա վերմի պէնապի ճիւղ փնապան սաղապ հոգա
 չաքն ճիւղա Կարան
 բուն պէնապի ջ

Կարանի ճիւղն աստէ Եւրոպ

Վախճանի զաւարտն ճիւղն ճիւղա սու սան ու ճիւղա ու
 ճիւղա ճիւղա ճիւղա պէնուր գունն ու ճիւղա Եւրոպ
 ուղա նրտու նաղար ճիւղա քամն ու ճիւղա արիւնքն
 ուղա փարա օր սաղա ճիւղա ճիւղա ու ճիւղա սաղապ
 Վախճան ճիւղա ճիւղա ճիւղա սաղապն ճիւղա ճիւղա
 սաղա

Там, где дымилась кровь твоя, — до неба вознеслись
кресты,
 Предтеча господя, пророк, нетленный символ чистоты —
 С благоговением земля твои останки принимала...
 В тот страшный день, кровавый день, язычник шумно
пировал;
 Хмельной, племянницу свою кружиться в танце
заставлял, —
 Сказала Саломея: «Нет!» — он ей награду обещал —
 Святую голову твою! И тут же палача позвал,
 И кто-то семь имен назвал... И голова твоя упала!

Ты преисподню ослепил сияньем праведным чела,
 Мир о Христе оповестил, тебя бежали силы зла,
 За чистоту и правоту Тартара тьма тебя кляла —
 Услышь мольбу Саят-Новы: несть в мире грешникам
числа —
 О, сделай так, чтоб души их надежда искрой озаряла!

144

Заветных тайн своих врагу не доверяй,
 Когда-нибудь за грош продаст их негодяй,
 Не будь завистником, чужого не желай —
 Отплатят этим же в недобрый час тебе.

Благослови свой день и ночи благодать,
 Возвысившись, не смей про землю забывать.
 Пусть небо — твой отец, земля — родная мать,
 Забудешь — не открыть вовеки клад тебе.

Верь другу честному, люби его, как брат,
 Не слушай клеветы, пусть за спиной шипят,
 Не тронь змею ногой — ужалит, пустит яд
 И пламенную кровь отравит враз тебе.

Оказывай почет седому старику,
 Спешి помочь в беде любому бедняку,
 Скитальца пригласи погреться к огоньку,
 Чтоб доброта твоя отозвалась тебе.

По-честному трудись, достоинство блюди,
 На путь извилистый с прямого не сойди.
 Саят-Нова, коль зло завидишь впереди,
 Иди своим путем — зло не указ тебе.

ПРИМЕЧАНИЯ

Литературная судьба великого певца народов Закавказья Саят-Новы сложилась так, что русский читатель познакомился с ним раньше, чем армянский, грузинский и азербайджанский. Еще в 1851 г., за год до первого армянского издания песен Саят-Новы, известный русский поэт Яков Полонский, который жил тогда в Тифлисе и был близко знаком с первооткрывателем Саят-Новы Геворгом Ахвердяном, опубликовал в местной газете «Кавказ» восторженную статью о гениальном поэте-ашуге, включив в нее свои прозаические переводы нескольких его песен. Статья эта завершалась написанным по мотивам одной из песен ашуга стихотворением Полонского, которое под названием «Саят-Нова» было перепечатано в том же году в петербургском журнале «Отечественные записки» (№ 7, с. 65) с соответствующим комментарием автора и включено в изданную тогда же в Тифлисе книжку русского поэта «Несколько стихотворений». Впоследствии публиковалось во всех собраниях сочинений Полонского.

Это было первое знакомство русских читателей с творчеством Саят-Новы. Статья Полонского, его наблюдения и оценки, сами по себе верные, тонкие и проникновенные, опирались лишь на некоторые армянские творения Саят-Новы, а его переводы давали общее представление о содержании нескольких песен ашуга, не передавая их неповторимой поэтической самобытности, яркости и музыкальности. Но это, разумеется, нисколько не умаляет заслуги Полонского как первого русского исследователя и популяризатора Саят-Новы.

Спустя три года, в 1854 г., в Москве была издана книга переводов Н. В. Берга «Песни разных народов», где армянская поэзия представлена одной из популярных песен Саят-Новы (см. примеч. 32). Это был первый стихотворный перевод из Саят-Новы, в котором сделана небезуспешная попытка передать некоторые особенности формы оригинала.

На протяжении почти полувека после этого Саят-Нова оставался вне поля зрения русских поэтов и переводчиков, и лишь с конца прошлого столетия в печати вновь стали появляться русские переводы отдельных песен ашуга. В подавляющем большинстве это были переводы, в которых рабское следование букве подлинника сочеталось с пренебрежительным отношением к его духу, к особенностям формы и стиля оригинала. Задача воссоздания на русском языке стихотворений Саят-Новы в их поэтическом и национальном своеобразии ждала своего решения.

Выполнить эту большую и чрезвычайно трудную задачу суждено

было выдающемуся русскому поэту В. Я. Брюсову. Только в 1916 г., когда в Москве вышла в свет подготовленная им антология «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней», стихи Саят-Новы предстали перед русским читателем в своей пленительной красоте и блеске. Нужно было обладать громадным переводческим талантом и опытом В. Брюсова, его исключительной способностью чувствовать и воспринимать чужую поэзию, его широким историческим кругозором и знаниями, чтобы в значительной мере преодолеть трудности, связанные с переводом Саят-Новы на русский язык. А трудности эти поистине огромны. Обилие красочных и пышных образов, глубоко народный язык, редкое своеобразие формы, изумительная музыкальность и звуковое богатство стиха — все это не всегда могут воплотить в переводе даже крупные поэты. Интересно в этом отношении признание виднейшего советского поэта Николая Тихонова. В 1935 г., в период работы над переводами для новой «Антологии армянской поэзии», Тихонов в письме к литератору Карену Микаэлян, принимавшему активное участие в подготовке антологии, писал: «...Кучака и Саят-Нову как я ни одолевал, они у меня не выходят. В крайнем случае можно будет ограничиться переводами Брюсова или дать дополнительно такому переводчику, как Лозинский... Я много бился с Кучаком и Саят-Новой, но они во много сильнее меня. И те слепые слепки, что получились по-русски, я под конец с досады просто уничтожил. Я смотрел Брюсова, и должен сказать, что он сделал, по-видимому, все, что мог, и со звуковой стороны все-таки едва приблизился к могучему движению стиха этих далеких поэтов. Красочность их почти непередаваема по-русски»¹.

О том, что переводить Саят-Нову на русский язык — дело большой ответственности, требующее необыкновенных усилий и вместе с тем доставляющее огромную творческую радость, свидетельствует и замечательный советский поэт-переводчик Михаил Лозинский в своем письме к К. Микаэлян: «Получив от Вас Саят-Нову, — пишет Лозинский в августе того же 1935 года, — похолодел, но сделал над собой героическое усилие, сел за работу — и работал с наслаждением. Поэзия Саят-Новы великолепна! Я и раньше знал и любил его!»²

Знать и любить Саят-Нову раньше М. Лозинский, не владевший языком оригинала, мог, вероятно, лишь по брюсовским переводам, ибо другие русские переводы были настолько слабыми и неудачными, что вряд ли могли вызвать любовь к поэту.

Это отнюдь не значит, что в переводах Брюсова нет неточностей, пробелов и ошибок. Они есть. Некоторые из них отражают уровень саят-нова-ведения того времени. Ведь до сих пор еще, после ценнейших изысканий Геворга Ахвердяна, Ованеса Туманяна, Геворга Асагура, Гарегина Левоняна, Моруса Асратяна и других исследователей, специалисты спорят по поводу тех или иных «темных мест» в поэзии Саят-Новы, по-новому толкуют отдельные иноязычные слова и выражения, в обилии употреблявшиеся великим ашугом. Ясно, что во вре-

¹ Цит. по статье: Г. Татосян, Саят-Нова на русском языке. — «Советакан граканутюн» («Советская литература»), 1962, № 6, с. 151.

² М. Лозинский — переводчик Саят-Новы. (Из писем М. Л. Лозинского). Публикация Г. Татосяна. — «Литературная Армения», 1962, № 7, с. 71,

мена Брюсова таких «темных мест» и нерасшифрованных слов было несравненно больше.

Заслугу Брюсова-переводчика высоко оценил великий армянский поэт Ованес Туманян. Он писал: «Брюсов впервые переводит армянских поэтов рукою мастера, стараясь преодолеть почти непреодолимые препятствия — дать русский перевод песен Саят-Новы и Наапета Кучака, глубоко понимая их величие и духовную оригинальность...»¹ Брюсов первый из русских поэтов показал, как нужно переводить Саят-Нову, чтобы его поэзия засверкала своими многоцветными красками. Он доказал, что переводчик Саят-Новы может добиться успеха лишь тогда, когда воспроизводит его поэзию не отрывая ее содержания от формы.

Переводы Брюсова заложили основу весьма плодотворной традиции. Знакомство русского читателя с разноязычным литературным наследием поэта (Саят-Нова писал на армянском, грузинском и азербайджанском языках) все более обогащалось и расширялось.²

В 1939 г. в Москве вышла отдельная книжка Саят-Новы,³ в которую, помимо уже переведенных Брюсовым, были включены тридцать три армянские и четырнадцать грузинских песен в переводах М. Лозинского, С. Шервинского, К. Липскерова и Ю. Верховского.

Важное значение имело ереванское русское издание Саят-Новы 1945 г.,³ где впервые помещен азербайджанский раздел, представленный сорока двумя песнями, грузинский раздел увеличен до двадцати восьми песен, а в армянском — некоторые переводы заменены новыми, более удачными. В этом сборнике впервые со своими переводами из Саят-Новы выступили В. Звягинцева и А. Тарковский.

Эти книги, каждая из которых сравнительно с предыдущей являлась шагом вперед по количеству и качеству переводов, не имели, однако, сколько-нибудь обоснованных композиционных принципов, как не имели их и армянские издания Саят-Новы. Выходившие до 1945 г. на языке оригинала сборники армянских песен поэта, по существу, повторяли структуру подготовленного Г. Ахвердяном первого издания, в котором стихотворения расположены свободно, независимо от их размещения в рукописи автора. Эта традиция была нарушена в 1945 г., когда в Ереване вышел в свет сборник армянских, грузинских и азербайджанских песен Саят-Новы, составленный Морусом Асратяном (впоследствии переиздавался с дополнениями дважды — в 1959 и 1963 гг.). Здесь большинство стихотворений армянского раздела размещено в таком же порядке, как в рукописной тетради автора, но при этом датированные стихи приводятся в хронологической последовательности, хотя и без строгого ее соблюдения, вперемежку с недатированными. Композиция азербайджанского раздела в сборнике М. Асратяна претерпела более существенные изменения по сравнению со структурой оригинала. Дело в том, что в рукописи Саят-Новы азербайджанские стихи расположены по принципу, принятому на Ближнем и Среднем Востоке при составлении поэтического сборника-дивана: в зависимости от формы стихотворения и

¹ О. Туманян, О переводе на русский язык Наапета Кучака и Саят-Новы. — В кн.: Ованес Туманян, Избранные произведения, т. 3, Ереван, 1969, с. 239.

² Саят-Нова, Песни. Предисловие С. С. Арутюняна, М., 1939.

³ Саят-Нова, Сборник армянских, грузинских и азербайджанских песен. Составление, вступительная статья, редакция и примечания Г. Абова, Ереван, 1945.

в алфавитном порядке последних букв рифмуемых слов (по арабскому алфавиту, на котором была основана тогда азербайджанская письменность). От сохранения этого принципа М. Асратяну пришлось отказаться; он расположил стихи по обозначенным автором и предполагаемым датам их написания, впрочем и здесь не проявив должной последовательности. Что касается грузинского раздела, то он построен у М. Асратяна произвольно. Ни одного автографа грузинских песен Саят-Новы не сохранилось, и они дошли до нас главным образом в списках, расположенных сыном поэта Оганом Саядяном без какой-либо системы и датировки.

Хронологический порядок размещения датированных стихов внутри каждого из трех разделов впервые последовательно применил Сурен Гайсарьян в подготовленном им русском сборнике Саят-Новы, выпущенном в 1961 г. в Ленинграде.¹ Он же перевел для этого издания семь ранее неизвестных русскому читателю стихотворений: шесть — с армянского и одно — с грузинского. Тот же хронологический принцип был положен в основу последнего по времени русского сборника Саят-Новы, вышедшего в 1963 г. в Москве,² со вступительной статьей поэта-академика Иосифа Гришавили и значительно обновленным грузинским разделом, где семнадцать песен из двадцати восьми даны в новых переводах, выполненных В. Потаповой.

По такому же принципу построен и настоящий сборник. Он состоит из трех традиционных разделов, каждый из которых включает переводы стихотворений, написанных на одном из трех языков: 55 армянских, 31 грузинское и 54 азербайджанских. В особый раздел — Приложение — выделены две двуязычные песни (написаны на армянском и азербайджанском языках) и одна четырехязычная (на армянском, грузинском, азербайджанском и персидском языках). Там же помещен перевод азербайджанской песни, принадлежность которой Саят-Нове окончательно не установлена. Специально для этого сборника переведено около тридцати песен Саят-Новы; двенадцать — для первого раздела (в том числе восемь песен, переведенных на русский язык заново), одна — для второго, двенадцать — для третьего и три — для Приложения. Подстрочники этих стихов сделаны по следующим изданиям поэта: 1. Саят-Нова, Сборник песен. Составление, вступительная статья, редакция и примечания Моруса Асратяна, Ереван, 1963 (на армянском языке); 2. Грузинские стихи. Составление, вступительная статья и редакция И. Гришавили, Тбилиси, 1918 (на грузинском языке); 3. Саят-Нова, Грузинские стихи. Вступительное слово Ираклия Абашидзе. Редакция и послесловие Ал. Барамидзе, Тбилиси, 1963 (на грузинском языке); 4. Саят-Нова, Стихи. Составитель и редактор Г. Араслы, Баку, 1963 (на азербайджанском языке). В основном по этим же изданиям переводы сверены с оригиналами. Значительную работу по составлению подстрочников и сверке переводов выполнили сотрудники Кабинета армяно-грузинской филологии им. Ш. Руставели Ереванского государственного университета Ц. Зедгинидзе и Р. Баграмян и заведующий кафедрой азербайджанского языка и литературы Ереванского армянского педагогического института им. Х. Абовяна А. Ереванлы (Сулейманов).

¹ Саят-Нова, Стихотворения. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Сурена Гайсарьяна, Л., «Б-ка поэта» (М. с.), 1961.

² Саят-Нова, Лирика. Переводы с армянского, грузинского, азербайджанского, М., 1963.

Все переводы просмотрены с точки зрения соответствия оригиналу и качества русского стиха. В результате произведена замена нескольких старых переводов осуществленными заново. При наличии нескольких переводов одной и той же песни предпочтение отдано тому, в котором полнее и вернее воспроизведены особенности содержания и формы подлинника. И все же в ряде переводов еще остаются более или менее значительные огрехи, отклонения от оригинала, «темные места», нуждающиеся в исправлении и прояснении. Многие из них оговорены в Примечаниях. Однако в полной мере работа по комментированию переводов из Саят-Новы, улучшению их качества сможет быть выполнена лишь тогда, когда будет осуществлено академическое издание творчества поэта на языках оригинала. Вопрос о таком издании давно назрел (пока подготовлено к печати академическое издание только армянских песен Саят-Новы).

В Примечаниях комментируются сложные для понимания фрагменты текста, существенные разночтения между переводом и оригиналом, сообщаются необходимые сведения историко-литературного характера, разъясняются некоторые реалии.

При написании Примечаний использованы вышеупомянутый армянский сборник песен под редакцией М. Асратяна — наиболее полное из всех существующих изданий Саят-Новы, работы Г. Ахвердяна, В. Брюсова, Г. Левоняна, Г. Леонидзе, Г. Араслы, П. Севака, С. Гайсарьяна, Г. Бахчиняна и другие, а также архивные материалы.

Неоднократно встречающиеся в текстах непереведенные слова, собственные имена и географические названия (как, например: бюльбюль, джан, саз, яр, шамам, каламкар, сусамбар, рехан, Лейли и Меджнун, Фархад и Ширин, Ростом, Лохман, Абаш, Бадахшан и др.) объясняются в Словаре, помещенном после Примечаний.

ПЕРЕВОДЫ С АРМЯНСКОГО

В известном нам поэтическом наследии Саят-Новы насчитывается 66 стихотворений, написанных на армянском языке. Обычно к ним прибавляют еще три песни: две — двуязычные (на армянском и азербайджанском языках) и одну — четырехязычную (на армянском, грузинском, азербайджанском и персидском языках). В настоящем издании эти три песни выделены в особый раздел. Не представленные в данном сборнике одиннадцать армянских стихотворений поэта либо построены на игре слов или криптограммах и практически непереводимы, либо дошли до нас с существенными изъянами в тексте и требуют дополнительного изучения.

1. Это самое раннее из дошедших до нас датированных армянских стихотворений Саят-Новы. Вполне возможно, что среди недатированных стихотворений есть и такие, которые написаны до 1752 г. Другой его перевод принадлежит С. Шарту («Армянский вестник», М., 1916, № 12—13, с. 10).

2. *Бога возлюби, Душу возлюби, деву возлюби!* Эта фраза вызвала разноречивые толкования. В оригинале сказано: «Бога возлюби, душу возлюби, яр возлюби!» В подстрочном переводе этого стихотворения, сохранившемся в архиве В. Брюсова (Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина), слово «яр»,

которое означает и возлюбленная, и возлюбленный, т. е. может относиться и к женщине, и к мужчине, поскольку в армянском языке грамматической категории рода не существует, переведено как «милая» («милую возлюби»). Отсюда и «дева» в брюсовском переводе. По этому поводу Ов. Туманян писал: «Выходит, что уставший от мира и мирских наслаждений, поглощенный мыслями о камнях и пустыне поэт говорит такое: иди в пустыню, бога возлюби, душу возлюби, деву возлюби...»

Это ошибка. Да, слово «яр» означает и возлюбленный, возлюбленная, но его первое значение — друг. И в особенности здесь оно имеет этот смысл; говорит: бога возлюби, душу возлюби, друга возлюби, а не деву» (Ов. Туманян, Ко второму изданию книги «Поэзия Армении». — Газета «Оризон» (Тифлис), 7 февраля 1917, на арм. яз.). Такой же точки зрения придерживались М. Асратян и П. Севак. Представляется возможным и толкование, предложенное К. Григорьяном, который, полемизируя с О. Туманяном, пишет: «Туманян в своих критических замечаниях сгущает религиозные настроения Саят-Новы. Сохраняя последовательность, Туманян должен был бы согласиться с тем, что аскету, уставшему от жизни, отказавшемуся от мирских наслаждений и ушедшему в пустыню, чтобы в одиночестве и тишине предаваться молитвам, не нужен и друг. То, что кажется недопустимым с точки зрения канонов церкви («...деву возлюби»), могло вполне соответствовать нравственным идеалам народного певца... И если Туманян утверждает, что первое значение слова «яр» — «друг», то это только означает, что любовь Саят-Новы была высокой и благородной... что для него «яр» одновременно и возлюбленная и друг» (К. Н. Григорьян, В. Я. Брюсов и армянская поэзия, М., 1962, с. 84—85). Там, где господин, будь не горд, но тих; Скромным будь всегда у господ своих. В подстрочном переводе первой из этих строк была допущена ошибка, отразившаяся в брюсовском переводе: «Не будешь горд — понравишься своему господину» (у Саят-Новы: «понавишься своему Господу», т. е. богу). Подстрочный перевод второй строки в точности соответствует оригиналу: «Будь скромно-почтителен по отношению к ниже тебя стоящим», но ее Брюсов не перевел вовсе. Вторая же строка его перевода, по существу, повторяет мысль первой.

3. Дочь царя! Это трижды повторяющееся во второй строфе обращение Брюсов пояснил так: «речь идет о грузинской царевне» («Поэзия Армении...», М., 1916, с. 255). А между тем в предоставленном Брюсову подстрочнике, как и в оригинале, значилось «царь» и в соответствии с этим в рукописи первоначального варианта перевода было «царский сын». В окончательном же варианте появилась «дочь царя». Это исправление Брюсов внес, вероятно, по совету специалистов-консультантов, полагавших, что обращение «царь», как и многократно встречающиеся в других песнях Саят-Новы «султан» и «хан», относится к любимой женщине, именно — к грузинской царевне, сестре царя Ираклия, которой поэт посвятил множество своих стихотворений. Определенным основанием для такого предположения могли служить и примечания первого исследователя, издателя и комментатора Саят-Новы Г. Ахвердяна, который по поводу заключительной строки этого стихотворения писал: «...певец просит свою возлюбленную, чтобы она его не мучила и не давала ему повода удалиться из родной страны, скитаться в горах и ущельях и умереть на чужбине — в Арабстане, Абаше и т. д.» (Гусаны. Саят-Нова. Вступи-

тельная статья, подготовка текста и примечания Г. Ахвердяна, М., 1852, с. 68, на арм. яз.). Воспринял эту песню как любовную и Яков Полонский, написавший по ее мотивам стихотворение под названием «Саят-Нова». О том, как в саят-нова-ведении утвердился иной взгляд на эту песню, о ее истинном характере и адресате см. вступ. статью, с. 17—19. В «Антологии армянской поэзии», изданной в Москве в 1940 г. под редакцией С. С. Арутюняна и В. Я. Кирпотина, в брюсовском переводе данного стихотворения Саят-Новы обращение «дочь царя» было без каких-либо оговорок заменено обращением «мой царь». Во всех последующих русских изданиях Саят-Новы брюсовский текст восстанавливался, но тоже без необходимых оговорок.

4. В рукописи оригинала два слова начальной строчки второй строфы остались нерасшифрованными (стерлись буквы), из-за чего вся строчка в переводе пропущена. *Адама нечестивый сын, вовек проклятье над тобой!* В оригинале: «Пьющий сырое молоко — Адама дитя, проклятье доверию к тебе». Что означает: человеку нельзя доверять, верить. («Пьющий сырое молоко» — народное выражение; синоним человека).

5. В рукописи Саят-Новы к этому стихотворению сделаны два примечания. На полях: «Так говорила одна верная возлюбленная, а с другой стороны — Саят-Нова — 1-го апреля 1754-го». Под стихотворением: «Это то, что говорили Арутин и его возлюбленная, возлюбленная сказала прямо в лицо Саят-Нове, в апреле 1754-го».

6. *Лишь знать, как много лет тебе! — с тобою твой гусяр блажен.* В оригинале (дословно): «Сколько же времени, лишь бы узнать мне твой год». Одно из темных мест в стихах Саят-Новы. Предположение, что речь идет о желании узнать возраст возлюбленной, маловероятно, ибо другое стихотворение (№ 24) дает основание считать, что он был поэту известен. *Сколь многим смерть через тебя! Они томятся всякий час.* В оригинале: «Многие от тоски по тебе умирают, в сердце имеют желание».

7. Это стихотворение написано в редко встречающейся у Саят-Новы форме песни-дуэта. В рукописи оригинала примечание автора: «Так Арутин и его возлюбленная говорили друг другу». Другой перевод этого стихотворения принадлежит С. Шарту (сб. Армянские поэты. В переводах С. Я. Шарти, Тифлис, 1917, с. 22).

8. Это стихотворение известно и в переводе Ю. Верховского (Саят-Нова, Песни, М., 1939, с. 65).

9. Эта песня известна и в переводе В. Брюсова («Твоих грудей гранат...» — «Поэзия Армении...», М., 1916, с. 255), не воспроизводящем первой строфы оригинала. Имеется и перевод Е. Сырейшиковой («Армянский вестник», М., 1916, № 29, с. 9). В рукописи Саят-Новы данное и предыдущее (№ 8) стихотворения помещены на одной странице и имеют общее примечание, определяющее их дату: «Эти две песни Арутин сложил 5 апреля 1757-го».

10. Одна из замечательных особенностей формы этого стихотворения — тройная внутренняя рифма в строках — мастерски воспроизведена в переводе С. Шервинского.

12. *Твой господин сполна блажен... Господин* — здесь в смысле: властелин твоего сердца, возлюбленный.

13. *Горит алмаз во рту змеи...* По преданию (согласно Г. Ахвердян), у царя змей на голове, словно корона, или во рту находится алмаз величиной с маленькое яблоко, сияющий подобно звезде или солнцу. В ясную ночь змея забавляется, подбрасывая этот драгоценный камень вверх и ловя его ртом. Жизнь и судьба человека, обладающего таким камнем, считаются счастливыми, но обрести его трудно. *И семь десятков на лице чернеет родинок, маня.* По старым представлениям, бытовавшим на Востоке, наличие родинок на женском лице — признак красоты. Здесь число семьдесят, как и в последней строке «семь десятков слов», обозначает множество, большое количество.

14. *Ковчег* — кованный, нередко обложенный золотом или серебром сосуд (ларец, чаша, ящик, сундук) для хранения драгоценностей; обычное в средневековой армянской поэзии уподобление женской груди.

15. *Семь лет я с сазом проброжу, как некогда бродил Кариб, Ты мой кумир, ты Шахсанам...* Сказание об ашуге Карибе (Гарибе) и его возлюбленной Шахсанам (Шахсенем) было широко распространено среди народов Закавказья, в Турции, Иране. Прекрасная Шахсанам, чтобы испытать любовь ашуга Кариба, желающего на ней жениться, предлагает ему отправиться на семь лет в странствия. По истечении срока, проскитавшись по разным странам, Кариб с дарами вернулся домой в тот день, когда происходила свадьба Шахсанам и нелюбимого соседского сына. Явившись с сазом на свадьбу, ашуг начал петь. Узнав его по голосу, Шахсанам тотчас же бросилась к нему со словами: «Кариб пришел, я принадлежу ему». Сюжет этого сказания лег в основу многих произведений литературы и искусства. Использовал его и М. Ю. Лермонтов в своей сказке «Ашик-Кериб». Данное стихотворение имеется также в переводе Е. Сырейщиковой («Армянский вестник», М., 1916. № 8, с. 4) и С. Шартти (сб. «Армянские поэты. В переводах С. Я. Шартти», Тифлис, 1917, с. 25).

16. *Трон павлиний* — золотой трон, украшенный бриллиантами и жемчугами, в верхней части его, имевшей форму полумесяца, было изображение павлина из драгоценных разноцветных камней. Предполагают, что это трон индийского Великого Могола, находившийся в столице Индии Дели до захвата ее персидским шахом Надиром (1739). В рукописи оригинала под этим стихотворением автор сделал следующую запись: «Да дарует бог милость убитому возлюбленной Арутину Саят-Нове».

17. Первый русский перевод этого стихотворения принадлежит Аврелиану (Сб. «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам». Изд. 2-ое, М., 1898, с. 607).

19. В полном переводе стихотворение публикуется впервые. В переводе этой песни В. Я. Брюсовым («Угодливо, народный раб...» — «Поэзия Армении...», М., 1916, с. 256) отсутствует одна (четвертая) строфа оригинала, которой не было и в представленном ему подстроч-

нике. *Слова Завета*. Речь идет о Новом завете (Евангелие). *Пред свињями их не мечи* — выражение из Евангелия: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свињями, чтоб они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» (Матфей, VII, 6).

21. *Приманку — родинку свою — в силках волос скрываешь ты!* Один из армянских филологов комментирует эту строку так: «Тифлиские женщины свои волосы заплетали и завивали: по шее спускались две косы, а с висков ниспадали локоны, обрамлявшие лицо. Во время танца или при быстром повороте головы локоны двигались от уха к щеке и обратно. Естественно, что при этом движение они слоено силками закрывали родинку на щеке» (цит. по кн.: Саят-Нова. Сборник армянских песен. Вступительная статья, примечания и редакция Г. Левоняна, Ереван, 1931, с. 168, на арм. яз.). Известен также перевод этой песни, выполненный С. Шервинским (Саят-Нова, Песни, М., 1939, с. 38).

22. Это стихотворение известно и в переводе М. Лозинского («Антология армянской поэзии», М., 1940, с. 336).

23. Этим стихотворением, в котором поэт восславляет свой любимый инструмент — *каманчу*, символизирующую искусство народного певца, открываются по традиции армянские сборники Саят-Новы. *Тебя не уступлю я*. Среди ашугов существовал обычай публично состязаться между собой. Потерпевший поражение в этом состязании отдавал свой инструмент победителю, который обычно возвращал его с условием, что побежденный никогда больше не посмеет играть и петь в присутствии победителя. *Ушко, голова, рука, чрево, железо* — части каманчи. *Ему и чай и кофе есть*. По-видимому, в знак почета, какой оказывался ашугу, ему перед игрой давали чай и кофе.

25. Последняя строфа в рукописи подлинника повреждена, отсутствующие в ней отдельные слова были восстановлены М. Асратяном по смыслу и по варианту этой песни в списке, сделанном сыном поэта Оганом и хранящемся в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР. Другой перевод этого стихотворения принадлежит С. Гайсарьяну (Саят-Нова, Стихотворения, Л., 1961, с. 112).

26. *Вот скачет рок — крылатый конь четвероглав*. По предположению М. Асратяна, здесь образно выражена мысль о закономерно повторяющихся четырех временах года. Смысл образа, очевидно, состоит в том, что приговор судьбы так же неотвратим, как последовательная смена времен года.

27. Эта газель считается первым армянским стихотворением Саят-Новы на основании сделанного под ним в рукописи примечания автора: «Теперь хочу слагать (песню) по-армянски. Воистину я, сын махтеси Арутин, сызмальства, вот уже тридцать лет, посвятив себя всякой игре (музыке, песне), силой святого Карапета обучился (игре) на каманче и чонгури, и тамбуре». Махтеси называли того, кто, подобно отцу Саят-Новы, совершил паломничество в Иерусалим; святой Карапет — Предтеча — евангельский Ованнес Мкртыч — Иоанн

Креститель — в армянской среде считался покровителем искусств. *Шахатаи*. Значение этого слова толкуется по-разному: то как древнеперсидская мелодия, то как форма стихотворения, то как символ божества или высшего духа. М. Асратян в своих примечаниях к составленному им «Сборнику армянских, грузинских и азербайджанских песен» Саят-Новы (Ереван, 1945) высказывал предположение о возможности этимологической связи этого слова с именем основоположника династии Сефевидов, шаха Исмаила (1487—1524), известного в истории азербайджанской поэзии под псевдонимом Хатаи. Однако в последующих изданиях этого сборника М. Асратян от данной версии почему-то отказался, хотя она не лишена оснований. В ее пользу говорит, в частности, тот факт, что в одной из азербайджанских песен Саят-Новы, записанных автором в армянской транскрипции, это слово написано так: Шах Хатаи (см.: Саят-Нова, «Песни (факсимиле)», Ереван, 1963, с. 2). Хотя в рукописи нескольких других азербайджанских стихотворений, как и в настоящей армянской газели, дается искаженное написание: Шахатаи. По мнению известного азербайджанского литературоведа, «в данных стихотворениях мы имеем дело с утвердившейся среди ашугов традицией — начинать свои выступления в меджлисе с обращения к шаху Хатаи, который сам писал в духе ашугской поэзии и широко использовал и поощрял поэзию ашугов в своих целях» (Г. Араслы, «Саят-Нова и азербайджанская поэзия». — «Коммунист», 22 октября 1963, Ереван). Эту точку зрения полностью разделял и Паруйр Севак (см. его монографию на арм. языке «Саят-Нова», Ереван, 1969, с. 432—434). Можно предполагать, что упоминаемый в ряде песен Саят-Новы Шахатаи — это и есть шах Исмаил Хатаи, которого ашуги XVII—XVIII вв. обожествляли как покровителя ашугской поэзии. Известен и перевод этого стихотворения, выполненный С. Шервинским (Саят-Нова, Песни, М., 1939, с. 36).

28. Это армянское стихотворение Саят-Новы записано им армянскими и грузинскими буквами. «...Хотел примешать к ним и тюркские, — пишет автор в примечании к этой газели, — но не примешал... Пусть друг умрет, да лишь твой лоб он без покрова не узрит. В оригинале: «Скорее видевший тебя <пусть> умрет — тебя с непокрытой головой не увидит», т. е. не увидит тебя в трауре. По старому обычаю, женщины в Грузии и Армении оплакивали смерть близкого человека, обнажив голову и распустив волосы.

29. К этому стихотворению Саят-Нова сделал следующее примечание: «Баритавур так хорош, что все, что произойдет с ашугом Огланом, в нем написано». Кто такой ашуг Оглан, кого имеет в виду автор под этим именем — не установлено. Чтобы вернее передать общий дух, характерные особенности стиля и формы этого чрезвычайно трудного для перевода стихотворения-баритавура, С. Шервинскому пришлось пойти на значительные жертвы в деталях, допустить отклонения от первоисточника, заменив в ряде случаев авторские метафоры и сравнения своими. *Гренок* — бубенец, погремушка.

31. *Пройдешь, как по ковру царей*. Ковер царей — пиандаз — драгоценная ковровая ткань, расстилаемая под ноги царям или высоким гостям во время торжественных приемов, церемоний и т. п. *Ты, с пятнышком лица, мила*. Имеется в виду искусственная родинка, «мушка», которую, по старинной моде, наклеивали на лицо.

32. Первый русский перевод этой песни, принадлежащий Н. В. Бергу, был опубликован в его сборнике «Песни разных народов» (М., 1854, с. 246). Это была первая и, несмотря на некоторые неуклюжие строки, небезытересная попытка представить русскими стихами одно из замечательных поэтических произведений Саят-Новы, сохраняя характерные отличия его формы. Вот этот перевод:

Откуда, чудный соловей!
Не плачь, заплачу лучше я!
Грустишь о розе ты своей...
Не плачь, заплачу лучше я!

О милой розе ты пропел;
да будет счастлив тот предел,
откуда к нам ты прилетел...
Не плачь, заплачу лучше я!

Ты всё порхаешь по кустам
и льнешь к возлюбленным цветам,
и я хочу с подругой там...
Не плачь, заплачу лучше я!

Мгновенья сладкие лови
и розу милую зови,
и пой ей песни о любви!..
Не плачь, заплачу лучше я!

О птичка! знаю я одно —
грустим и любим мы равно;
Саят-Нова сказал давно:
не плачь, заплачу лучше я!

34. *Садовник* — традиционное сравнение для влюбленного, возлюбленного. *Матах тебе* — фразеологическое выражение, означающее: я готов принести себя тебе в жертву. Так однозначно истолкован смысл этого выражения в подстрочнике, сохранившемся в архиве Брюсова; не найдя достойного русского эквивалента, Брюсов оставил эти слова в тексте непереверденными, объяснив их значение в подстрочном примечании. Между тем этот фразеологизм употребляется также в смысле интимной просьбы (молю тебя, прошу тебя), вполне соответствующем данному контексту.

36. *Ты — как сирена*. В греческой мифологии сирена — полуженщина-полуптица, волшебным пением увлекавшая мореходов в гибельные для них места. Здесь: пленительная красавица, обольстительная женщина. Это стихотворение перевели также С. Шарти («Армянские поэты. В переводах С. Шарти». Вып. 1, Саратов, 1916, с. 10) и К. Липскеров (Саят-Нова, Песни, М., 1939, с. 55).

37. Другой перевод этого стихотворения принадлежит Ю. Верховскому (Саят-Нова, Песни, М., 1939, с. 67).

39. В рукописи оригинала после третьей строфы следовала еще одна, незавершенная, зачеркнутая автором. Вот ее подстрочник: «Ты мудрый царь, яхонтовый алмаз. У меня к тебе просьба одна — что

скажешь? Хочу быть слугой у дверей твоих. Ибо на лицо твое (не наглажусь)...» Под стихотворением Саят-Нова сделал примечание: «Так сказано Арутюном об одной красавице».

40. Это стихотворение известно также в переводах С. Шартри («Армянский вестник», М., 1916, № 48, с. 8) и С. Шервинского (Саят-Нова, Песни, М., 1939, с. 37). *Две раны клеймом не залечить одним никогда*. Во времена Саят-Новы рану обжигали со всех сторон раскаленным железом, чтобы она не распространялась, а посередине ставили клеймо. Смысл настоящей строки: одним средством невозможно излечить сразу две раны, как невозможно перевязать их одним бинтом. *Семь мудрецов*. Речь идет о персонажах рыцарской повести «История семи мудрецов», восходящей к древнеиндийскому сюжету и широко распространенной в переводах как на Востоке, так и на Западе. В 1740 г. она была издана в Константинополе на армянском языке под названием «История царя Понциана и семи мудрецов». Комментируемое стихотворение имеется у Саят-Новы и на азербайджанском языке; какой из этих двух вариантов является подлинником, а какой — переводом, сказать трудно.

41. *Ты вся — чинарный кипарис*. В оригинале, как и в представленном В. Брюсову подстрочнике, значится: «Стан твой — кипарисовая чинара...» Говоря о переводе этого полустипа, Ов. Туманян в своих заметках «Ко второму изданию книги „Поэзия Армении“» резонно писал: «...при дословном переводе должно было быть «кипарисный чинар», а не «чинарный кипарис». Но и это было бы неверно... И кипарис, и чинар, как и тополь, в восточной поэзии употребляются метафорически для обозначения хорошего сложения, стройности, прямого, высокого роста... следовало бы перевести: твой стан — стройный чинар. Конечно, я высказываю только мысль, оставляя форму за русским переводчиком» (Армянская газета «Оризон», 7 февраля 1917, Тифлис, на арм. яз.). *Ты — лилия долин*. Этот образ заимствован автором и соответственно переводчиком из библейской «Песни песней»: «Я — нарцисс равнины, я — лилия долин» («Поэзия и проза древнего Востока», М., 1973, с. 627).

42. Это стихотворение перевел также Ю. Верховский (Саят-Нова, Песни, М., 1939, с. 63).

43. Известен и другой перевод этой песни, выполненный М. Лозинским (Саят-Нова, Песни, М., 1939, с. 25).

44. *...Ростома-Зал пленительный*. Правильнее: Ростом-Зал или Ростом Зала (Ростом — сын Зала). Сравнивая возлюбленную с Ростомом, поэт имеет в виду воплощенные в этом легендарном герое величие, мужество и благородство, идеал человеческого совершенства.

45. Другой перевод этого стихотворения выполнен Ю. Верховским (Саят-Нова, Песни, М., 1939, с. 60).

46. В последней строфе этого стихотворения, дошедшего до нас в списке сына поэта Огана, одна строка отсутствует.

47. Другой перевод этого стихотворения принадлежит Ю. Верховскому (Саят-Нова, Песни, М., 1939, с. 68).

49. Авторская рукопись этого стихотворения не сохранилась. В дошедшем до нас списке в последней строфе не хватает второй строки. *Ковер царей* — см. примеч. 31.

50. *На плечах ковыль колышется*. В оригинале: «Волосы твои — как смбул-шушан» (см. Словарь).

51. Восемь четверостиший этого стихотворения, написанных в форме армянских народных хороводных песен, почти не связаны по содержанию с основными строфами-пятистишиями. Поэтому в ряде армянских изданий Саят-Новы они печатаются как отдельное произведение. Так же, отдельным стихотворением («Серебрится серебром» в переводе С. Гайсарьяна), помещены эти четверостишия и в двух последних русских сборниках поэта — 1961 и 1963 гг. В настоящем издании сохранена авторская архитектоника этого произведения.

52. Одна из немногих притч Саят-Новы. Дошла до нас в нескольких вариантах, записанных и опубликованных во второй половине прошлого и начале нынешнего века. На их основе М. Асратяном был восстановлен предложенный в данном издании вариант первоначального текста притчи. *Саят-Нова, ты — красная корова*. Красная корова — фразеологическое выражение, обозначающее в армянском языке норовистую корову, которая опрокидывает или разбивает ногой посуду с надоенным молоком. Метафорически употребляется для характеристики человека, который одним опрометчивым поступком может причинить себе большой ущерб, уничтожить результаты длительных усилий, испортить себе жизнь. Есть предположение, что в последней строфе притчи содержится намек на обстоятельство, приведшие к изгнанию Саят-Новы из царского дворца.

53. Судя по содержанию этого стихотворения, оно написано вскоре после изгнания Саят-Новы из царского дворца и пострижения в монахи. *Ты в траур облачил меня*, то есть заставил надеть черную одежду монаха. *Эй, вах* — возглас отчаяния.

55. Единственное стихотворение Саят-Новы, где вместо поэтического прозвища автора в последней строфе упоминается лишь его собственное имя Арутин. Оригинал стихотворения, написанный грузинскими буквами, был найден в одном из архивов Грузии. Впервые опубликован известным армянским художником и литературным деятелем Г. Башинджагяном в тифлисской газете «Мартакоч» («Боевой клич») в 1924 г. Есть основание полагать, что в стихотворении недостает одной или двух начальных строф. Это стихотворение перевел также Ю. Верховский (Саят-Нова, Песни, М., 1939, с. 62).

ПЕРЕВОДЫ С ГРУЗИНСКОГО

Из 34 известных грузинских стихотворений Саят-Новы 26 сохранились в списке сына поэта Огана, остальные взяты из других источников. В настоящий раздел включено 31 стихотворение, в том числе одно (№ 72) — впервые в русском переводе.

56. Это стихотворение является ответом Саят-Новы одному из придворных грузинского царя, кичившемуся, видимо, своим дворянским происхождением и оскорбившему достоинство поэта. Об этом свидетельствует примечание под стихотворением, сделанное сыном поэта Оганом. Написанное неразборчиво, это примечание имеет несколько прочтений, из которых наиболее точным представляется прочтение Георгия Леонидзе. В его интерпретации примечание читается так: «Эта <песня>, сложенная в форме теджниса, по образцу притч, — брань. В бытность в Телави, у преблаженной памяти царевича Вахтанга, к Саят-Нове пристал (привязался) один муж неразумный. Там же (Саят-Нова) сочинил эту песню в 1751 году» (Георгий Леонидзе, Гусан Саят-Нова, Тифлис, 1930, на груз. яз.). Известен и перевод этой песни, выполненный К. Липскеровым (Саят-Нова, Песни, М., 1939, с. 78).

58. *Пряжки в дар тебе шлет Гилян с поклоном.* В оригинале: «Нарядной одежде твоей — пуговица Лахиджана». Лахиджан — торговый город на берегу Каспийского моря, в персидской провинции Гилян. Под этим стихотворением пояснительная приписка сына поэта Огана: «Так его подруга обманула и заперла дверь; остался он пригорбный, опечаленный и об этом написал стихи».

59. *Ветерок измирский ты,* то есть мягкий, ласковый ветер, зефир, от Измира — западного турецкого города на берегу Эгейского моря.

60. *Счастье этойкой помолвки людям не было знакомо.* Здесь, как и во всей четвертой строфе, речь идет, как полагают, о необыкновенно пышной свадьбе сестры грузинского царя Ираклия II Анны Батонишвили и князя Деметре Орбелиани, состоявшейся в июле 1744 г.

61. «*Голи-голи*» — грузинская детская игра. *Лилию в долине видел* — см. примеч. 41. «*Сани*», «*тони*», «*вини*», «*ани*» — грузинские названия четырех букв имени поэта: «с», «т», «в» и «а».

63. *Море ты, украшен мир твоим указом.* В оригинале: «Ты не-иссякаемое море, о сладостная». *Ты — краса ловитвы, раи ты и джейран ты.* В оригинале: «Ты восхваленный во время охоты раш и джейран». *Ловитва* — ловля, охота.

66. «*Злоба злыхных им самим воздаст сторицей*». В оригинале — грузинская поговорка: «Беда злого <человека> — от злобы».

67. Стихотворение обращено к Ираклию II, по велению которого, вероятно в результате клеветы и козней придворных, Саят-Нова был изгнан из дворца и стал духовным лицом. (См. вступ. статью, с. 13—15, 21). В списке сборника Саят-Новы, сделанном его сыном Оганом, к этому стихотворению дано следующее примечание на грузинском языке: «Песнь эту сложил Саят-Нова, когда его благодетель, его величество царь всей Грузии, блаженной памяти (Ираклий II) разгневался на своего недостойного слугу, бедного Саят-Нову и выгнал его...» Поэт надеялся на милосердие и справедливость царя. Но когда эта надежда не оправдалась, он обратился к царю со стихотворением «Оставь меня! Хитрить, платить бесчестью дань я не

хочу» (№ 81), преисполненным чувства человеческого и гражданского достоинства и плебейской гордости.

68. Арутин я. В оригинале: «Саят-Нова я».

70. *Убила доведь, повела вперед простую пешку?* В оригинале: «Вай, если хорошего убьешь, недостойного выдвинешь». *Доведь* — шашка, доведенная до последнего ряда клеток противника и ставшая дамкой (в шашечной игре). Другой перевод этого стихотворения принадлежит К. Липскерову (Саят-Нова, Сборник армянских, грузинских и азербайджанских песен, Ереван, 1945, с. 72).

71. *К чему стремлюсь? Не про меня Моголов золотой престол.* См. примеч. 16. Известен и перевод этого стихотворения, выполненный К. Липскеровым (Саят-Нова, Песни, М., 1939, с. 69).

72. В подлиннике этого стихотворения начальные буквы строк и некоторых слов в строках составляют полный грузинский алфавит. Сохранить эту особенность формы в переводе практически невозможно.

73—75, 77—79. Эти стихотворения известны и в переводе К. Липскерова (№ 73, 74, 77, 79 — Саят-Нова, Сборник армянских, грузинских и азербайджанских песен, Ереван, 1945, сс. соответственно 68, 63, 52, 64; № 75, 78 — Саят-Нова, Песни, М., 1939, сс. 71, 81).

77. *Питомица розы, поверь мне — родного сосца прекраснее ты.* В оригинале: «Ты взращена сосцами бутона, оттого ты так прекрасна». *Подземной царицы, подвесок ее и венца прекраснее ты.* В оригинале: «Царицы медного города, ее серег прекраснее ты». В «Повести о медном городе» читаем: «Она была в одеждах из свежего жемчуга, на голове у нее был венец из червонного золота и повязка из драгоценных камней, а на шее — драгоценное ожерелье, посреди которого сверкали яркие камни...» («Книга тысячи и одной ночи» в восьми томах, т. 5, М., 1959, с. 375). Как полагают, «Повесть о медном городе» была известна Саят-Нове по армянскому константинопольскому изданию 1708 г.

79. *Я Алеппо прошел и в Ассирию, мнится, пришел я.* В оригинале: «Я Алеппо оставил и пришел к тебе ради Шама», т. е. оставил меньше ради большего (Шам — см. Словарь).

81. См. примеч. 67. *С каймою черной нипочем я одеянья не хочу!* То есть не хочу становиться духовным лицом. Другой перевод принадлежит К. Липскерову (Саят-Нова, Песни, М., 1939, с. 79).

83. Другой перевод этого стихотворения принадлежит К. Липскерову (Саят-Нова, Песни, М., 1939, с. 87).

84. Этим стихотворением открывается грузинский раздел в сборнике Саят-Новы, переписанном его сыном Оганом. На месте отсутствующей в списке этого стихотворения четвертой строки мелким почерком по-грузински сделана следующая памятная запись: «Сия книга принадлежит престолонаследнику Грузии Теймуразу. Сын Саят-Новы Иоанне записал для меня стихи своего отца Саят-Новы

в память о нем». Известен и другой перевод этого стихотворения, сделанный В. Потаповой (Саят-Нова, Лирика, М., 1963, с. 179).

85. В списке Огана под этим стихотворением сделано примечание: «У Саят-Новы был сердечный, милый друг, эта песня ему и посвящена» (под другом подразумевается возлюбленная). Другой перевод этого стихотворения принадлежит К. Липскерову (Саят-Нова, Песни, М., 1939, с. 80).

86. Это стихотворение, судя по его содержанию, является одним из последних, если не самым последним, поэтическим произведением Саят-Новы. Возможно, им завершается творческая деятельность поэта. Саят-Нова написал его в весьма пожилом возрасте, находясь в Ахпатском монастыре. Другой перевод этого стихотворения принадлежит К. Липскерову (Саят-Нова, Песни, М., 1939, с. 74).

ПЕРЕВОДЫ С АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО

Наибольшую часть литературного наследия Саят-Новы составляют стихотворения, написанные на азербайджанском языке. Количество их достигает 115 (не считая трех незавершенных и семи начатых песен). Однако, к сожалению, тексты большинства этих стихотворений все еще не расшифрованы и не опубликованы на языке оригинала. Русскому читателю до сих пор было известно 42 азербайджанских стихотворения поэта. Здесь к ним прибавляется еще 12.

88. В первых семи-восьми строфах этого стихотворения отражены основные факты биографии Саят-Новы. В целом же оно не может считаться автобиографическим уже хотя бы потому, что написано в 1750 г., когда поэту было не более 35—40 лет, тогда как возраст лирического героя доведен до 95 лет. *Когда мне было три луны*, и т. д. В оригинале соответственно: Прошло три месяца, Прошло шесть месяцев, Прошло девять месяцев.

89. *С прошением перед султаншей стою*. Ошибка перевода. В оригинале не султанша, а хан, т. е. в данном случае царь (см. так же вступ. статью, с. 18). *Ты — единственный мой бадахшанский лал*. Бадахшан — некогда обширная область, охватывающая территорию нынешней Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР и северные районы Афганистана, где в горах Гиндукуша в средние века добывали драгоценные камни.

91. В авторском примечании к этому стихотворению говорится: «Это сам Саят-Нова и его возлюбленная, когда они разговаривали между собой, именно ее устами произнесена эта речь (песня)...»

92. *Скрыня* — потайное место.

96. Другой перевод этого стихотворения принадлежит Т. Спендиаровой (Т. Спендиарова, Избранные переводы, Ереван, 1971, с. 11).

98. *Он в вере тверд, он — армянин*. О своей национальной и религиозной принадлежности Саят-Нова упоминает в азербайджанских

стихотворениях. И хотя он при этом подчеркивает свою принадлежность христианству, однако всегда с уважением говорит и о Коране и о мусульманской религии.

116. *Ширин пленилась музыкой кирки.* Фархад (см. Словарь) — возлюбленный Ширин, воодушевленный беспредельной любовью к ней, один прорубил киркой канал в гранитной горе и высек из громадной цельной скалы дворец для Ширин.

121. *Искандера сны миров не дождались.* Мечта Александра Македонского (Искандера) о покорении всего мира не была осуществлена, и после его смерти созданная им огромная держава распалась. *Моисей поднялся на гору Синай.* По библейскому преданию, пророк Моисей, призванный вывести евреев в обетованную страну, получил на горе Синай от бога каменные скрижали, на которых были высечены 10 заповедей.

128. *Авлабарка* — жительница Авлабара, некогда окраинного тифлиского района (ныне район им. 26 комиссаров г. Тбилиси), где в старое время жили в основном армяне.

130. *Бог правит. Семьдесят и два в его руке народа есть.* Согласно библейскому мифу, разгневанный дерзостью людей, начавших строить в Вавилоне башню до самого неба, бог смешал их языки, они перестали понимать друг друга, строительство башни прекратилось, а число языков достигло 72.

137, 138, 139. *Шахатау* — см. примеч. 27.

140. Встречающееся в разных строфах этого стихотворения обращение «Учитель», «Мастер» подразумевает то Святого Карапета (см. примеч. 143), то мастера своего дела.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В этот раздел включены переводы одного четырехязычного и двух двуязычных стихотворений поэта, а также одного азербайджанского стихотворения, принадлежность которого Саят-Нове окончательно не установлена.

141. Это стихотворение написано на четырех языках: грузинском (начальные полустишия 1-й и 3-й строк первой строфы и первые строки остальных строф), персидском (вторые полустишия 1-й и 3-й строк, первой строфы и вторые строки остальных строф), азербайджанском (начальные полустишия 2-й и 4-й строк первой строфы и третьи строки остальных строф), армянском (вторые полустишия 2-й и 4-й строк первой строфы и последние строки остальных строф). *Творец! Пусть изгнан я во имя счастья брата.* Предполагается, что речь идет о грузинском царе Ираклии II, сестру которого Анну безответно любил Саят-Нова (см. вступит. статью, с. 16).

142. Стихотворение написано автором на двух языках: армянском (первые полустишия всех строк первой строфы и последних строк остальных строф и вторые полустишия первых трех строк 2-й, 3-й, 4-й и 5-й строф) и азербайджанском.

143. Стихотворение обращено к святому Карапету (Предтече) — евангельскому Ованнесу Мкртычу (Иоанну Крестителю), возвестившему и подготовившему пришествие Иисуса Христа и крестившему его в реке Иордан. В стихотворении отражены эпизоды евангельского сказания об Ованнесе Мкртыче. Саят-Нова был преисполнен глубокой верой и любовью к святому Карапету, считавшемуся у армян покровителем искусств и поэзии. *Язычник* — иудейский царь Ирод. Стихотворение написано на двух языках — армянском и азербайджанском. На армянском — первые полустишия всех строк 1-й строфы и последних строк остальных строф, вторые полустишия первых четырех строк 2-й, 3-й, 4-й и 5-й строф. На азербайджанском — все остальные полустишия. В армянской лексике преобладают слова грабара — древнеармянского литературного языка.

144. Это стихотворение было записано писателем С. Ханзадяном в 1949 г. Данный перевод его опубликован К. Серебряковым в «Литературной газете» (26 октября 1963).

СЛОВАРЬ

Абаши (Габаш) — Абиссиния (Эфиопия).

Ага — господин.

Алал — маленькая хищная птица.

Адана — город в Турции, значительную часть населения которого вплоть до XX в. составляли армяне.

Алепто (Халеб) — город в Сирии, откуда родом был отец Саят-Новы.

Аман — спаси! (крик помощи).

Арабстан — общее название арабских стран.

Араз — армянское народное название реки Аракса, притока Куры.

Асмавур — армянская церковная книга, в которой собраны жизнеописания религиозных и национальных деятелей, причисленных к лику святых.

Ашуг (буквально: влюбленный) — народный поэт-певец, сам исполняющий свои песни и аккомпанирующий себе на музыкальном инструменте.

Бадахшан — некогда обширная область, охватывавшая территорию нынешней Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР и северные районы Афганистана, где в горах Гиндукуша в средние века добывали драгоценные камни; до XIX в. считался основным месторождением рубина; метафорически употребляется для обозначения клада, богатства вообще.

Базилика — полукустарник, распространенный в субтропических и тропических странах. Используется для получения эфирных масел.

Баритавур (дословно: волнообразный) — характерная для восточной, ашугской, поэзии форма длинного лирического стихотворения с волнообразным ритмом.

Батман — старинная мера веса, различная в разных местностях; закавказский батман равнялся, по В. Далю, 26 пудам.

Бахлуд — герой восточных сказаний; отказавшись от престола, царя, вел скитальческий образ жизни; был прозван и безумным, и мудрым.

Бейт — в тюркоязычной, персидской, арабской поэзии — двустишие.

Бюльбюль — соловей.

Векил — представитель власти; правитель, полномочный министр; наместник.

Визир (везир) — высший гражданский чин, первый министр в странах мусульманского Востока.

Габеш, Габаиш — см. А баш.

Гавриил — архангел, библейский персонаж.

Гилян — область в северной части Ирана. См. примеч. 58.

Гулабдан — сосуд (флакон) для хранения розовой воды, духов.

Гурия — райская дева, награда правоверному мусульманину на небесах.

Гурген-хан — так называли старшего сына Ираклия царевича Георгия, будущего последнего грузинского царя Георгия XIII. Ему принадлежало армянское село Санаин, откуда родом была мать Саят-Новы. Поэт называл себя глехи (крестьянином, холопом) Гурген-хана — его крепостным или полукрепостным, не лишенным личной свободы.

Гюлистан — сад роз; цветник.

Гюмушхан (дословно: серебряный рудник). Имеются в виду серебряные и свинцовые рудники в Турции, недалеко от приморского города Трабзона, славившиеся в XVIII в.

Давид — псалмопевец, библейский царь.

Джаваир — драгоценный камень, бриллиант.

Джан — душа; тело; здоровье, жизнь; ласкательное обращение в смысле: дорогой, милый, дорогая, милая.

Джанум — ласкательное обращение: душа моя, милая моя.

Джейран — лань, газель; метафорически употребляется для обозначения стройных девушек или юношей.

Дошаб — сваренный сок винограда.

Зал — отец Ростом а.

Залум — безжалостная, жестокая; отчаянная.

Зурна — деревянный духовой музыкальный инструмент.

Измир — город в Турции, на берегу Эгейского моря.

Инд — Индия; индиец.

Индостан — Индия.

Иордан — река в Восточном Средиземноморье, в которой, по евангельскому преданию, был окрещен Иисус Христос.

Ираклий II — грузинский царь XVIII в. (1744—1798); его придворным поэтом был Саят-Нова.

Искандер — Александр Македонский.

Казар (ум. в 1751 г.) — армянский католикос (глава армяно-григоринской церкви), известный тем, что при нем была возведена каменная ограда вокруг Эчмиадзинского монастыря.

Калам — перо; кисть художника.

Каламкар — шелковая цветистая ткань.

Калат — город в персидской провинции Хорасан.

Каманча (кяманча) — струнный смычковый музыкальный инструмент.

Кариб — ашуг, герой восточных сказаний. См. примеч. 15.

Лал — рубин.

Лейли (Лейла) — героиня древнеарабских легенд, легших в основу знаменитых поэм Низами, Джами, Физули, Навои и других поэтов Востока о неизменной, сильной и несчастной любви юноши-поэта Меджнуна к Лейли.

Лохман (Локман, Лухман) — арабский мифический мудрец и врач, имя которого упоминается в 31-й суре Корана.

Ляблябу — жареный горох; вареная свекла.

Майдан (мейдан) — площадь; торговый центр; поприще; поле боя, место состязания.

Майоран — ароматное растение, употребляемое в парфюмерии и кулинарии.

Марал — олень, лань.

Маранд — город на севере Персии, где в XVIII в. процветала караванная торговля.

Матах — жертва; жертвоприношение; молодое животное, предназначенное для жертвоприношения.

Мацун — особым образом приготовленное кислое молоко.

Меджлис — собрание; государственный совет, парламент; пир, пиршество.

Меджнун (дословно: обезумевший от любви) — главный герой древнеарабских легенд и произведений знаменитых поэтов Востока (см. также Лейли).

Мелик — князь; властитель.

Минишкар — имя мелика, управителя Тифлиса, жившего в первой половине XVIII в.

Мтквари — грузинское название реки Куры.

Муар — шелковая ткань с переливчатыми красками.

Мускат — душистое семя плодов мускатного дерева; употребляется для парфюмерных целей, также в медицине и кулинарии.

Набат — топленый сахар в кристаллах.

Надир (1688—1747) — персидский военачальник, провозгласивший себя шахом; совершил ряд грабительских походов, отличался жестокостью.

Назани — красавица, нежная.

Назир — министр, придворный чиновник.

Нарды — восточная настольная игра в кости.

Нунуфар — водяная лилия.

Орна — библейский земледелец Орна Иевусеянин, у которого иудейский царь Давид купил гумно и соорудил там жертвенник богу, принес всесожжение и мирные жертвы, дабы бог прекратил поражение народа моровой язвой (Библия, Вторая книга царств, гл. 24).

Падишах — в прошлом титул монарха в некоторых восточных странах (Турция, Афганистан).

Паргал — циркуль.

Пери — фея; красавица.

Пинджан — чаша, небольшой фаянсовый сосуд, фиал.

Пир — дословно: старец; здесь — многоопытный мудрый мастер.

Пранги (франги, франкский) — французский, европейский,

Прангистан (Франгистан) — Франция; вообще Европа.

Пшат — дерево с пахучими листьями; съедобные плоды этого дерева.

Рахип — соперник, разлучник.

Раиш — легендарный конь: огненный и крылатый; кличка коня Рустама, героя поэмы Фирдоуси «Шахнаме».

Рехан — ароматическая съедобная трава.

Ростом, Ростом-Зал (Рустам, Рустем) — главный герой поэмы «Шахнаме» Фирдоуси, сын Зала, образ мужественного, сильного и благородного воина.

Рубаи — четверостишие, как правило, философского содержания, в котором рифмуются 1-я, 2-я и 4-я строки, а 3-я остается без рифмовки; весьма распространено в лирической поэзии народов Востока.

Саз — музыкальный струнный инструмент; слово это употребляется и в значении песни.

Сазандар — музыкант, играющий на восточных струнных инструментах.

Саломея — дочь брата иудейского царя Ирода Антипы, которая в качестве вознаграждения за свою пляску, восхитившую Ирода и его гостей, попросила голову Иоанна Крестителя. Отсеченная голова Иоанна была на блюде преподнесена Саломее (Евангелие, Марк, VI, 17—28).

Самишит — кавказская пальма с вечнозелеными листьями и очень плотной древесиной.

Сантур (сантури) — плоский музыкальный инструмент, имеющий форму трапеции, с десятью струнами, которые приводятся в действие деревянными молоточками.

Сардар — персидский военачальник; хан-наместник.

Сарисар — тонкая хлопчатобумажная или шелковая ткань, пронизанная золотыми нитями.

Скандар-Зулхар — Александр Македонский.

Сойбат — приятная беседа.

Соломон — полупоэтический царь Израильско-Иудейского царства в X в. до н. э. По библейскому преданию, славился исключительным умом и мудростью.

Сулейман — мусульманская форма имени Соломон.

Сунбул (снбул, смбул) — общее название для ряда цветов; гиацинт; горный голубой цветок; ковыль.

Сурьма — краска для чернения бровей.

Сусамбар (сусамбар) — душистое растение.

Тар — струнный музыкальный инструмент.

Тартар — ад, преисподняя.

Туран — историческая область, по представлению средневековых авторов находилась в Средней Азии.

Улус — селение; дом; родина.

Фархад — герой фольклорных произведений многих народов Востока и Закавказья, поэм Низами («Хосров и Ширин»), Навои («Фархад и Ширин») и других, повествующих о безгранично верной и самоотверженной любви камнебома и ваятеля Фархада к красавице армянке Ширин.

Фисташка — семя в виде зеленоватого орешка; употребляется как лакомство и в кондитерских изделиях.

Франкский — см. Пранги.

Халеб — см. Алеппо.

Хамадан — город в Персии.

Хиос — остров в Эгейском море.

Хорасан — одна из крупных персидских провинций, славившаяся коврами, хлопком и оружием.

Цахказард — христианский праздник весны, цветения; вербное воскресенье.

Чанг (чонгури) — струнный музыкальный инструмент.

Чианури — струнный смычковый музыкальный инструмент.

Чонгури — см. чанг.

Чуха — верхняя мужская одежда из грубошерстной ткани.

Шакар — сахар.

Шам — сирийский город Дамаск, славившийся стальными мечами и тканями, а также Сирия.

Шамам — маленькая ароматная дыня желто-алого цвета, которую обычно не едят, а ставят на столе, на полках как украшение и источник душистого запаха; распространенное в народной и ашугской поэзии сравнение для женской груди.

Шахатаи — см. примеч. 27.

Шахиб (шарип) — высший придворный чин, наместник.

Шахсанам (Шахсенем) — героиня восточных народных сказаний, возлюбленная ашуга Кариба (см. примеч. 15).

Шербет — сладкий напиток.

Шираз — один из красивых персидских городов, родина поэтов Хафиза и Саади. В 60—90-х годах XVIII в. был столицей Персии, славился производством гончарных и стеклянных изделий.

Ширин (дословно: сладкая) — героиня восточных сказаний и поэм, возлюбленная Фархада (см. Фархад).

Шушан (сусан) — лилия.

Яр — милый, милая; возлюбленный, возлюбленная; друг, товарищ.

Яхонт — старинное название рубина и сапфира.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронτισпис*. Саят-Нова. Портрет работы художника Р. Рухкяна. Подлинный портрет не сохранился.

2. С. 79. Рукопись армянского стихотворения «Не плачь, о джан, пусть разум твой ни в чем плохого не узрит...» в армянской и грузинской транскрипции.

3. С. 90. Рукопись армянского стихотворения «Разгорелся великий пожар — любовь!..» в грузинской транскрипции.

4. С. 165. Рукопись азербайджанского стихотворения «Шахатаи, говорят, я взываю с мольбой к шахиншаху...» в армянской транскрипции.

5. С. 173. Рукопись одного из азербайджанских стихотворений Саят-Новы в армянской транскрипции. Внизу — начало стихотворения «Пахнут волосы реханом — мне по нраву эта прядь!..», написанного на армянском и азербайджанском языках.

СОДЕРЖАНИЕ ¹

Певец человека и любви. <i>Вступительная статья</i> <i>В. С. Налбандяна</i>	5
--	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПЕРЕВОДЫ С АРМЯНСКОГО

1. «Как соловей, томилась ты...» <i>Перевод С. Шервинского</i>	55
2. «Ты, безумное сердце, мне внемли...» <i>Перевод В. Брюсова</i>	56
3. «Твой силен ум: таким рожден, — себя глупцу равнять за- чем?...» <i>Перевод В. Брюсова</i>	57
4. «Твой волос — смоченный рехан, иль шелка нить, или стру- на...» <i>Перевод С. Шервинского</i>	58
5. «Друг, ты попал в сети любви, — песенный дар я для тебя...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	59
6. «Лишь знать, как много лет тебе! — с тобою твой гусяр бла- жен...» <i>Перевод С. Шервинского</i>	60
7. «Ах, не нужен мне лекарь, не нужен врач...» <i>Перевод В. Звя- гинцевой</i>	61
8. «Меджнун я, тоской палимый...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	62
9. «От любви, как Меджнун, горю...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	62
10. «Жив доколь я, джан, — милой в жертву дан. Как избыть дурман?...» <i>Перевод С. Шервинского</i>	63
11. «Ах, почему мой влажен глаз и кровь на сердце? Жжет она!..» <i>Перевод В. Брюсова</i>	64
12. «Меня ты ранишь без ножа. Палач моих желаний ты...» <i>Пе- ревод С. Шервинского</i>	65

¹ Знаком * помечены стихотворения, переведенные на русский язык впервые; знаком ** — переведенные заново специально для данного сборника.

13.	«Яр, никогда не знай беды, беда вовек — врагам твоим...» <i>Перевод С. Шервинского.</i>	63
14.	«Чужбина — мука соловья; год — сада он родного ждет!...» <i>Перевод В. Брюсова.</i>	67
15.	«Внемли: проникнуты слова мои мольбой, о свет очей...» <i>Перевод С. Шервинского.</i>	68
16.	«Ты ярче сбрии золотой в своих камнях, красавица...» <i>Перевод М. Лозинского.</i>	68
17.	«Я был в Абаше, я весь мир прошел до края, нежная...» <i>Перевод М. Лозинского.</i>	69
18.	«Я болен от любви к тебе, — о злом недуге плачу...» <i>Перевод М. Лозинского.</i>	70
** 19.	«Служи народу, не жалея своей души, Саят-Нова...» <i>Перевод Е. Николаевской.</i>	71
20.	«Кто рядом сел — он пьян уже, в его глазах двоишься ты...» <i>Перевод С. Гайсарьяна.</i>	72
** 21.	«Сколь многоцветен тот калам, который вдохновляешь ты!...» <i>Перевод Д. Виноградова.</i>	73
22.	«Наш мир — окно, но улиц вид меня гнетет, мне стал не мил...» <i>Перевод С. Шервинского.</i>	73
23.	«Из всех людей хваленных лир полней звучишь ты, каманча!...» <i>Перевод В. Брюсова.</i>	74
24.	«Меня и милую мою година та ж родила, знай...» <i>Перевод В. Брюсова.</i>	75
** 25.	«Надломлена душа твоя и стонет, посох свой кляня...» <i>Перевод Е. Николаевской.</i>	75
26.	«Коль слово неучу дано, ему внимать к чему теперь?...» <i>Перевод С. Гайсарьяна.</i>	77
** 27.	«Красавица, певца Шахатаи ты унижать не станешь...» <i>Перевод Е. Николаевской.</i>	78
28.	«Не плачь, о Джан, пусть разум твой ни в чем плохого не узрит...» <i>Перевод К. Липскерова.</i>	80
29.	«Склони свой слух, баритавур...» <i>Перевод С. Шервинского.</i>	80
30.	«Ты — узоры парчи, ты как золото ткани, о Джан!...» <i>Перевод К. Липскерова.</i>	84
31.	«Я — на чужбине соловей, а клетка золотая — ты!...» <i>Перевод В. Брюсова.</i>	85
32.	«Откуда ты? (я соловью)...» <i>Перевод В. Брюсова.</i>	86
33.	«С бесценным камнем джаваир своей красою сходна ты...» <i>Перевод С. Шервинского.</i>	86
34.	«Нынче милую мою видел я в саду...» <i>Перевод В. Брюсова.</i>	87
35.	«Так жить хочу, чтоб каждым днем обязан был я лишь себе...» <i>Перевод К. Липскерова.</i>	88

36.	«Ты — как сирена, что губит плывущих...» <i>Перевод М. Лозинского.</i>	89
**37.	«Разгорелся великий пожар — любовь!..» <i>Перевод Д. Виноградова.</i>	89
38.	«Отраден голос твой и речь приятна...» <i>Перевод М. Лозинского.</i>	91
39.	«Мне люди скажут: я по красе томлюсь...» <i>Перевод С. Шервинского.</i>	92
**40.	«И саз не звучит, и не в радость сойбат без тебя...» <i>Перевод Д. Виноградова.</i>	92
41.	«Я в жизни вздоха не издам, доколе джан ты для меня!..» <i>Перевод В. Брюсова.</i>	93
42.	«Я ждал, я пролил столько слез...» <i>Перевод А. Тарковского</i>	94
43.	«Пусть отвесят мне кораллов горсти, горсти...» <i>Перевод В. Звягинцевой.</i>	95
44.	«Не убивай, не утолив! Намек твой был иной, краса...» <i>Перевод С. Шервинского.</i>	95
45.	«Ты — джаваир индийских стран, бесценный лал пленительный...» <i>Перевод Ю. Верховского.</i>	95
**46.	«Ты смотришь грозно — русский царь врага испепеляет так!..» <i>Перевод Д. Виноградова.</i>	97
47.	«Ушел Фархад, Ширин, твой взгляд навек тоской опален!..» <i>Перевод В. Звягинцевой.</i>	97
48.	«Роза шлет весть соловью: мол, расцвела, — ожидает...» <i>Перевод В. Звягинцевой.</i>	98
49.	«О царь, люби закон и суд, не будь жесток, коль жизнь мила...» <i>Перевод С. Гайсарьяна.</i>	99
50.	«Яр, тебе подходит алая тафта...» <i>Перевод С. Гайсарьяна</i>	99
*51.	«Все поймут этой песни слова: непорочно чиста ты, мой друг...» <i>Перевод А. Щербакова.</i>	100
*52.	«Однажды встретились чабан и волк...» <i>Перевод Е. Николаевской.</i>	102
*53.	«Я вкус утратил к бытию, устал от мира — сладу нет...» <i>Перевод Е. Николаевской.</i>	103
*54.	«Яр, что в словах и «да» и «нет» мешает, — осуждаю я...» <i>Перевод Е. Николаевской.</i>	103
**55.	«Твой взгляд сведет меня с ума — боюсь, окончу дни...» <i>Перевод Д. Виноградова.</i>	104

ПЕРЕВОДЫ С ГРУЗИНСКОГО

56.	«Сколько звезда ни свети — в море воды не убавит...» <i>Перевод В. Потаповой.</i>	105
57.	«То, что бархат я, что шелк я, что парча, — ты разве знаешь?..» <i>Перевод К. Липскерова.</i>	106

58.	«О, приди, я твой, не гляди сурово...» <i>Перевод А. Тарковского.</i>	.107
59.	«Милая, давным-давно в сердце мне запала ты...» <i>Перевод А. Тарковского.</i>	.107
60.	«В соловьях нет недостатка, полон сад цветов, — не так ли?...» <i>Перевод К. Липскерова</i>	.108
61.	«Говорю с тобой затем я...» <i>Перевод К. Липскерова</i>	.109
62.	«Я — твой раб, тебе прислужник никакой не нужен...» <i>Перевод К. Липскерова.</i>	.110
63.	«Ты — источник песен, ты подобна сазам...» <i>Перевод К. Липскерова.</i>	.110
64.	«Миру твой царственный облик на диво...» <i>Перевод А. Тарковского.</i>	.111
65.	«Иной, расслабленный, в бессильной брани...» <i>Перевод К. Липскерова.</i>	.111
66.	«Кто завидует соседу — ни крупницы...» <i>Перевод К. Липскерова.</i>	.112
67.	«Твоему суду сердце будет радо...» <i>Перевод А. Тарковского</i>	.113
68.	«В сад весенний дверцу милой открою...» <i>Перевод К. Липскерова.</i>	.113
69.	«Взорам смертных словно роза рая ты...» <i>Перевод К. Липскерова.</i>	.114
70.	«Ты — пенная Кура с волной Аракса мутноводной...» <i>Перевод В. Потаповой.</i>	.115
71.	«Златые пуговицы твои под стать искусному шитью...» <i>Перевод В. Потаповой.</i>	.115
*72.	«Может каждого постигнуть это горе неким днем...» <i>Перевод Е. Николаевской.</i>	.116
73.	«Пусть попугай поет, а я услышать соловья хочу...» <i>Перевод В. Потаповой.</i>	.117
74.	«Как можно другу отказать и нанести ему удар?...» <i>Перевод В. Потаповой.</i>	.118
75.	«В саду любимой разум потерял я...» <i>Перевод В. Потаповой</i>	.118
76.	«Захочешь душу из души — и нет запрета для тебя!...» <i>Перевод В. Потаповой.</i>	.119
77.	«Питомница розы, поверь мне — родного сосца прекраснее ты...» <i>Перевод В. Потаповой.</i>	.120
78.	«Полуночная звезда в небосклоне — ты...» <i>Перевод В. Потаповой.</i>	.120
79.	«Разве голоден был и едой подкрепиться пришел я?...» <i>Перевод В. Потаповой.</i>	.121
80.	«Прок ли в том, что злой печали ты не знаешь!...» <i>Перевод К. Липскерова.</i>	.122

81. «Оставь меня! Хитрить, платить бесчестьем дань я не хочу!..» <i>Перевод В. Потаповой.</i>	123
82. «Поверь мне, кованый железа кусок...» <i>Перевод В. Потаповой.</i>	123
83. «Говорят, гора крутая разделила два селенья. Это верно...» <i>Перевод В. Потаповой.</i>	124
84. «Услышать твой игривый зов всегда желал — приди, узрю!..» <i>Перевод С. Гайсарьяна.</i>	125
85. «Что, если с кровли к нам она сойдет...» <i>Перевод В. Потаповой.</i>	126
86. «Пропавшая головушка! Доколе...» <i>Перевод В. Потаповой</i>	127

ПЕРЕВОДЫ С АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО

87. «Дитя океана! Мой перл! Для тебя...» <i>Перевод А. Тарковского</i>	129
*88. «Благодарение творцу! Вода и прах, я долго спал...» <i>Перевод А. Щербакова</i>	130
89. «Не поведаю миру моих скорбей...» <i>Перевод А. Тарковского.</i>	131
90. «Яр, отдай мне твои огорченья все...» <i>Перевод А. Тарковского.</i>	132
91. «Ты спросишь о своем рабе, а я отвечу...» <i>Перевод А. Тарковского.</i>	133
92. «Благословен строитель, возведший мост!..» <i>Перевод А. Тарковского.</i>	134
*93. «Чтоб льву поймать лису — ему бежать...» <i>Перевод Е. Николаевской.</i>	135
94. «Невыносимым стал мне песенный мой дар...» <i>Перевод В. Звягинцевой.</i>	135
95. «Темнеет мир в сердце моем...» <i>Перевод К. Липскерова</i>	136
96. «Смерть придет ко мне незванно, — и себе я кров ищущу...» <i>Перевод К. Липскерова.</i>	137
97. «Яр, мук терпеть не стану, нету силы...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	137
98. «Слова великих мудрецов...» <i>Перевод К. Липскерова</i>	138
99. «В морях любви на дне есть жемчуг, и вот оттуда кладь моя...» <i>Перевод В. Звягинцевой.</i>	139
100. «Всё расскажу о родниках любимой...» <i>Перевод А. Тарковского.</i>	140
101. «Надела золотую ткань на пурпурный атлас — яр...» <i>Перевод А. Тарковского.</i>	140
102. «Я тобой измучен, о моя пери!..» <i>Перевод К. Липскерова</i>	141

103.	«Она взрастила сад красот: айва и гранаты — в ней...» <i>Перевод К. Липскерова.</i>	.142
104.	«Полетим, бьюлюбью, с тобою...» <i>Перевод К. Липскерова</i>	142
105.	«Это к нам идет княжна. Кто ее стройней?..» <i>Перевод А. Тарковского.</i>	.143
106.	«Ты кисти Индостана вдохновенье...» <i>Перевод В. Звягинцевой.</i>	.143
107.	«Схожа с ланью, убежавшей от ловца...» <i>Перевод В. Звягинцевой.</i>	.144
108.	«О тебе распевал не один ашуг...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	143
109.	«Розой раскрылась прелесть любимой...» <i>Перевод В. Звягинцевой.</i>	.145
110.	«Дрожа, предложил я безжалостной яр...» <i>Перевод К. Липскерова.</i>	.145
111.	«Кровью давнишняя рана сочится...» <i>Перевод В. Звягинцевой.</i>	.147
112.	«В когтях тоски забыта жизнь моя...» <i>Перевод В. Звягинцевой.</i>	.147
113.	«Глянь на грудь мою, — не кровь ли всё течет, всё течет!..» <i>Перевод К. Липскерова.</i>	.148
114.	«Весть пришла от яр прелестной: «Ни приветам, — говорит...» <i>Перевод А. Тарковского.</i>	.149
115.	«„Мир — ничто" — мне кто-то шепчет меж ветвей...» <i>Перевод К. Липскерова.</i>	.149
116.	«Охотнику оленя не настичь...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	150
117.	«Порой любовь другую хочу найти...» <i>Перевод А. Тарковского.</i>	.151
118.	«Какую ты преследовала цель...» <i>Перевод А. Тарковского</i>	151
119.	«Из-за тебя, красавица, в морях страстей — погибну...» <i>Перевод А. Тарковского.</i>	.152
120.	«С понишкой головой, в цепях...» <i>Перевод А. Тарковского</i>	152
121.	«Вы послушайте, что молвит вам ваш раб...» <i>Перевод К. Липскерова.</i>	.153
122.	«Взываю к господу, судьбы злой приговор найдя, найдя...» <i>Перевод К. Липскерова.</i>	.154
123.	«Дикий мак, затесавшись в прелестный цветник...» <i>Перевод К. Липскерова.</i>	.154
124.	«Да будут смертному слова мои ясны...» <i>Перевод В. Звягинцевой.</i>	.155
125.	«Я лишь слуга ашугов искушенных...» <i>Перевод К. Липскерова.</i>	.156
126.	«Мне ангелом любовь дана...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	156
127.	«От любви мне дышать невмочь...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	157

128.	«Этот — друг твой, а та вот — услада ночей...» <i>Перевод К. Липскерова.</i> 157
129.	«Хоть мастер опытный, весьма искусен ты...» <i>Перевод К. Липскерова.</i> 158
130.	«Весь этот мир — лишь суета. Что край беды припоминать?..» <i>Перевод К. Липскерова.</i> 159
*131.	«Рабу внимлите, господа мои...» <i>Перевод Е. Николаевской</i>	160
*132.	«Эй, судьи, в чем была моя вина?..» <i>Перевод Е. Николаевской</i> 160
*133.	«Душа у нас подобна келье без окна...» <i>Перевод Е. Николаевской.</i> 161
*134.	«Во имя преданной любви произнеси хоть что-нибудь!..» <i>Перевод Е. Николаевской.</i> 162
*135.	«Заклинаю тебя, свет моих седин...» <i>Перевод А. Щербакова.</i> 162
*135.	«Коварносердая моя, ко мне с весны ты не идешь...» <i>Перевод А. Щербакова.</i> 163
*137.	«Шахатаи, говорят, я взываю с мольбой к шахиншаху...» <i>Перевод Е. Николаевской.</i> 164
*138.	«Говорят, Шахатаи, ты земных основ создатель...» <i>Перевод Е. Николаевской.</i> 166
*139.	«Шахатаи, обращаюсь я к господе: сжался!..» <i>Перевод Е. Николаевской.</i> 166
*140.	«С душою тело не в ладу, в крови смертельный бродит яд...» <i>Перевод Д. Виноградова.</i> 167

ПРИЛОЖЕНИЕ

*141.	«О, что я натворил! Беда непоправима!..» <i>Перевод Д. Виноградова.</i> 171
*142.	«Пахнут волосы реханом — мне по нраву эта прядь!..» <i>Перевод Д. Виноградова.</i> 172
*143.	«Тебе, о мученик святой, греметь осанна не устала...» <i>Перевод Д. Виноградова.</i> 172
144.	«Заветных тайн своих врагу не доверяй...» <i>Перевод В. Звягинцевой.</i> 174
	Примечания	175
	Словарь	195
	К иллюстрациям	200

Саят-Нова

СТИХОТВОРЕНИЯ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1982,
208 стр. План выпуска 1982 г. № 421.

Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. С. Орлов*
Редактор *Л. С. Гейро*
Техн. редактор *Е. Ф. Шараева*
Корректор *Е. Я. Лапкин*

ИБ № 3339

Сдано в набор 16.03.82. Подписано к печати 24.06.82. М 38723. Формат 84X108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 11,02. Уч.-изд. л. 10,60. Тираж 25 000 экз. Заказ № 265. Цена 1 руб. Издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Невский пр., 28. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3.